

# СКАЗАНИЯ О РУССКОЙ ЗЕМЛЕ

Александр Нечволодов



[Вступление](#)



*Обучение царских детей. У царевича, сидящего первым от учителя, на свитке можно разобрать слова “Вразуми мя. Господи, и научи”*  
Заглавный рисунок (ввиду ветхости подлинника, несколько восстановленный) редчайшей рукописи XVII века под наименованием “Толстовская Буквица”

Предлагаемая книга написана с целью дать возможность каждому русскому человеку изучить жизнь и дела своих предков в давние времена.

Изучение это не только высокопоучительно, но и совершенно необходимо.

Оно показывает нам, от каких смелых, мудрых и благородных людей мы приходим; какие великие труды были положены ими на создание нашей Родины, и как обильно орошена их кровью каждая пядь Русской земли.

Вместе с тем, изучение это показывает нам и путь, по которому мы должны идти, чтобы исполнить священную обязанность перед потомством — сохранить для него в полной неприкосновенности святое наследие наших предков — Русскую землю.

Приведенные выше слова служили вступлением к первой части настоящего труда, посвященной памяти И. Е. Забелина и изданной в 1909 году Братством при Свято-Николаевской церкви 58-го пехотного Пражского полка.

В том же 1909 году написанная мною книга удостоилась самого милостивого внимания со стороны государя императора, и его величеству благоугодно было выразить мне свою волю, чтобы я продолжал начатый мною труд.

24 мая 1911 года я получил всемилостивейшее разрешение представить государю в Царском Селе вторую часть “Сказаний о Русской земле”, причем работе моей было вновь оказано несколько самых незабвенных для меня знаков монаршего внимания.

1 декабря 1911 года в Ливадии государь император несказанно осчастливил меня словами, что он читает вслух мою книгу ее величеству, и высказал при этом свое пожелание, чтобы следующее ее издание было

возможно полнее украшено рисунками— как воспроизведениями с исторических картин современных русских художников, так и снимками с древних икон, рукописей, со стенописи храмов, старинных зданий, оружия и разного рода утвари.

Ввиду этого настоящим изданием 1913 года выходят в свет со значительным количеством рисунков четыре части моего труда, доведенного до избрания и венчания на царство Михаила Федоровича Романова.

При своей работе я руководствовался всеми доступными мне первоисточниками, а также и трудами наших знаменитых историков и ученых: Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, И. Е. Забелина, В. Ключевского, С. Ф. Платонова, А. А. Шахматова, Н. П. Кондакова, А. И. Соболевского, Н. П. Лихачева и др. Подробное указание печатных произведений и рукописей, какими я пользовался и из которых делал более или менее значительные заимствования, приведено в конце каждой части.

Вместе с тем, я по мере сил стремился осуществить заветы И. Е. Забелина, выраженные им в следующих словах: “Всем известно, что древние, в особенности греки и римляне, умели воспитывать героев... Это умение заключалось лишь в том, что они умели изображать в своей истории лучших передовых своих деятелей не только в исторической, но и в поэтической правде. Они умели ценить заслуги героев, умели различать золотую правду и истину этих заслуг от житейской лжи и грязи, в которой каждый человек необходимо проживает и всегда больше или меньше ею марается. Они умели отличать в этих заслугах не только реальную и, так сказать, полезную их сущность, но и сущность идеальную, то есть историческую идею исполненного дела и подвига, что необходимо и возвышало характер героя до степени идеала.

Наше русское воздвигание истории находится от древних совсем на другом, на противоположном конце. Как известно, мы очень усердно только отрицаем и обличаем нашу историю и о каких-либо характерах—идеалах не смеем и помышлять. Идеального в своей истории мы не допускаем. Какие у нас были идеалы, а тем паче герои! Вся наша история есть темное царство невежества, варварства, суесвятства, рабства и так далее. Лицемерить нечего: так думает великое большинство образованных русских людей. Ясное дело, что такая история воспитывать героев не может, что на юношеские идеалы она должна действовать угнетательно. Самое лучшее, как юноша может поступить с такой историей, это совсем не знать, существует ли она. Большинство так и поступает... Но не за то ли самое это большинство русской образованности несет, может быть, очень справедливый укор, что оно не имеет почвы под собой, что не чувствует в себе своего исторического национального сознания, а потому и умственно, и нравственно носится попутными ветрами во всякую сторону.

Действительно, твердой опорой и неколебимой почвой для национального сознания и самопознания всегда служит национальная история...

Не обижена Богом в этом отношении и русская история. Есть или должны находиться и в ней добрые общечеловеческие идеи и идеалы, светлые и высоконравственные герои и строители жизни. Нам только надо хорошо помнить правдивое замечание античных писателей, что „та или другая слава и знаменитость народа или человека в истории зависит вовсе не от их славных или бесславных дел, вовсе не от существа исторических подвигов, а в полной мере зависит от искусства и умения или даже от намерения писателей изображать в славе или уничивать народные дела, как и деяния исторических личностей...”

Кроме приведенных выше слов И. Е. Забелина, в моих взглядах на русскую историю я во многом находил себе точку опоры, подтверждение и разъяснение в трудах одного из самых великих своей любовью к Родине современных русских людей — Николая Федоровича Федорова. При жизни он был известен многим только как изумительный по добросовестности, трудолюбию и разнообразию знаний скромный служащий при библиотеке Румянцевского музея в Москве, который знал содержание всех решительно книг громадной библиотеки этого музея. Ему было также всегда известно каждое требование всякого посетителя библиотеки на книги, и по этим требованиям он сразу узнавал действительного работника, с любовью относящегося к своему делу. Тогда Николай Федорович за-глазно всей душой привязывался к нему и старался быть полезным, чем мог, причем от себя посылал изумленному посетителю еще две-три книги, которых тот совсем не требовал и о существовании которых совершенно не подозревал, а между тем содержание этих неожиданных книг прямо отвечало на поставленную им себе задачу. Когда же случалось, что посетитель, обративший на себя внимание Н. Ф. Федорова, требовал таких книг, каких в Румянцевском музее не было, то он покупал их на свои более чем скудные средства. Люди, которым приходилось соприкасаться с ним, называли его мудрецом и праведником, а более близкие к нему говорили, что он был один из тех немногих праведников, которыми держится мир, и считали Николая Федоровича по уму и истинно христианской душе — “великим и даже великим из великих”. После своего знакомства с Н.Ф.Федоровым граф Л.Н.Толстой, пораженный его личностью, писал: “Николай Федорович святой. Каморка... не хочет жалованья, нет белья, нет постели”.

Вслед за кончиной этого замечательного русского человека, последовавшей в 1903 году, В. А. Кожевников и Н. П. Петерсон предприняли издание его обширных творений под заглавием “Философия общего дела”, причем, к сожалению, выпущенная до настоящего времени в свет первая их часть в продажу не поступила, а была бесплатно разослана в разного рода библиотеки, так как покойный возмущался торговлей произведениями мысли и считал это святотатством.

По глубочайшему убеждению Н. Ф. Федорова, конечным общим делом всего человечества является воскресение из мертвых, которое последует после того, когда наступит на земле всеобщий братский союз, причем во

главе его будет стоять русский государь, а Россия станет для всех: “Родной, милой и дорогой”.

При жизни Николая Федоровича весьма немногие были знакомы с его взглядами, но взгляды эти разделялись такими выдающимися людьми, как Ф. М. Достоевский и В. С. Соловьев; последний называл его учение — “первым движением вперед человеческого духа по пути Христову со времени появления христианства”.

В своих творениях, подробно разбирая прошлое России и ее значение среди остальных государств и высказывая по этим вопросам ряд изумительно глубоких мыслей, а порой и предсказаний, уже частью осуществившихся, Николай Федорович совершенно соглашается со взглядами на будущность Русской земли, высказанными в начале XVI-го века старцем Елизарова монастыря Филофеем.

Так как взгляды эти полностью восприняты и мною, то в заголовке каждой части настоящего труда приводятся слова старца Филофея о Русском государстве из его послания к дьяку Мисюрю Мунехину.

При своей работе я пользовался самым лестным и дорогим для меня вниманием со стороны всех лиц, к которым я обращался за помощью.

Я позволю себе просить принять чувства моей глубокой признательности его императорское высочество великого князя Петра Николаевича за ценные указания по древнему русскому церковному строительству и за два рисунка собственной работы его высочества, присланные по моей просьбе для помещения в настоящем издании.

Прошу также принять чувства самой искренней благодарности за оказание широкого содействия моему труду: высокопреосвященного Владимира, митрополита С.-Петербургского и Ладожского, преосвященного Георгия, ректора С.-Петербургской Духовной Академии, преосвященного Федора, ректора Московской Духовной Академии, Собор и наместника Троице-Сергиевой лавры и ее архимандрита Товию, наместника Киево-Печерской лавры архимандрита Амвросия, настоятеля Иосифо-Волоколамского монастыря архимандрита Нифонта и иеромонаха той же обители отца Пафнутия, настоятеля Кирилло-Белозерского монастыря игумена Феодорита; министра Императорского двора генерал-адъютанта графа В. Б. Фредерикса, Председателя Императорского Русского Военно-Исторического общества генерала от кавалерии Д. А. Скалона, начальника Военно-походной канцелярии его императорского величества свиты его величества генерал-майора князя В.Н.Орлова, свиты его величества генерал-майора Н.А. Княжевича, члена Государственного совета сенатора А. А. Нарышкина, академиком А. А. Шахматова и А. И. Соболевского и заведующего библиотекой Императорской Академии наук В. И. Срезневского, доктора истории и помощника директора Императорской Публичной библиотеки Н.П.Лихачева, а также заведующих ее отделами: А. И. Бычкова, В. И. Сайтова и Н.Д. Чечулина; директора С.-Петербургского Археологического института Н. В. Покровского; г.г. заведующих отделами: в Императорской Академии художеств: Ф. Г. Беренштамма, Э.О. Визеля и Э.А.

Шульца; в Императорском Эрмитаже: Я. И. Смирнова, Е.М. Придика, барона П.Ф. Мейендорфа, А. К. Маркова и О.Ф. Вальдгаугера; профессоров С.-Петербургского университета: барона М. А. Таубе, А.И.Иванова и В. Н. Бенешевича; члена Императорской Археологической комиссии Б. В. Фармаковского; заведующего библиотекой С.-Петербургской Духовной Академии А. П. Кроткова; бывшего секретаря Русского музея имени императора Александра III в С.-Петербурге Г.В.Каховского и хранителя названного музея А. А. Миллера; товарища председателя Исторического музея имени императора Александра III в Москве — князя Н. Б. Щербатова и заведующих отделами музея: А. В. Орешникова, А. И. Станкевича, В. Н. Щепкина и И. М. Тараблина; прокурора Московской Синодальной конторы М. П. Степанова и заведующего Патриаршей библиотекой Н. И. Попова; старшего делопроизводителя Московского Главного архива Министерства иностранных дел С. А. Белокурова; управляющего Московской Синодальной типографией А. С. Орлова и заведующего древлепечатными палатами в ней А. А. Покровского; г.г. заведующих Московской Оружейной палатой — С.П.Бартенева и Ю.В. Арсеньева; заведующего библиотекой Императорского Румянцевского музея в Москве Ю.В. Готье и Я. Г. Кваскова; хранителя археологического отдела Киевского городского музея императора Николая II — В.В. Хвойко; А. И. Кирееву, О. Н. Гакен, О. А. Фрибес, Н. А. Бутми, Е. О. Ягельскую, В. А. Кожевникова, С. А. Панчулидзева, Г. А. Шечкова, Р. Р. фон Шуль-мана, В. К. Солонину, Н. В. Кириллова, Д. Д. Ламонова, М. П. Тихонова, Н. С. Смирнова и М. М. Штейнсберга; председателя Новгородского Общества любителей древности М. В. Муравьева и хранителя Новгородского музея древностей Н. П. Володина; члена Ярославской Архивной комиссии В. М. Бушуева; маститого польского историка Ф. А. Корзона, президента Краковской Академии наук г. Ульяновского и г.г. Пржецлавского, Ивановского, Барановского, Семиенского, Качеевского и Гембаржевского.

Вместе с тем считаю долгом помянуть с чувством глубокой благодарности память покойных П. Я. Дашкова и П. И. Щукина, всегда с большой благожелательностью относившихся к моей работе.

Прошу принять мою искреннюю признательность за любезное доставление снимков: баронессу О. П. Притвиц и Е. Ф. Римус за виды развалин ливонских замков, баронессу Т. И. Медем за снимки с икон и различных вкладов, хранящихся в ризнице Псково-Печерского монастыря, М. П. Карцеву за виды Иосифо-Волоко-ламского монастыря и К. Н. Россолимо за виды Киево-Печерской лавры; российского императорского посланника в Копенгагене барона К. К. Бугсгевдена за доставление снимков с портретов в королевском замке Фреденсборге в Дании; чинов императорских российских миссий: в Мадриде — за снимки с греческой рукописи Ивана Скилицы Куропалата, и в Стокгольме — за снимки с портретов, хранящихся в шведских королевских замках; хранителей Британского музея и Лондонской Национальной галереи: г.г. Кембпель-Догдсона, Гомефа, Д. С. Макколя, и г.г. Бос-веля и Коллинс-Бекэра; Управление городского музея в городе Бреславле;

Совет общины Рогожского старообрядческого кладбища за доставленный снимок с древней иконы Троице-Сергиевой лавры, и П. Н. Пурышева за снимки, сделанные в Кирилло-Белозерском монастыре.

Искренне благодарю также за любезное разрешение пользоваться библиотеками и картинными галереями: владельницу Несвижского замка — княгиню М. В. Радзивилл, Е.Г. Швартца, в д. Шталмейстера двора его величества П. А. Демидова — владельца замка Вишневец, владельца замка Вилянов — графа К. Браницкого, графов М. О. Замойского и С. С. Красинского, владельца замка Красичин в Галиции — князя В. Сапегу, обладателя редчайшего собрания икон старого письма в Москве — Егора Егоровича Егорова, владельца антиквариата в Варшаве—г. И. Виль-дера и Л. Ф. Всеволожскую, издательницу журнала “Нива”, за любезно предоставленное право производства снимков с рисунков, составляющих исключительную собственность этого журнала.

Немалую помощь в издании моего труда оказали мне ценные указания художников Г. П. Кондратенко и Н. К. Рериха, издателя журнала “Старые годы” — члена Императорской Академии художеств П. П. Вейнера и Л. К. Савопуло, а также директора Императорского Строгановского училища в Москве Н. В. Глоба, причем обложки, заглавные буквы и некоторые другие рисунки исполнены талантливым преподавателем этого училища С. И. Ягужинским.

---

В заключение считаю долгом принести мою искреннюю признательность начальнику Государственной типографии, в которой печаталась книга, генерал-майору П. А. Шевелеву, его помощнику, в д. Шталмейстера двора его величества, действительному статскому советнику И. И. Назимову, заведующему работами статскому советнику Г. Г. Ходунову, его помощнику Г. Л. Гренцу, Н. Н. Штурцу, печатному мастеру М. И. Белому, метранпажу П. И. Егорову и его помощнику И. П. Королеву, а также классному литографу штаба Варшавского военного округа Н. В. Никитину за исполнение всех планов и карт к настоящему изданию, и Б. Л. Вержбицкому, владельцу графических заведений в Варшаве, вместе с его помощниками — художником А. Полтавским и мастером-цинкографом Ю. Ендржеевским, под непосредственным наблюдением которого были приготовлены для печати

## ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

### Глава первая

Наше происхождение от колена Иафета.  
Жизнь древних ариев. Расселение их.  
Расселение славян.  
Сказания греков о кентаврах и амазонках.  
Славяне под Троей.  
Поход наших предков на Египет и Иерусалим.  
Смерть Кира.  
Поход Дария в Южную Россию.  
Путешествие Геродота в Россию и его описание нашей страны и обычаев.  
Курганные находки.

### Глава вторая

Сведения о Русской земле у писателей после Геродота.

Путешествие святого апостола Андрея Первозванного.  
Походы славян против Римской империи.  
Готы.  
Гунны объединяют восточных славян.  
Аттила.  
Раздоры славян между собой.  
Нашествие аваров.  
Русь во время хазарского ига.  
Призвание князей.

### Глава третья

Начало Русской государственности.  
Кирилл и Мефодий - просветители славян.  
Княжение Рюрика.  
Аскольд и Дир; их славный набег на Царьград.  
Княжение Олега.  
Игорь, святая Ольга.

### Глава четвертая

Святослав. Его детство.  
Первое боевое крещение.  
Его походы.  
Доростол.  
Смерть Святослава.  
Ярополк и усобицы с братьями.  
Владимир язычник.  
Крещение Руси.  
Княжение святого Владимира.

### Глава пятая

Убийство Святополком Бориса, Глеба и Святослава.  
Борьба его с Ярославом  
Княжение Ярослава.  
Состояние Руси ко времени кончины Ярослава.  
Богатыри.  
Духовенство.  
Киево-Печерская лавра.  
Заключение.



*1. Всемирный потоп.*

Из толковой рукописной Палеи (рассказы из Ветхого Завета)  
новгородского письма 1477 года.

## ГЛАВА ПЕРВАЯ



Наше происхождение от колена Иафета. Жизнь древних ариев. Расселение их. Расселение славян. Сказания греков о кентаврах и амазонках. Славяне под Троей. Поход наших предков на Египет и Иерусалим. Смерть Кира. Поход Дария в Южную Россию. Путешествие Геродота в Россию и его описание нашей страны и обычаев. Курганные находки.

ВЯЩЕННОЕ писание повествует нам, что после потопа от трех сыновей Ноя — Сима, Хама и Иафета произошли все народы, обитающие ныне на земле.

Одно из колен племени Иафета поселилось в верховьях рек Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, находящихся ныне в пределах Российской империи — в Туркестанском крае<sup>1</sup>.

Здесь колено это дало начало как многим племенам Малой Азии, Персии и Индии, так и всем славным и знаменитым народам, населяющим Европу: грекам, римлянам, испанцам, французам, англичанам, немцам, шведам, литовцам и прочим, а также и всем славянским племенам: русским, полякам, болгарам, сербам и всем остальным.

Первоначально все наши древние предки, жившие в верховьях Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, носили название ариев.

Арии на древнем языке, которым они говорили, означало — почтенные, превосходные.

Действительно, арии выделялись из всех остальных обитателей земли того времени как своей силой, ростом, стройностью и красотой, так, особенно, благородством своих душевных свойств.

Несмотря на то, что в те отдаленные времена, за несколько тысячелетий до рождения нашего Спасителя, проповедовавшего любовь к ближнему, всюду господствовала чрезвычайная жесткость нравов, среди ариев, наряду с этой жесткостью нравов, высоко ценились и уважались и те душевные качества, которые и ныне составляют принадлежность всякого человека с благородной душой: храбрость и честность.

Наши древние предки соединялись для жизни в поселения или деревни. Они умели устраивать себе жилища, в которых были двери и печи из камня.

Главное их имущество и богатство, как и ныне у крестьян, составлял домашний скот: коровы, быки, туры, волы, лошади, овцы, свиньи, поросята, козы и даже птица — гуси. При стаде и доме жила собака; но кошка еще не была домашним животным.

Главным занятием ариев было хлебопашество; но в удобных местах они занимались и скотоводством; вместе с тем все они были, конечно, смелыми и отважными охотниками на дикого зверя.

Арии обрабатывали землю ралом, или сохой, сеяли ячмень, овес, полбу; рожь же и пшеница не были им еще известны.

Они умели молоть зерно, печь хлеб и ели мясо вареным; питались также и молоком; употребляли в пищу мед и пили его, как хмельной напиток.

Кроме хлебопашества и скотоводства, арии знали и некоторые ремесла, знали тканье, плетенье, шитье; знали и обделку золота, серебра, меди. Они умели плавать в ладьях с помощью весла.

Прародители наши умели и считать на десятки; но больше ста, то есть десяти десятков, они сосчитать не могли.

Брак был известен ариям, и основанием его считалось единоженство: но, в действительности, арии в течение весьма многих веков не стеснялись иметь по несколько жен.

Всякая семья входила в состав известного рода, члены которого всегда крепко держались один другого; каждый должен был подчиняться всем порядкам, установленным в своем роду, но зато и за всякую обиду, нанесенную посторонним кому-либо из членов рода, за последнего заступался весь род, и родичи обиженного обязаны были мстить не только обидчику, но и всем членам его рода. Этот обычай считался священным и назывался обычаем родовой или кровавой мести. Обычай этот сохранялся у ариев весьма долгое время, и благодаря ему постоянно происходили убийства и раздоры.

Несколько родов, происходящих от одного общего рода, соединялись в племена и имели во главе старшин или князей, которые творили суд и расправу и предводительствовали во время войны.

Воевали между собой арии весьма часто, и воинская доблесть была высоко развита среди наших храбрых и благородных предков.

Сражаясь пешими или конными, в зависимости от местности, они искусно метали копья и стрелы из луков в своих врагов, а сойдясь с ними поближе, смело врубались своими мечами и топорами в ряды неприятеля и бестрепетно встречали смерть, так как верили в загробную жизнь и в награды, которые в ней получают павшие в честном бою храбрецы.

Все наши предки верили также во всемогущего Бога, который у них и назывался тем же словом Бог, и поклонялись светлomu небу— Диву, солнцу, заре, огню, ветру и матери-земле.

Так жили славные арии на своей первоначальной родине, в верховьях рек Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи.

По мере того, как увеличивалось население ариев и умножались их роды и племена, происходило и постепенное расселение их с родных мест в разные стороны.

Как народ земледельческий, арии при своем расселении подвигались вперед постепенно: прибыв в какую-либо местность, они засеивали поля и, только собрав жатву, подвигались дальше вперед, причем, придя на новое место, опять оставались на нем до сбора урожая.

Встречаясь на новых местах с их обитателями, арии, если те не покорялись им добровольно, вступали с ними в жестокие бои, истребляя их совершенно или обращая в своих рабов и данников; при этом впоследствии они постепенно сливались с покоренными туземцами путем браков.

Таким порядком расходились мало-помалу арии с родины, когда нарастало их население.

Некоторые из арийских племен с верховьев Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи проложили себе пути к долинам Инда и других рек, орошающих Индию, и образовали племена, и ныне населяющие эту обширнейшую страну.

Другие спускались к юго-востоку и заселяли пределы знаменитого впоследствии царства Персидского.

Наконец, значительная часть ариев постоянно двигалась к западу и, в конце концов, заселила своими племенами все страны Европы.

Так как грамота была еще неизвестна древнейшим ариям, то каких-либо записей о своих передвижениях они оставить не могли, а потому и нам теперь совершенно невозможно точно определить время, в которое пришел в Европу тот или другой арийский народ. По-видимому, первыми пришли в Европу племена, осевшие в Испании и в Италии; при этом одно из племен, пришедших в Италию, образовало много раньше других крепкое государство — Рим, в котором все жили, подчиняясь уже не родовым обычаям и порядкам, как это было на арийской родине, а общим законам Римского государства; вследствие этого между римлянами не было обычных у ариев родовых распрей; напротив, они были всегда замечательно единодушны во всех столкновениях с соседними племенами и потому без труда одерживали над ними верх; этим путем Рим мало-помалу превратился в сильнейшее государство, которому ко времени Рождества Христова в дни правления Кесаря Августа было подчинено множество народов, в том числе и Иудея — родина нашего Спасителя.

После племен, заселивших Испанию и Италию, в Европу прибыли племена, осевшие в Греции, которая особенно привлекала пришельцев своей мягкой природой, множеством островов с удобнейшими местами для причала судов и отличнейшими сообщениями всех частей Греции между собой по прекрасному морю, которое ее омывает. Прибывшие в Грецию народы тоже скоро перешли от жизни родами к устройству государств, но, в противоположность Риму, они не соединились в одно крепкое государство, а образовали множество мелких с большим числом чудеснейших городов; государства эти часто вступали между собой в жестокие распри и тем взаимно ослабляли друг друга, почему все они в конце концов и были покорены Римом. После греков в Европу прибыли предки нынешних обитателей Франции; за ними шли германские племена из которых образовались впоследствии немцы, англичане, голландцы, датчане и шведы; за германцами двинулись литовцы; наконец, за литовцами потянулись на запад и все многочисленные племена славянские, которые считаются ближайшими родственными племенами литовцам и германцам и вместе с тем младшими, но славнейшими племенами всей великой семьи народов, произошедших от древних ариев.

При своем движении с берегов Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи в Европу славянские племена шли, вероятно, двумя главными путями; одна часть их спускалась по берегам Аму-Дарьи к южным берегам Каспийского моря, а затем, обогнув это море с южной же стороны, двигалась по Малой Азии к

переправе в Европу через так называемый Фракийский Босфор — узкий пролив у Константинополя, ведущий из Греческого моря в Черное; после же переправы направлялась к северу и к западу.

*6. Изображение древнего Акрополя (кремля) греческого города Афины.*

Другая часть славянских племен могла идти из мест своей первоначальной родины вниз по течению Сыр-Дарьи, а затем, обогнув Каспийское море с севера, распространяться по славным нашим южно-русским степям и по низовьям наших рек — Дона, Днепра, Буга и Днестра, вплоть до низовьев Дуная, на которых оседали славянские племена, шедшие в Европу по первому пути — через Малую Азию.

Кроме движения по только что указанным двум главным путям, часть славянских племен могла идти в Европу еще и третьим путем: а именно — доходить по течению реки Аму-Дарьи до южного берега Каспийского моря, а затем, повернув к северу и следуя или по западному побережью Каспия, или по восточному берегу Черного моря, переваливать через высокие Кавказские горы и выходить на обширные и плодородные равнины, примыкающие к Кавказским горам с севера, то есть в нынешнюю Кубанскую область.

Заселив низовые и средние течения Дуная, Днестра, Буга, Днепра и Дона, славяне не останавливались в своем движении, а постепенно передвигались дальше.

Часть славян со Среднего Дуная, отделившись от племен, заселяющих ныне Болгарию, Сербию и Черногорию, дошла до берегов Адриатики и дала здесь начало, под именем венетов, знаменитому народу мореходов, прославившемуся своими неустрашимыми плаваниями по южным морям Европы и богатейшей морской торговлей. Эти венеты создали и единственный в мире город Венецию, существующий и поныне, выстроенный на сваях прямо посреди моря, почему улицами в нем служат морские протоки и все передвижения совершаются на лодках.

Другие славянские племена, поднявшись по Дунаю и его верхним притокам, перевалили с них в долины рек, текущих в Балтийское море, и, дойдя до этого моря, прочно сели на его южном побережье от устья реки Лабы до устья реки Вислы и на ближайших островах. Все осевшие здесь славянские племена прославились не меньше венетов как смелые мореходы по северным морям, отважные воины и предприимчивые торговцы. Здесь осели храбрые варги, которые сейчас же вступили в кровопролитные бои с сидевшими западнее их германскими племенами. От варгов, по-видимому, и само Балтийское море получило прозвание Варяжского моря, а впоследствии все обитатели его берегов назывались общим именем — варяги. Затем тут же поселились венды, которые, кроме того что были отважными мореходами, славились еще среди немцев, как и вообще все славяне, большим искусством в обрабатывании земли, почему многие германские племена учились у вендов земледелию; до сих пор еще в иных местностях Средней и Южной Германии глубокие и узкие борозды называются вендскими. От своих же соседей

славян переняли немцы и плуг. Тут же на Балтийском море сели также и ругии или руссищ они дали прозвание острову Ругия или Руссия, на котором поселились и приобрели славу знаменитейших воинов и торговцев, а много веков спустя их потомки, надо думать, дали название и всей Русской земле.

Затем на Балтийском же побережье осели и славянские племена— бодричи, лютичи, поморяне и другие.

Часть славян, получивших название ляхов или поляков, заселила берега Вислы, имея восточнее себя по Неману и низовьям Западной Двины близко родственное себе племя литву.

В горах Карпатских и прилегающих к ним осели чехи, моравы и хорваты.

Наконец, восточные славянские племена, расселившиеся на низовьях рек нынешней Южной России—Днестра, Буга и Днепра, также продвигались вверх по этим рекам к северу и востоку и вышли постепенно к верховьям рек, впадающих уже в другие моря, а именно: 1) к верховьям Немана и Западной Двины, текущих в Балтийское море, 2) к верховьям Шелони, Ловати и других рек, впадающих в озеро Ильмень, а оттуда через Ладожское озеро и реку Неву — в Балтийское же море; 3) к верховьям рек, впадающих в Северную Двину и Белое море, и, наконец, 4) к верховьям рек Оки и Волги, которые несут свои воды сперва на восток через середину всей России, а потом, круто повернув на юг, в Каспийское море.

Заняв верховья перечисленных выше рек, которые почти все близко сходятся между собой в местности, называвшейся в старину Волковским лесом, наши предки получили возможность, постепенно подвигаясь по течениям их, расселиться и на всем обширном пространстве нынешней Европейской России.

Вот как последовательно, в течение многих веков, по всей вероятности, расселялись по разным странам Европы славянские племена, пришедшие в нее позже других арийских народов.

При своем движении в Европу славяне должны были, разумеется, встречать на пути как древнейших туземных обитателей тех стран, по которым они двигались, так и ранее пришедших и уже осевших других ариев.

Точных сведений об этих первых встречах, за повсеместным отсутствием в то время грамоты, мы не имеем, но знаем, что у древних греков, которые, как мы видели, пришли раньше славян в Европу, сохранились старинные сказочные предания, что к северу от Греции появились особые чудовища, у которых зад и четыре ноги были конские, а грудь, голова и руки — человечьи. Эти чудовища, называемые греками кентаврами, отличались крайне свирепым нравом, превосходно стреляли из луков и были, благодаря быстрым конским ногам, совершенно неуловимы, причем, по греческим сказаниям, между этими кентаврами и греками происходили когда-то кровопролитнейшие битвы.

В этих сказочных преданиях греков о кентаврах, на первый взгляд совершенно невероятных, есть, однако, большая доля правды.

Жестокие битвы древнейших греков действительно происходили с пришельцами с севера, метко выпускавшими стрелы из своих луков и постоянно появлявшимися перед противниками верхом на быстроногих конях, с которыми они, казалось, составляли одно неразрывное целое.

Вид этих конных и неуловимых пришельцев, издали поражавших врагов из своих луков, а затем свирепо нападавших на полном конском скаку, особенно поражал греков, так как греки, поселившись в своей гористой стране, мало пользовались лошадьми, сражались пешими и были плохими наездниками.

Но, тем не менее, несмотря на весь ужас греков, эти северные пришельцы были не сказочными чудовищами, а настоящими людьми.

Это были, конечно, наши славные предки, славяне, и именно те племена, которые дали начало великому русскому народу. Идя из своей далекой арийской родины по нашим привольным южным степям, они покорили себе во время этого длинного и долгого пути главного тогдашнего обитателя русских степей — дикую лошадь и сделали себе из этого борзого скакуна вернейшего и преданнейшего друга; сроднившись с ним, предки наши стали лучшими в тогдашнем мире наездниками и конными стрелками и наводили ужас на все народы, которые пытались им сопротивляться.

У древних китайцев тоже существовало сказание, что далеко от них на западе, в обширных степях живет народ Дин-Лунь, обладающий конскими ногами и совершающий все свои передвижения с необычайной быстротой; при этом китайцы, несомненно, причисляли народ Дин-Лунь к арийскому племени, как это ясно видно из сравнения изображений арийцев и человека племени Дин-Лунь на помещаемых здесь древних китайских рисунках.

Одновременно со сказочными рассказами о чудовищах-кентаврах древние греки рассказывали также о необыкновенном народе, будто бы состоявшем из одних женщин-воительниц, неустрашимо сражавшихся на быстроногих конях и тоже отличавшихся искусным метанием стрел; греки называли этих храбрых наездниц амазонками. Эти сказочные амазонки были также, надо думать, не кто иные, как наши доблестные прародительницы; они, как верные и преданные жены и дочери, сопровождали своих мужей и отцов в их лихих набегах и принимали участие во всех кровавых боях, отважно сражаясь и бесстрашно умирая рядом с близкими себе людьми.

Таковы были древнейшие сказочные рассказы греков о первом вступлении наших предков славян в жизнь Европы.

Следующие за тем весьма краткие, но уже более положительные сведения о наших предках, мы находим в песнях знаменитейшего на весь мир древнегреческого слепца — песнопевца Гомера, который воспел знаменитейшую же осаду греками малоазийского города Трои, находившегося недалеко от Босфора Фракийского. Осада Трои была предпринята за 1200 лет до Рождества Христова за то, что сын троянского царя Парис похитил у одного из греческих царей его жену — прекрасную

Елену. Военные действия под Троей продолжались двенадцать лет; в них принимали участие с обеих сторон все известные тогда славнейшие герои и большое количество дружин от различных народов. В числе этих дружин песнопевец Гомер упоминает и доблестную дружину славянского племени — генетов.

Перед тем как продолжать наше повествование дальше, необходимо сказать, что, по-видимому, славянами, или еловыми, то есть говорящими, стали называть себя первоначально наши предки сами, обозначая этим именем все племена, говорящие на понятном друг для друга языке; немymi же, или немцами, славяне, в отличие от себя, первоначально называли все те народы, которые со славянами разговаривать вследствие разницы языка не могли. Название «славяне» долгое время употреблялось только исключительно среди славян же; обитатели же других стран называли их самыми различными наименованиями; из этих наименований весьма долго наиболее известным было наименование скифы, так как именем скифов греки, по-видимому, уже с древнейших времен обозначали славянские племена.

Славнейшим героем со стороны греков во время осады Трои был царь Ахиллес. Песнопевец Гомер приписывает ему чудесное происхождение от брака храброго греческого царя Пелея с русалкой, но позднейший греческий летописец Арриан утвердительно говорит, что Ахиллес был чистокровным скифом, родившимся на берегах нынешнего Азовского моря; он был изгнан со своей родины за необузданность нрава и гордость и поселился в Греции, где скоро прославился замечательной храбростью. Признаками скифского происхождения Ахиллеса, по словам Арриана, были его русые волосы, голубые глаза и необычайная ярость в бою, а также и скифский покрой его одежды с застежкой. Таким образом, уже во время осады Трои величайший из греческих героев был по происхождению скиф-славянин, уроженец берегов Азовского моря, родины и нашего доблестного донского казачества.

Первые письменные сказания греческих писателей о скифах относятся приблизительно ко времени за 800 лет до Рождества Христова. В сказаниях этих повествуется, что воинственные и храбрые скифы, появившись на берегах нынешнего Азовского моря и у устьев Днепра, навели такой страх на прежних обитателей этих мест, носивших название киммериян, что те поспешно совершенно очистили занимаемые ими земли и без сопротивления бежали через Кавказ в Малую Азию.

Сведения эти ясно показывают, что уже с первых времен своего появления в Европе наши предки заявили себя храбрым и воинственным народом, который не замедлил предпринять ряд славных войн и походов

Особенно прославились скифы своим далеким походом, предпринятым ими с огромным количеством всадников около 630-го года до Рождества Христова, от берегов Днепра и Дона через Кавказские горы, Армению, Персию и Малую Азию вплоть до далекого Египта.

Поход этот продолжался 28 лет и доставил громкую известность его участникам. При своем движении скифы, гарцуя на легких конях и предавая все огню и мечу, наводили такой ужас на встречающиеся на пути народы, что многие из них, не вступая в бой, спешили откупаться богатыми дарами от грозных завоевателей. На своем победоносном пути скифы подчинили себе мидийского царя Киаксара и заставили его платить себе дань; затем они направились к Ассирии, и ассирийскому царю пришлось откупиться от них бесчисленными сокровищами своих дворцов. От Ассирии скифы повернули к западу, к богатым городам Финикии, проникли по морскому берегу в область Филистимскую и направили по ней свое шествие на Египет. Видя это, египетский царь Псамметих вышел им навстречу с богатыми дарами и упросил их удалиться назад. Тогда скифы повернули опять на север и вторглись в Иудею, где предавали все сожжению и смерти. Они едва не захватили и сам город Иерусалим, чего ежечасно ожидал трепетавший за свою судьбу иудейский народ. Но молодому иудейскому царю Осии, вместе с главным царедворцем, удалось отворотить беду от столицы и с помощью своих сокровищ умолило скифов пощадить священный город.

Живший в это время в Иерусалиме пророк Иеремия предсказал нашествие скифов в следующем грозном пророчестве.

«Объявите в Иудее и разгласите в Иерусалиме и говорите, и трубите трубой по земле; взывайте громко и говорите: Собирайтесь и пойдём в укрепленные города. Выставьте знамя к Сиону, бегите— не останавливайтесь, ибо я привел от севера бедствие и великую гибель...

Смой злое с сердца твоего, Иерусалим, чтобы спастись тебе; доколе будут гнездиться в тебе злостивые мысли? Ибо уже несется голос от Дана и гибельная весть от горы Ефремовой: объявите народам, известите Иерусалим, что идут из дальней страны осаждающие и криками своими оглашают города Иудеи... От шума всадников и стрелков разбегутся все города; они уйдут в густые леса и влезут на скалы; все города будут оставлены, и не будет в них ни одного жителя...

Вот я приведу на вас, дом Израилев,— говорит Господь,— народ издалека, народ славный, народ древний, народ, языка которого ты не знаешь и не будешь понимать, что он говорит. Колчан<sup>3</sup> его, как открытый гроб. Все они люди храбрые. И съедят они жатву твою и хлеб твой, съедят сыновей твоих и дочерей твоих, съедят овец твоих и волов твоих, съедят виноград твой и смоквы твои, разрушат мечом укрепленные города твои, на которые ты надеешься...

Так говорит Господь: вот идет народ из страны северной, и народ великий поднимается от краев земли. Держат в руках лук и копье; они жестоки и немилосердны; голос их шумит, как море, и несутся на конях, выстроенные, как один человек, чтобы сразиться с тобой, дочь Сиона. Мы услышали весть о них, и руки у нас опустились, скорбь объяла нас, муки — как женщину в родах. Не выходите в поле и не ходите по дороге, ибо меч неприятельский, ужас со всех сторон.

От Дана слышен храп лошадей его, от громкого ржания жеребцов его дрожит вся земля, и придут и истребят землю и все, что в ней, города и живущих в них».

Так пророчествовал Иеремия о нашествии скифов.

Повернув от Иерусалима к северу, скифы в полном блеске своей славы и нагруженные богатейшей добычей возвращались по покоренным ими странам домой, в свои широкие степи — на Дон и Днепр.

Однако весьма немногие вернулись на родину; большинство же из них совершенно неожиданно для себя погибло благодаря пагубной страсти скифов к вину, чем они отличались еще и в те древнейшие времена и чем, к несчастью, себя губят и их потомки — русский народ.

Зная непомерную жадность скифов к вину и способность напиваться им до полного бесчувствия, мидийский царь Киаксар, которого они покорили и заставили себе платить дань, приготовил для них при возвращении роскошное угощение и множество вина. Скифы перепились им и когда лежали после пиршества мертвецки пьяными, коварному Киаксару не стоило большого труда убить большую часть из них; только немногие ушли домой.

Сто лет спустя после описанного печального происшествия, в 530 году до Рождества Христова, страсть скифов к злополучному употреблению вина опять оказалась для них крайне пагубной.

Дело произошло следующим образом: Кир, царь персидский, один из великих завоевателей древнего мира, покориł себе царства— Мидийское, Ассирийское и все другие племена в Малой Азии; после этого, взяв славный город Вавилон, к великой радости иудеев, находившихся там в плену, которым он разрешил вернуться в Палестину, Кир решил идти на скифов, считавшихся непобедимыми, и направился на те скифские племена, которые жили за рекой Аму-Дарьей, причем предварительно послал царице их Томириссе предложение выйти за него замуж. Умная Томирисса, уже немолодая женщина, поняла, конечно, что это был только предлог, чтобы завладеть ее владениями; поэтому она послала Киру отказ, но приказала ему объявить, что оба они отлично могут царствовать каждый в своей стране и не воевать друг с другом; если же Кир непременно хочет войны, то она на нее согласна и будет ожидать его в своих владениях.

Кир, зная неукротимое мужество и воинское искусство скифов и зная вместе с тем их непреодолимую страсть к вину, решил получить над ними успех не в открытом бою, а с помощью хитрости.

Для этого, вторгнувшись в скифскую страну, он собрал в своих войсках всех слабых и плохих воинов, которыми ему не жаль было пожертвовать, и двинул их вперед — в направлении скифов, причем приказал этому передовому отряду по приходе на ночлег приготовить множество всякой пищи и вина и так ожидать появления скифов. Это приказание Кира было в точности исполнено. Вскоре появились перед персидским передовым отрядом скифы под предводительством молодого сына царицы Томириссы.

Они напали на этот отряд, без труда разбили его, а затем кинулись на приготовленную пищу и вино и предались необузданному разгулу и пьянству без всяких мер предосторожности. Этим, конечно, воспользовался Кир. Он напал на беспечно бражничавших скифов, перебил громаднейшее их число и, кроме того, забрал великое множество их в плен, в том числе и молодого сына царицы Томириссы. Всего при этом было перебито и взято в плен около 150 тысяч скифов.

Узнав про это несчастье, Томирисса послала сказать Киру, что она просит его отпустить к ней ее сына, после чего она не будет мстить персам за предательское нападение на ее воинов, если персы удалятся домой. Но Кир и не думал исполнить ее желания; он только разрешил снять оковы с молодого сына царицы; тогда этот последний от стыда и горя, что не оправдал доверия матери и был благодаря своей страсти к вину главной причиной гибели стольких храбрых соотечественников — наложил на себя в отчаянии руки. Узнав про его смерть, Томирисса двинула все свои войска, которых было около трехсот тысяч мужчин и двести тысяч женщин, против персов.

Последовало одно из самых кровопролитнейших сражений, когда-либо происходивших в древние времена. Обе стороны дрались с величайшим упорством и ожесточением, и, наконец, скифы победили. При этом был убит Кир. Когда отыскивали его тело, то скифская царица приказала отрубить его голову и бросить ее в кожаный мешок, наполненный человеческой кровью. При этом, обращаясь к голове Кира, она сказала: «Хотя я осталась в живых и одержала большую победу, но не радуется она меня; не искала я вражды с тобой, а ты пришел и коварством погубил моего юного сына. Ты всегда жаждал крови, так напейся же ею досыта в этом мешке, кровопийца».

Двадцать лет спустя после этого происшествия, в 510 году до Рождества Христова, один из преемников Кира, Дарий Первый, который, подобно Киру, был также одним из великих завоевателей древнего мира, решил, чтобы наказать скифов за смерть Кира, покорить их страну.

Для этого он собрал в Малой Азии огромные полчища, переправил их в Европу через Босфор и двинулся к Дунаю. Здесь был выстроен большой постоянный мост; переведя по нему свои войска и поручив охрану моста союзным грекам, Дарий вступил в пределы нынешней Бессарабской и Херсонской губерний, не сомневаясь в скорой победе над многочисленными, но разрозненными скифскими племенами, тем более что между племенами этими царили раздоры, и даже, несмотря на весть о приближении персов, более дальние племена не соглашались прийти на помощь тем, которые ближе всего находились на пути персов. Однако, несмотря на эти несогласия среди скифов, обстоятельства для Дария сложились так, как он менее всего ожидал.

Скифы, при вторжении его войска в пределы их земель, вышли ему навстречу, но затем боя не принимали, а отправив своих детей и лишней скот далеко на север, постоянно отступали от персов к востоку, все время держась от них на один день пути впереди и выжигая при своем отступлении весь

подножный корм, так что персы, приходя на ночлег, постоянно терпели крайнюю нужду. Так продолжалось очень долгое время. Скифы отступили за Днепр, потом за Дон, повернули к Волге, а затем, обойдя персидское войско с севера, стали уже отступать на запад, все оставаясь недосягаемыми для ударов Дария.

Так как это продолжалось долго и не предвиделось конца странствований, то Дарий послал всадника к одному из скифских царей, отступавшему перед ним, со следующей речью: «Зачем ты, чудак, все убегаешь, хотя можешь выбрать одно из двух: если ты полагаешь, что в силах противостать моему войску, остановись, не блуждай более и сражайся; если же ты чувствуешь себя слабее, то также приостанови свое бегство и ступай для переговоров ко мне, твоему владыке, с землей и водой в руках в знак подданства и покорности».

В ответ на это скифский царь послал передать Дарию: «Вот я каков, перс. Никогда прежде я не убегал из страха ни от кого, не убегаю и от тебя, и теперь я не сделал ничего нового сравнительно с тем, что обыкновенно делаю в мирное время. Почему я не тороплюсь сражаться с тобой, объясню тебе это. У нас нет городов, нет засаженных деревьями полей; нам нечего опасаться, что они будут покорены или опустошены, нечего поэтому и торопиться вступать с вами в бой. Если вам крайне необходимо ускорить сражение, то вот: есть у нас гробницы предков, разыщите их; попробуйте разрушить— тогда узнаете, станем ли мы сражаться с вами из-за этих гробниц или нет. Раньше же мы не сразимся, раз это для нас невыгодно. Вместо земли и воды я пошлю тебе такие дары, какие приличны тебе, а за то, что ты называешь себя моим владыкой, я расплачусь с тобой».

Таков был ответ, сообщенный Дарию, и остальные скифские цари пришли в негодование, узнав, что он заговорил с одним из них о порабощении.

Часть своих скифов, а именно племя храбрых савроматов, они отправили к Дунайскому мосту, чтобы уговорить стерегших его греков уничтожить этот мост, а другие, оставшиеся на месте скифы, решили нападать на персов каждый раз, как только те заняты будут добыванием продовольствия.

Так скифы и поступали, подстерегая, когда персы выходили за сбором корма для людей и лошадей. Персидская конница всегда обращалась в бегство, как только виделадвигающуюся на нее скифскую, и поспешно пряталась за свою пехоту. Скифы подсакивали к персидской пехоте, заставляли ее своим появлением приготавливаться к бою, а затем поворачивали назад и быстро исчезали из виду. Подобные нападения скифы производили не только днем, но и по ночам, и, держа постоянно в тревоге персов, сильно обессилили их, чем и поставили Дария в крайне затруднительное положение. Заметив это, скифские цари решили послать ему обещанные дары.

Они послали к нему глашатая с подарками, состоявшими из птицы, мыши, лягушки и пяти стрел. Персы спрашивали посланца о значении

подарков, но тот отвечал, что ему приказано только вручить дары и немедленно возвратиться; если же персы догадливы, то они и сами поймут, что означают эти подарки.

После этого персы стали совещаться. По мнению Дария, скифы отдавались ему с землей и водой; заключал он так на том основании, что мышь водится в земле и питается тем же плодом земным, что и человек, лягушка живет в воде, птица наиболее походит на лошадь, а под видом стрел скифы передавали-де свою военную храбрость. Таково было мнение Дария. Но ставший из его приближенных— Гобрия, мнение которого он чрезвычайно уважал, толковал смысл даров совершенно иначе, а именно: «Если вы, персы, не улетите, как птицы в небеса, или, подобно мышам, не скроетесь в землю, или, подобно лягушкам, не ускачете в озера, то не вернетесь назад и падете под ударами этих стрел». Вопрос, как понимать смысл и значение даров, оставался несколько дней нерешенным до следующего случая.

Как-то раз скифы появились в своем боевом строю перед войсками Дария. Дарий быстро выстроил все свои силы и приготовился вступить в решительный бой. В это время мимо скифов пробежал заяц, и скифы, все страстные охотники, с шумом и гамом бросились его травить, не обращая внимания на находящуюся невдалеке выстроенную и ожидающую боя персидскую армию. Когда в скифских войсках раздались шум и крики, Дарий спросил о причине такой тревоги среди неприятелей и, услышав, что они гонятся за зайцем, обратился к постоянным собеседникам своим со следующим замечанием: «Люди эти смотрят на нас с большим пренебрежением; теперь для меня очевидно, что Гобрия верно истолковал смысл их подарков. Положение дел представляется мне таким же, как и для него, а потому следует хорошенько обдумать, каким образом обеспечить наше отступление».

Персы решили отступить ночью, разведя в своем стане, чтобы обмануть бдительность скифов, большие огни и оставив в нем всех вьючных ослов, которые своим ревом должны были также утверждать скифов в мысли, что персы не трогаются с места. На самом же деле они поспешно уходили к своему мосту на Дунай, бросив на произвол скифов всех своих больных и раненых.

Скифы преследовали персов до самого Дуная и едва-едва не захватили мост. Только с большим трудом удалось персам уйти за

Дунай, окончив так бесславно и неудачно этот поход, который Дарий начинал с большой самоуверенностью.

Подробности о походе Дария Первого в Россию сообщил в своих записках знаменитый грек Геродот.

Геродот родился в 484 году до Рождества Христова от богатых и высокообразованных родителей, которые дали ему отличное воспитание и оставили большие денежные средства; благодаря этим средствам он мог

совершать путешествия по всем странам, известным древним грекам, и в 450 году до Рождества Христова посетил нынешнюю Южную Россию; по-видимому, он даже поднялся по Волге до того места, где ныне стоит Саратов. О своих путешествиях Геродот оставил замечательно любопытное сочинение.

Его рассказы о наших предках-скифах дышат необыкновенной простотой и правдой и, вместе с тем, так живо изображают и природу страны, и людей с их нравами, обычаями и делами, что все это в действительности представляется, как будто сам живешь в то время в нашей стране, с нашими прародителями. К сожалению, Геродот не был на нашем севере, а потому рассказывает о нем только с чужих слов — весьма темно и неопределенно; он также кратко и неопределенно говорит и о северных неарииских племенах, с которыми встретились славяне при своем расселении; однако из слов Геродота видно, что все это были народы финского племени — весь, меря, мурома, мордва, чуваша и другие, остатки которых встречаются и теперь на севере и северо-востоке России.

Что касается рассказов о юге России, который он посетил, то они очень точны и подробны.

Он рассказывает, что скифы по роду занятий делились на земледельцев и скотоводов. Земледельцы жили оседло по течению рек Днестра и Буга и по западному берегу Днепра до того места, где ныне стоит город Киев. Скифы же — скотоводы жили в степях, расстилающихся по югу России восточнее Днепра — вплоть до реки Донца. Несколько восточнее и севернее скотоводов жило особое скифское племя — царские скифы; они считались самыми знатными и благородными, а еще восточнее, за Доном, жили так называемые савроматы; они были в высшей степени воинственны и ходили всегда на войну со своими женами, которые ловили врагов, ловко накидывая им на полном скаку аркан на шею; у савроматов девушка не могла выйти замуж раньше, чем убьет врага; вследствие воинственности савроматских женщин у греков было поверье, что племя савроматов произошло от браков скифов с амазонками.

Все скифы, как и их предки арии, жили родами и племенами, которые управлялись вождями или царями. Племена эти постоянно между собой враждовали и тем взаимно ослабляли друг друга. «Если бы они,— говорит Геродот, описывая одно скифское племя, сидевшее у Дуная в том месте, где ныне живут болгары,— имели общего повелителя, которому бы повиновались, то, по моему мнению, они были бы самым сильным народом из всех существующих на земле; но у них всегда такие раздоры между собой, что никогда не дойдут они до того, чтобы соединиться всем вместе и избрать одного общего властелина».

Скифы, занимавшиеся земледелием, вели уже во времена Геродота обширную торговлю своим хлебом с чужими странами, преимущественно с греками; хлеб доставлялся скифами по течению рек, впадающих в Черное море, в больших ладьях или судах совершенно так же, как и в наши времена. Особенно много шло хлеба по Днепру, который назывался тогда Борисфеном.

Геродот описывает Днепр с большой любовью и говорит, что после Дуная это величайшая из рек; воды ее изобилуют всякого рода рыбой, а по берегам превосходные посевы и луга.

Для покупки хлеба у скифов и вообще для всяких торговых оборотов греки имели в то время по северному побережью Черного моря ряд славных городов: Ольвию на Нижнем Буге близ соединения его с Днестром, верстах в сорока южнее нынешнего Николаева; Херсонес, или Корсун, на южном берегу Крыма, рядом с нынешним Севастополем; Пантикапею — в проливе из Азовского моря в Черное, где теперь стоит Керчь, и Танаис — у устьев Дона, где в настоящее время расположен известный своей хлебной же торговлей Ростов-на-Дону. Из перечисленных городов особенно славились Ольвия и Пантикапея. В Пантикапее греки образовали даже одно время особое царство Воспорское, по имени пролива из Азовского моря в Черное, который прозывался Воспором Киммерийским.

Развалины этих славных древних греческих городов на нашем Черноморском побережье существуют и поныне, и русские ученые произвели в них уже много подробных раскопок; благодаря раскопкам этим найдены остатки старых домов, площадей, целые кладбища с гробницами, монеты всякого рода и разных времен, домашняя утварь, кости животных, оружие, а также мраморные и медные доски с сохранившимися надписями; по всем этим предметам можно весьма ясно представить себе жизнь, которую вели в этих городах греки и посещавшие их для торга скифы.

Кроме хлеба, в означенных городах велась также оживленная торговля и другими произведениями скифской земли: мехами, рыбой, воском, медом, лошадьми, а также рабами и рабынями, в которых обращались все взятые в плен неприятели; в большом спросе был и янтарь, ценившийся в Греции на вес золота; он добывался на Балтийском побережье близ устьев Вислы и попадал отсюда в черноморские города длинными речными путями и волоками; наконец, тут же шла бойкая торговля золотом и разными самоцветными камнями с Урала, для торговли которыми и пушным товаром из тогда совершенно дикого Пермского края и Сибири те же предприимчивые греки устроили на берегу Волги, несколько ниже нынешнего Саратова, также торговый город — Гелон.

Скифы, в свою очередь, покупали у греков: тонкие ткани для своих одежд, превосходное греческое вино, перец, грецкие орехи и разные пряности; расписную посуду, богато оправленное оружие, а также драгоценные сосуды и различные украшения из золота и серебра, зачастую дорогой работы лучших греческих мастеров, как для себя и своих жен, так и для обделывания конских уборов всегда дорогих их сердцу скифских лошадей.

Наиболее воинственными были кочевые скифы, жившие в широких степях у низовья Днепра и Дона, а также савроматы, жившие восточнее Дона. В двух местах близ устьев этих рек, а именно: в лесистой местности по восточному берегу Днепра, в так называемом Олешье, где ныне расположен

среди плавней и зарослей город Олешье, и по низовьям Дона — всегда собирались ватаги молодых и жаждущих воинских приключений скифов; они постоянно производили или на быстрых ладьях, или на резвых конях воинственные набеги на соседние племена. Эти скифские гнезда в низовьях Днепра и Дона, куда собиралась вся их беспокойная вольница, и были древнейшей родиной нашего славного казачества — запорожцев и донцев.

«Я не знаю,— говорит Геродот про этих степных удальцов кочевников,— людей более мудрых, чем скифы. Так как кто же из других народов придумал то, что они: они изобрели складные шатры, которые быстро складывают на повозки, когда хотят избежать боя с противником, и таким образом уходят от него со всеми домочадцами и имуществом, так что, если не захотят, никогда не будут достигнуты врагом. Наоборот, если они хотят кого-нибудь принудить к бою, то никто не может уйти от скифов благодаря их быстроногим коням и необыкновенно меткой стрельбе из луков!

Военные обычаи скифов,— рассказывает далее Геродот,— были таковы: молодой скиф первый раз, как убьет врага, должен обязательно выпить его крови, а головы всех врагов, убитых в сражении, относятся к царю, потому что только те скифы получают свою долю при дележе неприятельской добычи, которые представили неприятельскую голову, причем доля эта увеличивается в зависимости от числа принесенных голов. С неприятельской головы скифы снимали кожу следующим образом: вокруг головы около ушей делается надрез; потом голова берется в руки и вытряхивается из кожи; затем с кожи соскабливается бычачьим ребром мясо, и она выминается в руках и делается совершенно мягкой; после этого она употребляется как утиральник, и скиф привешивает ее к уздечке той лошади, на которой ездит сам, и гордится этим. Тот, кто владеет наибольшим числом таких утиральников из кож с неприятельских голов, почитается доблестнейшим человеком. Многие скифы готовили себе из неприятельских человеческих кож плащи, в которые и одевались; для этого кожи сшивались вместе, как козьи шкурки. Многие скифы снимают также кожу с правых рук убитых врагов и готовят из этих кож колчаны для своих стрел. Человеческая кожа,— замечает Геродот,— действительно толста и блестяща; блеском и белизной она превосходит почти все другие кожи. Наконец, многие скифы снимают кожу со всего трупа убитого врага, натягивают ее на палки и берут с собой на лошадях.

С головами врагов, не всех, впрочем, но ненавистнейших, скифы обращаются так: они отпиливают ту часть головы, что повыше бровей, и потом очищают череп изнутри; если скиф — человек бедный, он обтягивает череп снаружи сырой бычачьей кожей и в таком виде пользуется им; если же он богат, то, обтянувши кожей, покрывает череп внутри золотом и употребляет его вместо чаши. Поступают так скифы и с теми родственниками, с которыми входят в распрю, если царь, разобрав дело, выдаст их им головой. Когда приходят в гости лица, которым скиф хочет оказать особое внимание, то он выставляет черепа и подробно рассказывает,

кому из его врагов или родственников они принадлежали, по каким поводам возникла вражда и каким образом он вышел из распри победителем.

Один раз в году каждый начальник в своем околотке приготавливает чашу вина, из которой пьют лишь те скифы, которые умертвили врагов; те же из них, за которыми нет таких подвигов, не вкушают этого вина и как обесчещенные садятся в стороне; это самый тяжкий позор для них. Напротив, если кто из скифов убил очень много врагов, тот получает две чаши и пьет вино из обеих разом.

Божества у скифов были те же самые, что и на далекой арийской родине; прибавился только бог войны Арей. Ему одному приносились человеческие жертвы—взятые в плен на войне неприятели; другим же богам в жертву приносились только животные. В честь Арея в каждом скифском племени воздвигали огромный холм из сухого хвороста, на котором водружался большой старинный железный меч.

Этому-то мечу ежегодно,— рассказывает Геродот,— приносится в жертву рогатый скот и лошади, а сверх того совершается еще и следующее: в честь его умерщвляется каждый сотый мужчина из всего числа взятых в плен врагов и умерщвляется не так, как скот, но иным образом: сделавши предварительно возлияние вином на головы людей, их режут над особым сосудом; потом кровь убитых относят на холм из хвороста и льют ее на меч. Только кровь относится наверх; внизу у холма всем убитым людям отсекают правые плечи вместе с руками и бросают в воздух; покончив с принесением в жертву остальных животных, удаляются. Руки оставляют там, где упали, а трупы лежат отдельно.

Похороны скифских царей и вождей происходили,— рассказывает Геродот,— таким образом: после смерти тотчас же выкапывается большая четырехугольная могила, по изготовлении ее принимаются за покойника и покрывают его тело воском, предварительно разрезав ему живот, который вычищают и наполняют шафраном, толченым ладаном, семенами сельдерея и аниса, а потом сшивают и везут в соседнее село или деревню. По прибытии тела жители в знак печали отрезают себе кончик уха, обстригают в круг волосы на голове, делают на своих руках нарезки, распарывают кожу на лбу и на носу, а левую руку прокалывают стрелами. Отсюда перевозят труп в другое подвластное село, причем жители первого селения сопровождают покойника. Объехав таким образом все поселки, над которыми царь владычествовал, тело предается погребению в особой местности, где находятся царские усыпальницы. Здесь трупы хоронят в заранее вырытой могиле, на подстилке из листьев, по обеим сторонам трупа вбивают колья, сверху кладут брусья и все покрывают ивовыми прутьями. В остальной обширной части могилы хоронят одну из наложниц покойного, предварительно задушив ее, а также виночерпия, повара, конюха, приближенного слугу, вестовщика, наконец, лошадей, первенцов всякого другого скота и золотые чаши; серебра и меди скифские вожди не употребляют. После этого все присутствующие устраивают большую

земляную насыпь, прилагая особенное старание к тому, чтобы она вышла как можно больше.

По прошествии года скифы возвращаются на могилу и совершают следующее: из оставшихся слуг выбирают пятьдесят самых лучших, которые были особенно угодны покойнику; все эти отроки — слуги, природные скифы, так как царям чужеземные рабы не служат; выбирают также и пятьдесят наилучших лошадей; затем удавливают как слуг, так и коней, вынимают из них внутренности, вычищают брюхо и, наполнив его отрубями, зашивают. Потом укрепляют на двух столбах половину колеса так, чтобы обод был обращен вниз и несколько наискось; против него совершенно так же располагают на двух столбах другую половину колеса. Заготовив вокруг могилы большое количество таких станков, вбивают после этого в удушенных и набитых отрубями лошадей по толстому колу вдоль хребта, доходящему до самой шеи, и в таком виде их поднимают на обода от колес, причем на передних полукругах помещаются плечи лошадей, а на задних держатся туловища у самых бедер, так что обе пары ног свешиваются вниз, не доставая до земли; наконец накидывают на лошадей уздечки и удила, тянут их вперед и прикрепляют к колышкам. Удушенных же отроков сажают по одному верхом на коней следующим образом: в труп каждого юноши забивается вдоль спинного хребта прямой кол, доходящий до шеи; нижний выступающий конец его вбивается в пробуровленную дыру другого кола, того, что проходит через лошадь; поставив таких всадников вокруг могилы, скифы расходятся. Так хоронят они своих вождей».

Рассказы Геродота об этих похоронных обрядах скифов, несмотря на их необычность для нашего времени, совершенно справедливы и подтверждаются постоянно раскопкой курганов, в большом количестве разбросанных по югу России. Особенно много этих курганов по Днепру — близ порогов, в нынешней Екатеринославской губернии.

Курганы встречаются различной величины и вида и носят в народе различные названия, очень метко их изображающие. Так, одни называются острыми могилами, потому что имеют вершину, закругленную остро; другие — широкими могилами, по значительной отлогости своих боков; иные рябыми, когда ссыпаны две или три могилы рядом в одну, получившую от этого неправильный, продолговатый вид; если же могила насыпана продольно и правильно, как бы валом, то ей дают название долгой могилы. Два кургана одинаковой величины, стоящие рядом, называются близнецами.

Из всех степных курганов особенно замечательны могилы толстые. Этим именем народ обозначает курганы, которые, кроме значительной величины, имеют и особый вид, резко отличающий их от всех остальных. Это могилы с очень крутыми боками, которые, при обширности насыпи, действительно придают ей вид толстоты. Крутизна боков у толстых могил, как оказалось при расследовании, поддерживается окладом, сложенным на подошве кургана из больших нетесаных камней, которые были добываемы в речках и балках, удаленных иногда на значительное расстояние от насыпи.

Степные могилы малой и средней величины обыкновенно не заключают в себе богатых или особенно важных гробниц, но среди толстых могил найдены богатые царские погребения. Хотя почти все исследованные до сих пор учеными могилы были уже в неизвестные времена осматриваемы и разграблены неведомыми нам хищниками, однако в некоторых из них сохранилось достаточно всякого рода предметов, чтобы судить об условиях жизни тех лиц, которые в них погребены. Иные из могил относятся к очень отдаленным временам, еще до прибытия славян из своей арийской родины. Многие могилы, наоборот, были насыпаны значительно позднее, чем жили скифы, описанные Геродотом, но, тем не менее, встречаются большие курганы и погребения, устроенные именно так, как описывает их Геродот. При разрытии этих курганов находились кости главных лиц, в них похороненных, в истлевших одеждах, с положенным рядом оружием, а в головах с сосудами для пищи; иногда находятся тут же золотые и серебряные украшения, которые носил покойный; обыкновенно рядом с ним имеется женский труп удушенной наложницы, также в истлевшей одежде и часто с золотыми кольцами, браслетами и другими украшениями на руках; далее обнаруживаются мертвецы убитых вместе слуг и лошадей, сосуды разного рода, конская сбруя, запонки и различные бусы, бляшки, топоры, стрелы, луки, колчаны, наконечники копий, различные монеты — золотые, серебряные, медные, и прочее. Все вещи при раскопках тут же подробно описываются, причем указывается, где и когда каждая найдена, затем разбитые сосуды при возможности тщательно склеиваются, и все отправляется в особые хранилища, из которых главное находится в городе С.-Петербурге, рядом с Зимним дворцом, в Императорском Эрмитаже.

Предметы, найденные в скифских могилах, позволяют с большими подробностями восстановить картину нравов тех лиц, что в них похоронены. Особенно интересны различного рода сосуды и металлические вещи, на которых изображены рисунки из жизни самих скифов. Рисунки эти большей частью сделаны по заказу скифов превосходными греческими мастерами и обыкновенно поражают своей тонкой работой, но встречаются и изделия с рисунками погрубее.

Ниже приводятся изображения некоторых найденных в могилах вещей с рисунками на них.

На рис. 30 изображен сосуд, найденный близ Керчи, в гробнице одной скифской царицы; сосуд этот сплавлен из смеси золота и серебра (на четыре части золота — одна серебра); имеющиеся на нем изображения представлены развернутыми на том же рис. 30; они весьма любопытны. На крайней левой стороне мы видим скифского царя или вождя с повязкой на голове; сидя на кочке, он внимательно слушает своего лазутчика, стоявшего перед ним на коленях, в руках у обоих копья, у вождя за левым боком виден лук, у лазутчика — кожаный щит, рядом с лазутчиком стоит на одном колене скиф и с усилием натягивает тетиву на лук, правее этого скифа изображены двое, из которых один ощупывает больную или раненую челюсть у другого; а еще

правее — тоже раненый, которому товарищ перевязывает ногу. Видно, что все скифы на этом рисунке одеты в кожаные шаровары, ременные пояса покрыты металлическим прибором, а сапоги мягкие, без подборов, как нужно для людей, которые всю жизнь проводят верхом на коне. Кроме того, все скифы имеют длинные волосы и большие бороды, как и теперь носят многие русские крестьяне. Совершенно с такими же бородами изображены скифы и на серебряном сосуде, найденном в 1910 году в Воронежской губернии (рис. 31).

Вышина его ровно аршин. Найден он в 1863 году знаменитым собирателем и знатоком русских древностей Иваном Егоровичем Забелиным, в толстой могиле, в так называемом Чертомльщком кургане, находящемся в Екатеринославской губернии, в 20 верстах от местечка Никополя.

Курган этот заключает в себе скифское царское погребение; хотя оно и было разграблено неизвестными хищниками, но видно, что их застиг обвал, причем найден засыпанным костяк одного погибшего при этом обвале грабителя; поэтому они не успели унести с собой многих вещей, и в кургане осталось еще весьма большое количество любопытнейших предметов, из которых изображенный на прилагаемом рисунке сосуд считается самым ценным и замечательным.

Помимо того, что вся отделка его чрезвычайно искусна, особое внимание обращает на себя ряд выпуклых вызолоченных лошадей по верхнему ободу. Обод этот представлен в развернутом виде на рис. 33.

Нет сомнения, что на нем изображено самое существенное и важное дело из скифского быта, именно — покорение дикого коня. Изображение расположено вокруг всего обода и составляет два равных отдела — передний и задний. Посередине задней части представлены две лошади еще на степной дикой свободе; они пасутся в степи; по сторонам их показано, как их ловят арканами скифы (арканами на сосуде служили серебряные нити, сохранившиеся у каждого скифа в сжатом кулаке); вид этих скифов и лошадей показывает сопротивление друг другу: лошади стремятся вырваться, скифы употребляют все силы, чтобы их удержать. На передней части обода в самой середине изображено, как трое скифов валят дикого, еще необузданного коня на землю, чтобы потом взнуздать его; скиф, стоящий позади, тоже помогает им и тянет к себе коня; слева от этого коня изображен другой конь, уже взнузданный, которого скиф треножит, притягивая левую переднюю ногу через плечо коня к правому поводу узды с целью оставить его в этом трудном положении, чтобы он сам собой привык слушаться узды. С правой стороны от среднего коня изображен человек, снимающий со своего плеча кафтан, а еще правее его — опять конь, но уже прирученный, взнузданный и оседланный, которому его хозяин треножит передние ноги для отдыха.

Рис. 34 изображает золотую бляху, найденную в одном из курганов; на этой бляхе мы видим двух тесно обнявшихся скифов, пьющих вместе вино из одного рога; скифы всегда пили таким образом вино, к которому

примешивали небольшое количество собственной крови из надрезов на теле, когда заключали между собой братан ства или братские союзы.

На рис. 35 изображена тоже золотая бляха, найденная вместе с предыдущей; на ней выбит конный скиф, охотящийся с дротиком за зайцем, притаившимся у передних ног его лошади.

Наконец, рис. 36 и 37 изображают концы золотой гривны, или шейного украшения в виде обруча. Эти гривны были в большом ходу у наших предков, и каждый старался носить такую гривну на шее. Гривны делались из нескольких перевитых между собой проволок, в зависимости от состояния — золотых или серебряных; при этом концы их имели всегда какие-либо украшения; на приведенных рисунках изображены части гривны с двумя конными скифами на своих обоих концах. Скифы эти поразительно схожи с русскими крестьянами.

Из рассмотрения приведенных рисунков предметов, найденных в наших курганах, мы видим, что Геродот замечательно правдиво описывал скифские нравы и обычаи.

В этих нравах и обычаях нас, конечно, больше всего поражает необыкновенная кровожадность и жестокость наших древних предков. Сдирание кожи с трупов врагов, обделка черепов родственников, с которыми поссорились, в чаши для вина, наконец, удушение стольких преданных слуг на могиле вождей,— все это не может не поражать нас.

Но надо всегда помнить время, в которое жили наши предки, надо помнить, что это было за несколько столетий до рождения

Иисуса Христа, который явился именно чтобы спасти этот жестокий языческий мир, погрязший в потоках крови, и просветить его своей проповедью любви к ближнему.

В описываемое же время никто о возможности подобной любви к ближнему даже и не подозревал; к тому же, если прародители наши и были жестоки к своим врагам, то только потому, что они знали, что и с ними в случае беды эти враги поступят точно так же, если еще не хуже. Надо не забывать, что все войны велись тогда с беспощадной жестокостью.

Греки, самые просвещенные из всех тогдашних обитателей древнего мира, вступили между собой, вскоре после путешествия Геродота в Скифию, в большую братоубийственную войну, продолжавшуюся двадцать семь лет, причем доходили в обращении с побежденными греками же до ужасающих зверств; часто случалось, что торжественно обещав жителям какого-нибудь осажденного города жизнь и свободу, если те сдадутся, они не затруднялись тотчас же нарушить это слово и предавали доверчивых противников самому безжалостному поголовному избиению, не щадя ни женщин, ни грудных детей.

Еще большей жестокостью и беспощадностью отличались знаменитые римляне; много столетий спустя после описанных Геродотом времен, когда христианская проповедь проникла в Рим, они именно отличались крайним

изуверством по отношению к незащищенным христианам и всенародно подвергали их мучительным истязаниям или отдавали на растерзание диким зверям; известно, что римляне водружали христиан на высокие шесты, обмазывали смолой, потом зажигали их и при пламени таких факелов устраивали веселые ночные пиршества. Вообще, у римлян крайняя жестокость уживалась вместе с утонченной роскошью. Римские императоры и знатные римляне большую часть своего времени проводили в великолепных загородных дворцах, предаваясь там всяким излишествам и истязая при этом беспощадно своих рабов.

Поэтому скифы вовсе не были более жестоки, чем другие

Если они заставляли своих молодых воинов выпить крови первого убитого ими врага, то это делалось, конечно, только затем, чтобы дать своей молодежи воинскую закалку, между тем соседи скифов — финские племена, жившие рядом с ними на севере России, были во времена Геродота еще настоящими людоедами, причем не гнушались даже поедать тела своих покойных родителей<sup>4</sup>.

Наконец, обсуждая погребальные обычаи скифов, когда на могилах царей или вождей лишалось жизни столько преданных им людей, надо всегда помнить, что наши предки глубоко верили в бессмертие души, но по грубости своей языческой религии полагали, что с покойниками необходимо отправлять на тот свет, чтобы им не было одним скучно, и всех самых близких людей, а также и любимых лошадей. Только поэтому и убивалось столько народу при погребении вождей. При этом также надо помнить, что для самих убиваемых слуг смерть эта считалась самой почетной, и многие шли на нее с радостью. Это была истинная преданность своим повелителям «на живот и на смерть». Благодаря этой беспредельной преданности своим вождям древние славяне и одерживали столько славных побед и поэтому считались непобедимыми.

Сам Геродот очень высоко ставил скифов среди остальных народов за их душевное благородство, разум, отвагу, искусное ведение сельского хозяйства и отличное понимание военного дела. Он называл их справедливейшими. Кроме того, Геродот ставил также скифам в большую заслугу, что хотя они и были ласковы к чужестранцам, но ничего у них не перенимали, а крепко держались своих родных обычаев и старины.

Главные упреки, которые Геродот делает скифам, — это пагубная для самих же скифов страсть к раздорам между собой и столь же пагубная невоздержанность в употреблении вина. Необузданное пьянство скифов всегда сильно поражало трезвых греков, обыкновенно пивших только разбавленное водой вино; у греков даже вошло в обычай говорить, если кто-либо хотел выпить лишнее, «налей-ка мне вина по-скифски», или «ну-ка подскифь», и тогда виночерпий наливал чистого неразбавленного вина.

Особенно уважались скифы за их беспредельную преданность близким себе людям, как вождям и родным, так и тем, с кем они побратались.

Вот один из многих рассказов о том, что значила среди скифов дружба и братство.

Однажды двое скифов, Дандаמיד и Амизок, побратались между собой. На четвертый день после того, как они вместе пили кровь друг друга, внезапно пришло в их землю другое скифское же племя — савроматы, и так как никто нападения не ожидал, то савроматы перебили многих воинов, многих увели живыми и разграбили дотла жителей. В числе пленных был и Амизок. Когда его уводили, он крикнул друга и напомнил ему кровь и кубок. Услышав это, Дандаמיד поскакал на глазах у всех прямо к врагам. Савроматы, подняв копья, двинулись на него, чтобы пронзить его, но он крикнул: «зирин». Если кто произносил это слово, то савроматы не убивали его, но принимали как явившегося для выкупа пленных. Когда привели его к вождю, он попросил выдачи друга; тот потребовал выкупа, говоря, что не выпустит, не получив большого выкупа. Дандаמיד сказал: «Что я имел, все расхищено вами, а что я, не имея ничего, могу дать в выкуп, охотно предоставляю вам; приказывай, чего бы ни пожелал. Если же хочешь, то делай со мной то же, что с моим другом!» Савромат отвечал: «Мне не надо всего тебя, да еще пришедшего со словом „зирин“. Уводи друга взамен одного из членов твоего тела».

Дандаמיד спросил, что он хочет взять; тот потребовал обоих глаз, и Дандаמיד тотчас предоставил вырезать их. Когда их вырезали и савроматы получили такой выкуп, он, взяв Амизока, пошел назад, опираясь на него; затем они спаслись к своим. После этого савроматы восхваляли скифское племя, на которое напали, и находили, что они не побеждены, так как не лишились лучшего сокровища — хорошего ума и верности друзьям.

Мало того, савроматы были так напуганы этим событием, что ночью совсем ушли. Амизок же, чтобы не отставать от друга, ослепил себя сам, и оба жили в большом почете, содержимые скифской общиной.

1 Смотри [общую карту](#) в конце первой части (Прим. автора)

2 “Царственным летописцем” называется русская рукописная летопись с рисунками, помещенными почти на каждой странице; эти рисунки исполнены пером и раскрашены водяными красками. Первые тома “Царственного летописца” обнимают собой рассказы из Священной Истории и Троянскую войну, а в последующих идет повествование о Русской земле (по так называемой Никоновской летописи), начиная с великого княжения Владимира Мономаха. Часть листов “Царственного летописца” утеряна, в том числе и заглавные, вероятно, в Смутное время; поэтому наши ученые долго сомневались, к какому веку следует отнести время его написания, и только недавно наш известный исследователь и знаток русской старины Н. П. Лихачев по водяным знакам бумаги, на которой написан “Царственный летописец”, определил, что по всем данным он был составлен в веке, очень может быть, по приказанию Иоанна Грозного. До настоящего времени сохранилось более 9700 листов “Царственного летописца” и более 16000 рисунков, заключающихся в десяти томах; часть их хранилась в Петербурге — в Императорской Академии наук и Императорской Публичной библиотеке; а часть в Москве — в Императорском Историческом музее имени Александра и в Патриаршей библиотеке при Московской Синодальной конторе. Подробности об этом замечательном сборнике можно найти: в трудах Н. П. Лихачева “Палеографическое значение бумажных водяных знаков”, “Из лекций по дипломатике”, а также в труде А. Е. Преснякова “Московская историческая энциклопедия века”, напечатанном в томе “Известий Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук”, 1900 года. Изучение рисунков, обычно называемых миниатюрами, “Царственного летописца” чрезвычайно любопытно; оно показывает нам своеобразный способ рисования русских живописцев века, причем самым замечательным является изображение одного и того же лица на том же рисунке в нескольких видах, например: стоящим перед казнью, а затем тут же лежащим с отрубленной головой и т. д.; иногда же на одном рисунке является два изображения — верхнее, или горнее, и нижнее, или дольнее;

причем верхнее относится к началу рассказа о каком-либо событии, а нижнее к его окончанию, или наоборот. Главное же значение миниатюр — это ознакомление нас с бытом наших предков; они изображают их битвы, одежду, различные здания, телеги, сани, разного рода утварь, как строились храмы, как монахи ездили верхом и т. д. (*Прим. автора*). 3 Хранилище для стрел, носимое обычно за спиной (*Прим. автора*).

4 Обычаи эти у северных инородческих обитателей России сохранились вплоть до московских царей, которые строго приказывали следить за ними своим воеводам и выводить эти "прелести" (*Прим. автора*)



40. Страстной путь

Стенопись Киево-Печерской лавры

## ГЛАВА ВТОРАЯ



Сведения о Русской земле у писателей после Геродота. Путешествие святого апостола Андрея Первозванного. Походы славян против Римской империи. Готы. Гунны объединяют восточных славян. Аттила. Раздоры славян между собой. Нашествие аваров. Русь во время хазарского ига. Призвание князей.

ОСЛЕ Геродота никто из писателей не оставил такого подробного и правдивого описания Русской земли, как он, вплоть до первого русского летописца, которым обыкновенно считают преподобного Нестора, инок Киево-Печерского монастыря, жившего в одиннадцатом столетии после Рождества Христова, стало быть, спустя более полутора тысячи лет после Геродота.

Все писатели, которые говорили за эти полторы тысячи лет о наших предках, упоминали о них главным образом только в тех случаях, когда описывали войны, в которых принимали участие славянские племена. Однако, так как славяне были народом воинственным, а войны происходили в разных концах земли непрерывно, то мы и можем найти довольно часто у писателей того или другого народа сведения о наших предках.

Из этих сведений мы видим, что славянские племена всегда и при всех обстоятельствах сохраняли за собой славу бесстрашных и искусных воителей и высокочестных людей.

Вот мнения некоторых писателей, живших позднее Геродота, о тогдашних обитателях Русской земли. “Правосудие у них было запечатлено в умах,— говорил один из этих писателей,— а не в законах; воровство редко и считалось важнее всяких преступлений. Золото и серебро они столько же презирали, сколько прочие смертные желали его. Они превосходные воины, потому что военное дело становится у них суровой наукой во всех мелочах. Высшее счастье в их глазах — погибнуть в битве. Умереть от старости или от какого-либо случая — это позор, унижительнее которого ничего не может быть. Они вообще красивы и рослы; волосы их отливают в русый цвет. Взгляд у них скорее воинственный, чем свирепый”.

“Племена славян,— пишет другой писатель,— ведут образ жизни одинаковый, имеют одинаковые нравы, любят свободу и не выносят рабства. Они особенно храбры и мужественны в своей стране и способны ко всяким трудам и лишениям. Они легко переносят жар и холод, и наготу тела, и всевозможные неудобства и недостатки. Очень ласковы к чужестранцам, о безопасности которых заботятся больше всего: провожают их от места до места и поставляют себе священным законом, что сосед должен мстить соседу и идти на него войной, если тот, по своей беспечности, вместо охраны допустит какой-либо случай, где чужеземец потерпит несчастье”.

Чтобы угостить гостя, бедным людям разрешалось даже украсть, хотя воровство и было самым важным преступлением.

“Пленники у славян не так, как у прочих народов, не всегда остаются в рабстве; они определяют им известное время, после которого, внося выкуп, те вольны или возвратиться в отечество, или остаться у них друзьями и свободными. Часто делают набеги, нечаянные нападения и различные хитрости днем и ночью и, так сказать, *играют войной*. Величайшее их искусство состоит в том, что они умеют прятаться в реках под водой. Никто другой не может так долго оставаться в воде, как они. Часто, застигнутые неприятелем, они лежат очень долго на дне и дышат с помощью длинных тростниковых трубок, у которых одно отверстие берут в рот, а другое высовывают на поверхность воды и таким образом укрываются неприметно в глубине. Кто даже заприметит эти трубки, тот, не зная такой хитрости, сочтет их самородными. Опытные узнают их по отрезу или по положению и тогда или придавливают их ко рту, или выдергивают, и тем заставляют хитреца всплыть наверх. Славяне никакой власти не терпят и друг к другу питают ненависть”.

В Риме до сих пор стоит огромный столп или колонна, высеченная из камня в честь императора Траяна, жившего в конце I и начале II века по Рождеству Христову и считавшего своим славнейшим подвигом покорение славянского племени даков, обитавших на Балканском полуострове. На Траяновой колонне изображены различные случаи из борьбы римлян с даками, и изображения эти ясно показывают, какими храбрецами были славяне и каких огромных трудов стоило могущественному Римскому

государству и его закаленным в боях воинам победить сравнительно небольшое славянское племя.

В настоящей главе помещено несколько изображений с Траяновой колонны. На рис. 41 мы видим римских воинов, защищающихся в сложенном из камня укреплении и одетых в металлические доспехи с такими же щитами; на них храбро нападают даки в одних полотняных рубашках, имея в руках только луки.

На рис. 42 изображено, как даки, идя в бой с римлянами, смело переплывают реку, причем один из них тонет вместе с конем; в отдалении видны всадники в чешуйчатых доспехах вроде тех, в которых изображены амазонки на рис. 12; эти всадники, союзники даков, спешащие к ним на помощь — савроматы, или сарматы, обитатели левого берега Дона.

Весьма замечательны рис. 43 и 44. На первом из них славянские вожди, стесненные римлянами, решают отравиться, чтобы избежать позорного плена, и пьют из чаши яд, причем один молодой воин, выпивший отраву, уже умер, и над его трупом склонился плачущий отец. На рис. 44 мы видим также несколько славянских вождей, окруженных римлянами; часть их советуется еще, что предпринять; один (крайний левый) яростно отбивается от врагов, а другой, стоящий рядом с ним на коленях, очевидно уже раненый, заносит нож, чтобы покончить с собой.

Величайшим источником всех несчастий славян являлись их постоянные раздоры между собой. Каждый раз, когда славяне соединялись для какого-либо общего дела вместе, они тотчас же делались грозными и непобедимыми и легко приводили под свою руку тех, кого хотели покорить. Но как только начиналась у славян междоусобица — они сейчас же начинали ослабевать, и этим искусно пользовались их враги, стараясь всеми мерами раздуть еще больше взаимную их вражду между собой.

Сто лет спустя после того, как Геродот составил описание своих замечательных путешествий в Скифскую землю, Александр Македонский, величайший из завоевателей всех времен, который за свою недолгую жизнь (умер 31 года) покорил всю Грецию, Малую Азию, Египет, Персию, Вавилон и часть Индии, причем особенно прославился своими знаменитыми битвами с могущественным персидским царем Дарием Третьим, дважды ходил также против скифов, первый раз, около 335 года до Рождества Христова, против племен обитавших к северу от Дуная, причем он сжег их главный город, а второй раз, в 328 году до Рождества Христова, против скифов, живших к северу от Аму-Дарьи.

Последний поход окончился неожиданно Александр, до сей поры совершенно равнодушный к девичьей красоте, был сразу покорен, как только увидал дочь одного из скифских царей — Роксану, и тотчас же женился на ней, а с отцом ее заключил союз. По поручению Александра Македонского один из его морских военачальников обследовал в те времена Каспийское море и первый представил сведения о том, что, поднявшись по Волге,

возможно, идя по ее притокам, перевалить к рекам, впадающим в Балтийское море.

После Александра скифы воевали не раз с македонскими царями и в 293 году до Рождества Христова живьем захватили в степях близ Днестра одного их царя, Лизимаха, со всем его воинством.

Незадолго до тех времен, когда надлежало родиться на свет Господу нашему Иисусу Христу, владычество почти над всем древним миром перешло, как уже было указано раньше, в руки знаменитых римлян.

Одним из сильнейших их врагов был малоазийский царь Митридат Великий, живший от 121 до 64 года до Рождества Христова. Он владел, между прочим, и греческим Воспорским царством, лежавшим на берегах Азовского моря и Керченского пролива. Этот царь Митридат долго воевал с соседними скифскими племенами, которым и нанес наконец жесточайшее поражение, после чего заключил со всеми ними мир и союз с целью двинуть соединенные их силы против ненавистного ему Рима. Кроме значительного количества сухопутных войск из всех союзных ему славянских племен, Митридат поднял на Рим и всех побережных жителей Черного моря на их ладьях. Затем он содержал на жалованье морских разбойников и образовал из них такую разбойничью силу, с которыми римляне могли еле сладить.

Митридат очень гордился своей победой над скифами. “Из смертных я один покорил Скифию,— говорил он,— ту Скифию, мимо которой прежде никто не мог ни безопасно пройти, ни приблизиться к ней. Два царя—Дарий Персидский и Филипп Македонский осмелились было не покорить, а только войти в Скифию и с позором бежали оттуда, откуда нам прислано теперь великое количество войска против римлян”.

После поражения Митридатом скифов слава непобедимых воинов перешла к соседнему племени, жившему по левому берегу Дона, к савроматам, как называл Геродот, или *сарматам*, как их называли римляне, а также и к другому славянскому племени, жившему севернее их, к *роксаланам*. Мало-помалу имя сарматов благодаря ряду их доблестных подвигов сделалось общим именем для всех славянских племен, обитавших на Русской земле, и она сама прозывалась одно время *Сарматией*.

Сарматы особенно отличались быстротой и внезапностью своих набегов; их женщины имели такое же участие в государственных и военных делах, как и мужчины. “Амага,— рассказывал один греческий писатель,—жена сарматского царя, жившего на берегу Черного моря, видя невоздержанность своего мужа в еде и питье, сама творила суд, сама и расставляла сторожевые отряды, и отражала набеги врагов, и сражалась в союзе с соседними племенами, и слава ее была громка у всех скифов. Однажды она поссорилась с одним скифским царем за то, что он обижал херсонесцев, которых она взяла под свою защиту. Царица послала сперва приказание не трогать херсонесцев, но когда скифский царь презрел ее волю, то, собрав сто двадцать человек, крепчайших душой и телом, и дав каждому по три лошади, дабы иметь всегда две запасные, она проскакала в одни сутки ровно двести верст и, внезапно

напав на царский дворец, перебила всех привратников. Скифы, пораженные внезапным набегом, думали, что пришло не столько, сколько они видят, а гораздо больше, и растерялись, а царица быстро вторгнулась со своим отрядом во дворец, где был царь, и убила его и всех приближенных, а владения его отдала херсонесцам”.

Страна наша не оставалась без евангельской проповеди в первые же годы после Воскресения Христова.

Во время своего третьего путешествия апостол Андрей Первозванный, следуя по восточному берегу Черного моря после проповеди кавказским горцам, посетил города — Керчь, Феодосию и Кор-сунь, откуда отплыл вверх по Днепру и, прибыв в ненаселенные тогда горы у Киева, водрузил крест, сказав своим ученикам “Видите ли горы сии; на горах этих воссияет благодать Божия, и будет большой город, и много церквей будет воздвигнуто здесь по изволению Божьему”.

Основанная апостолом Андреем церковь верующих в городе Корсуни вскоре подверглась сильным гонениям, и римляне сделали этот город местом ссылки христиан. Так, сюда была сослана в первом же веке после Рождества Христова племянница римских императоров Тита и Домициана, Флавия Домитилла, христианка, и долго содержалась в заключении, а при императоре Траяне — и римский епископ святой Климент, который должен был исполнять тяжелые работы в каменоломнях. Святой Климент усердно насаждал христианство в Корсуни и основал до 75 церквей, вследствие чего, по повелению из Рима, был схвачен, отведен за две версты от города в море и брошен в воду с железным якорем на шее, чтобы христиане не могли достать его мощей. Но мощи эти были обретенны и перевезены в Рим,— в девятом веке после Рождества Христова,— святым Кириллом Философом; часть же этих мощей осталась в Корсуни и была взята в Киев святым Владимиром после своего крещения.

За пределами Корсуни в нашей стране проповедь святого апостола Андрея не принесла заметных плодов; слишком грубы еще были наши нравы, и только отдельные личности могли воспринять божественные истины учения Христа.

Митридат Великий научил славянские племена ходить на римские границы; после Рождества Христова как отдельные племена славян, так и соединенные по несколько вместе начинают часто тревожить эти границы, тем более что одно время они очень близко подходили к нашим южно-русским степям, так как римские владения в первом веке после Рождества Христова захватывали уже и греческий город Ольвию, близ нынешнего Николаева.

Укротить римлянам славян было очень трудно по той причине, что государств у них не было; жили они особыми племенами и дружинами, каждый сам по себе; ни союзов, ни договоров заключать было не с кем; никто за другого не отвечал, а всякий, выждав случай и собравшись с силами,

действовал по своему рассуждению и без малейшего повода бросался в римские земли.

Поэтому римляне признали нужным откупаться от славян и в 69 году после Рождества Христова уже содержали на жалованье старшин некоторых славянских племен, обитавших в Русской земле, то есть попросту платили этим старшинам дань.

Особенно неприятны были для римлян пограничные славянские племена, когда они предварительно соединялись вместе и затем уже совершали свои нашествия. Из таких нашествий самым грозным было нашествие при императоре Марке-Аврелии, продолжавшееся целых четырнадцать лет, от 166 до 180 года после Рождества Христова; в нашествии этом принимали участие не только соединенные славянские племена, но также и германские народы, причем после усмирения германцев римляне долго еще продолжали войну со славянами; среди этих славян особенно прославились два племени, жившие в России: *роксоланы* и *языги*.

Война с ними велась римлянами с большим ожесточением, и очень много народу погибло с обеих сторон. Спустя много лет после войны языги возвратили Риму сто тысяч римских пленников.

Римляне же такого количества пленников вернуть не могли, так как они поступали обыкновенно со своими военнопленными следующим бесчеловечным образом: в Риме было построено огромное здание, совершенно круглое, вокруг большой площади; в нем могло помещаться сразу до ста тысяч человек. Сюда постоянно собирались обитатели Рима для своих развлечений, которые заключались в том, что христианских мучеников травили на площади дикими зверями, а также и в том, что на площадь пригонялись римские пленники, каждый со своим вооружением; затем их разводили по площади и заставляли сражаться друг против друга поодиночке или целыми отрядами, каждого по обычаям своей страны, до тех пор, пока они себя взаимно не уничтожали.

В Риме до настоящих дней сохранились развалины этого огромного здания, называвшегося Колизеем. Сохранилось также и высеченное в те времена из дорогого камня изображение такого умирающего пленника после боя, везенного им для потехи развратной и жадной до крови римской толпы. Взглянув на это изображение, мы легко можем узнать в нем своего брата славянина: у умирающего совершенно те же черты лица, какие мы постоянно встречаем у русских людей; надета у него на шее и гривна, которые так любили носить наши предки.

Описанная четырнадцатилетняя война Рима со славянами, прозванная Сарматской, послужила как бы военной школой для всех пограничных Риму народов. Она научила эти народы подниматься на римские области не в одиночку, а целыми союзами. Славяне производили при этом свои нападения как сухим путем, так и водой; собираясь на своих ладьях у устьев Днепра и Дона, они смело пускались на них в море и доходили не только до Византии и Малой Азии, но достигли и самых Афин и Рима.

Все эти походы не могли не беспокоить сильный Рим, и чтобы избавиться от этих постоянных нашествий, римские императоры стали употреблять все усилия, чтобы ссорить между собой различные племена и этим отвлекать их от своей столицы. Этот способ действий так и назывался у римлян — “разделять и властвовать”. Особенно это разделение своих противников удалось императору Диоклетиану, царствовавшему в начале четвертого века после Рождества Христова и оставившему по себе память жестокого гонителя христиан. Диоклетиан сумел натравить германские племена, которые носили общее имя готов, на славян, после чего они и славяне оставили Рим в покое и стали в течение долгих лет ожесточенно истреблять друг друга.

Эта вражда готов и славян продолжалась и во время царствования св. Константина Равноапостольного, первого из императоров, принявшего святое крещение и много способствовавшего со своей супругой царицей Еленой Равноапостольной распространению Христовой веры. При нем в 321 году славянские удалыцы с низовьев Дона и берегов Азовского моря пришли на судах на Дунай и осадили какой-то город, так что сам император должен был поспешить к нему на защиту и отразить нападающих.

Когда в 332 году готы стали слишком нападать на славян, живущих в Русской земле, то они обратились к св. Константину с просьбой помочь им, и император укротил готов и приказал противникам помириться. Однако мир этот не понравился славянам, и они стали опустошать земли св. Константина, теперешние Сербию и Болгарию. Тогда император усмирил их и принудил к миру.

После кончины св. Константина вражда между готами и славянами вспыхнула опять с новой силой, и готы стали забирать верх, особенно когда они объединились под рукой их героя завоевателя *Германриха*. Германрих со своими соединенными силами начал сильно теснить своих противников; он перешел Днепр, подчиняя себе по пути встречающиеся славянские племена, и доходил даже до Дона.

Но гнет чужестранцев скоро стал нетерпимым для наших свободолюбивых предков, и все тогдашние обитатели Русской земли стали подниматься на общего врага.

Первыми поднялись храбрые обитатели низовьев Дона и Днепра; они двинулись под именем *гуннов* против Германриха, присоединяя к себе по мере движения вперед и все подвластные готам славянские племена.

Когда до Германриха дошла весть о движении гуннов, то на готов напал страх, и они стали держать со своим королем совет, что делать. В это время роксаланы, которые перед тем были покорены готами, услышав о приближении гуннов, перешли на их сторону; при этом и один из вождей роксаланов, бывший при Германрихе, точно так же покинул его, оставив, однако, во власти короля свою жену — Сонильду. Рассвирепевший Германрих приказал за бегство мужа казнить несчастную Сонильду; ее привязали к диким лошадям, и она была растерзана на части. Двое из ее родственников, мстя за смерть неповинной женщины, поразили Германриха

мечом в бок. После этого он прожил еще некоторое время, но однажды был захвачен врасплох гуннами и после долгой битвы, видя всю безуспешность ее, в отчаянии и страхе от неминуемой гибели сам лишил себя жизни, кинувшись на свой меч. Он умер ста десяти лет от роду

После Германриха долго вел войну с гуннами храбрый готский король *Винитар*. Сначала он был побежден гуннами, но затем захватил одного из их князей — Бог-ша и, чтобы навести ужас на врагов, распял его вместе с сыновьями и семьюдесятью старейшинами на крестах. После этого Винитар спокойно царствовал целый год, до тех пор, пока повелитель гуннов *Валамир*, собрав сильную рать, не двинулся против него.

Две битвы были выиграны Винитаром, и невозможно себе представить ту ужасную резню, которую он произвел в войске гуннов. В третий раз полки сошлись на реке Пруте. Здесь Винитар погиб от стрелы, которую ему пустил в голову сам Валамир. После этого Валамир взял себе в жены Валадамарку, племянницу Винитара, а готский народ без сопротивления покорился гуннам.

Так опять, соединившись вместе под рукой храброго и искусного вождя — Вала-мира, снова входят в силу и славу славянские племена, населяющие нашу родину,— на этот раз под новым общим именем гуннов. По всем немецким или, как тогда называли, готским областям разнесся слух о появлении неведомого диковинного народа, который то как вихрь спускался с высоких гор, то будто вырастал из земли и все, что ни попадалось на пути, опрокидывал и разрушал.

Особенно стали грозны гунны, когда над ними, около 444 года, воцарился *Аттила*.

К этому времени бывшая столько веков единой Римская империя была уже разделена надвое: разделение это произошло в 395 году, когда скончался один из преемников императора Константина Великопостольного — Феодосий Великий и передал Римскую империю своим двум сыновьям, разделив ее на две — восточную и западную империи. С той поры западные императоры проживали в Риме, а восточные — в городе Константинополе, или Византии, который славяне называли Царьградом.

Само собой разумеется, что это разделение бывшей столько веков крепкой римской державы вскоре же повело к раздору между собой правителей ее обеих половин, а вследствие этого и к их взаимному ослаблению. Ослабление это проявилось особенно сильно, когда Аттила стал во главе гуннов. По просьбе западного императора он сначала стал поддерживать его против восточного, но затем сам поссорился с первым и вступил с ним в борьбу.

Готы, которых окончательно покорил Аттила, прозвали его “Божьим бичом” и в своих описаниях выставляли как его самого, так и славных гуннов какими-то чудовищами, вроде того, как древние греки выставляли наших предков кентаврами и амазонками. Эти готские писатели повествовали, что

гунны вышли с берегов Азовского моря и устьев Дона и произошли от браков ведьм с нечистыми духами.

“Они,— рассказывали готы про гуннов,— когда рождаются у них дети мужского пола, то изрезают им щеки, чтобы уничтожить всякий зародыш волоса. Однако у всех у них коренастый стан, члены сильные, шея толстая, голова огромная. Скорее это двуногие животные, а не люди, или каменные столбы, грубо вытесанные в образе человека; на своих лошадях, нескладных, но крепких, они точно прикованы и справляют на них всякого рода дела. Начиная битву, они разделяются на отряды и, поднимая ужасный крик, бросаются на врага. Рассыпавшись или соединившись, они и нападают, и отступают с быстротой молнии. Но вот что особенно делает их наипуганнейшими воинами на свете: это, во-первых, их меткие удары стрелами хотя бы и на далеком расстоянии, а во-вторых, когда в схватке один на один дерутся мечами, они с необыкновенной ловкостью в одно мгновение накидывают на врага ремень и тем лишают его всякого движения...

Они не больше зверей понимают, что честно и что бесчестно. Сам разговор они ведут двусмысленно и загадочно. Язык их едва напоминает человеческий язык”.

Так описывали готы своих лютых врагов — гуннов.

Если из этого описания мы откинем все, что прибавлено готской озлобленностью, то увидим в гуннах прямых потомков наших удалых предков, ходивших еще при пророке Иеремии под Иерусалим и изгнавших гордого персидского царя Дария из наших черноморских степей. А что у предков наших бывало порой в обычае брить бороду и даже голову, оставляя на ней только одну *чупрыну*, так этим были известны и славные запорожские казаки; да и теперь еще среди донского казачества многие бреют себе бороду.

Греческие писатели, жившие в том же веке, описывают гуннов совершенно иначе, чем готские летописцы. Из описаний этих греческих писателей легко увидеть, что гунны были прямые потомки скифов — славян, а Аттила — мудрейшим государем и искуснейшим воинским вождем. Он строго наблюдал за правосудием и не терпел притеснений народа чиновниками, а потому неудивительно, что греки и римляне, в особенности промышленники и искусные мастера, тысячами переходили к Аттиле.

Послушаем одного из таких греческих писателей-очевидцев, который сам ездил к страшным гуннам, сам видел Аттилу, обедал у него и наблюдал, как живет этот могучий человек. Очевидец этот — грек Приск, секретарь посольства, которое послал к Аттиле византийский император в 448 году.

Причина, почему было послано посольство, следующая: когда гунны заключили мир с греками, предварительно нанеся им тяжелое поражение, то Аттила строго потребовал, чтобы ему возвратили всех его перебежчиков; кроме того, он потребовал уплаты огромной дани и чтобы торжища на Греческой земле между греками и приезжающими в нее гуннами происходили на равных правах и без всякого опасения для гуннов.

Греки на все эти условия согласились, но медлили затем в выдаче некоторых знатных гуннских перебежчиков и наложенной дани, которая была так тяжела, что даже богатые греки выставляли на продажу уборы жен и свои пожитки.

Настаивая на выдаче своих перебежчиков и правильной уплате дани, Атила постоянно посылал в Византию послов, причем кому из своих любимцев хотел сделать добро, того и отправлял послом, так как послов по обычаю богато дарили.

В 448 году в Византию прибыл опять посол Аттилы. То был Эдикон, скиф, отличавшийся великими военными подвигами.

Атила послал к императору грамоту, в которой жаловался, что ему не выдают перебежчиков, и грозил войной. На этот раз греки ухитрились войти в тайные сношения с послом Эдиконем и предложили, что осыпят его золотом, если он изведет Аттилу. Эдикон согласился, и для этого дела с ним же было отправлено от императора посольство, в котором находился и Приск; все нити заговора были в руках грека Вигилы, одного из членов посольства; сам же греческий посол и его секретарь Приск ничего не знали о заговоре.

Прибыв к берегам Дуная, греческое посольство встретилось с гуннами, среди которых был и Атила, развлекавшийся здесь охотой. На другой день по прибытии посольство пожелало представиться Аттиле, но Атила уже знал о заговоре на его жизнь (вероятно, верный Эдикон предупредил его) и приказал грекам тотчас же убираться домой, если они не скажут *главной цели* своего посольства. Ввиду этого посол, все еще не зная о заговоре, собрался уже уезжать, как на другой день Атила, которому объяснили, что посол в этом деле ни при чем, объявил, что он примет посольство.

“Мы вошли,— описывает этот прием Приск,— в шатер Аттилы, охраняемый многочисленной стражей. Атила сидел на деревянной скамье. Мы стали несколько поодаль, а посол, подойдя, приветствовал его. Он вручил ему царскую грамоту и сказал, что император желает здоровья ему и всем его домашним. Атила отвечал: „Пусть и грекам будет то, чего они мне желают”. Затем Атила обратил вдруг свою речь к Ви-гиле, не показывая, однако, виду, что ему что-либо известно о заговоре; он назвал его бесстыдным животным за то, что тот решился приехать к нему, пока не выданы еще все гуннские перебежчики. Вигила отвечал, что у них нет ни одного беглого из скифского народа, все выданы. Атила утверждал, что он византийцам не верит, что за наглость слов Вигилы он посадил бы его на кол и отдал бы на съедение птицам, и не делает этого только потому, что уважает права посольства”.

После такого приема Вигила с гунном Ислою был отправлен к императору в Византию будто бы собирать беглых, а на самом деле за тем золотом, которое было обещано Эдикону.

Послы же и Приск отправились следом за Атилой дальше к северу, причем по дороге он заехал в одно селение, в котором женился на молодой

девушке. Аттила имел много жен, но хотел жениться и на этой девушке, согласно обычаям скифским.

“Наконец, переехав через некоторые реки,— продолжает Приск,— мы прибыли в одно огромное селение, в котором был дворец Аттилы. Этот дворец, уверяли нас, был великолепнее всех дворцов, какие имел Аттила в других местах: он был построен из бревен и досок, искусно вытесанных, и обнесен деревянной оградой, более служащей к украшению, нежели к защите. Недалеко от ограды была большая баня, построенная Онигисием, имевшим после Аттилы величайшую силу между скифами

При въезде в селение Аттила был встречен девами, которые шли рядами под тонкими большими покрывалами. Эти девы, приветствуя Аттилу, пели скифские песни. Когда Аттила был возле дома Онигисия, мимо которого пролегла дорога, ведущая к царскому дому, супруга Онигисия вышла из дома со многими служителями, из которых одни несли кушанье, а другие вино. Это у скифов было отличное уважение. Они приветствовали Аттилу и просили его вкушать того, что ему подносят в изъявлении своего почтения. В угодность жене своего любимца Аттила, сидя на коне, ел кушанья из серебряного блюда, высоко поднятого служителями”.

Выпив вина, поднесенного ему слугами, он поехал в царский дом, который был выше других и построен на возвышении.

На рассвете следующего дня Приск отправился к Онигисию с дарами и чтобы узнать, как будут вестись переговоры с послами.

Ожидая у ворот Онигисиева дома, пока тот примет его, Приск увидел человека, судя по одежде, скифа, который подошел к нему, приветствуя его на греческом языке.

Приск очень удивился этому, зная, что скифы не говорят по-гречески, а этот человек был по виду знатным скифом, богато одетый и с головой, стриженной в кружок, и спросил его, кто он таков. Оказалось, что это был грек из одного византийского города на Дунае; он был богат, но при взятии города гуннами попался в плен и за богатство достался при разделе пленных Онигисию, потому что богатые люди доставались после Аттилы на долю его вельможам. “После я отличился в сражениях против римлян,— говорил грек,— и отдавал своему господину, по скифскому закону, все добытое мной на войне; получив свободу, я женился на скифской женщине, прижил детей и теперь благоденствую. Онигисий сажает меня за свой стол, и я предпочитаю настоящую свою жизнь прежней, ибо иноземцы, находящиеся у скифов, после войны ведут жизнь спокойную и беззаботную; каждый пользуется тем, что у него есть, и никем не тревожится”. После этого грек стал выхвалять скифское житье перед греческим.

Таким образом, своим рассказом грек подтвердил Приску, что гунны вовсе не были жестокими и кровожадными чудовищами, как их описывали готы, а добрыми и справедливыми людьми, по-отечески относившимися к своим пленным, чем издревле и славились именно все славяне.

На другой день после описанного разговора Приск с другими членами посольства был приглашен к обеденному столу самого Аттилы.

“В назначенное время,— говорит Приск,— пришли мы и стали на пороге комнаты против Аттилы. Виночерпцы, по обычаю страны своей, подали чашу, дабы и мы поклонились, прежде нежели сесть. Сделав это и вкусив из чаши, мы пошли к седалищам, на которые надлежало нам сесть пообедать. Скамьи стояли у стен комнаты по обе стороны. В самой середине сидел на ложе Аттила. Первым местом для обедающих почитается правая сторона от Аттилы; вторым— левая, на которой сидели мы. Когда все расселись по порядку, виночерпец подошел к Аттиле и поднес ему чашу с вином. Аттила взял ее и приветствовал того, кто был в первом ряду. Тот, кому была оказана честь приветствия, вставал; ему позволено сесть не прежде, чем Аттила возвратит виночерпцу чашу, выпив вино или отведав его. Когда он садился, то присутствующие читли его таким же образом: принимали чашу и, приветствовав, вкушали из нее вино. По оказании такой же почести второму гостю и следующим за ним гостям Аттила приветствовал и нас наравне с другими, по порядку сидения на скамьях. После того как всем была оказана честь такого приветствия, виночерпцы вышли. Подле стола Аттилы поставлены были столы на трех, четырех или более гостей, так, чтобы каждый мог брать из положенного на блюде кушанья, не выходя из ряда седалищ. С кушаньем первый вошел служитель Аттилы, неся блюдо, наполненное мясом. За ним прислуживающие другим гостям ставили на столы кушанья и хлеб. Для других гуннов и для нас были приготовлены яства, подаваемые на серебряных блюдах, а перед Аттилою ничего больше не было, кроме мяса на деревянной тарелке. И во всем прочем он показывал умеренность. Пирующим подносились чарки золотые и серебряные, а его чаша была деревянная. Одежда на нем была также простая и ничем не отличалась, кроме опрятности. Ни висящий при нем меч, ни застежки скифской обуви, ни узды его лошади не были украшены золотом, камнями или чем-либо драгоценным, как водилось у других скифов.

После того как наложенные на первых блюдах кушанья были съедены, мы все встали, и всякий из нас не ранее пришел к своей скамье, как выпив прежним порядком поднесенную ему полную чашу вина и пожелав Аттиле здравия. Изъявив ему таким образом почтение, мы сели, а на каждый стол было поставлено второе блюдо с другими кушаньями. Все брали с блюда, вставали по-прежнему, потом, выпив вино, садились.

С наступлением вечера зажжены были факелы. Два гунна, выступив против Аттилы, пели песни, в которых превозносились его победы и оказанная в боях доблесть.

Собеседники смотрели на них: одни тешились, восхищались песнями и стихотворениями, другие воспаменялись, вспоминая о битвах, а которые от старости телом были слабы, а духом спокойны, проливали слезы.

После песней какой-то скиф, юродивый (шут — дурак), вы ступил вперед, говорил речи странные, вздорные, не имеющие смысла, и рассмешил всех.

За ним предстал собранию горбун Зеркон Маврусий. Видом своим, одеждой, голосом и смешно произносимыми словами, ибо он смешивал языки латинский с готским и гуннским, он развеселил присутствующих и во всех них, кроме Аттилы, возбудил неугасимый смех. Один Аттила оставался неизменным и непреклонным и не обнаруживал никакого расположения к смеху. Он только потягивал за щеку младшего из своих сыновей, вошедшего и ставшего подле него, и глядел на него веселыми, нежными глазами”.

На другой день послы стали просить об отпуске. Онигисий сказал им, что и Аттила хочет их отпустить. Потом он держал совет с другими сановниками и сочинял письма, которые надлежало отправить в Византию. “Между тем,— продолжает Приск,— Крека, супруга Аттилы, пригласила нас к обеду у Адамия, управляющего ее делами. Мы пришли к нему вместе с некоторыми знатными скифами, удостоены были благосклонного и приветливого приема и угощены вином. Каждый из предстоящих, по скифской учтивости, привставал, подавал нам полную чашу, потом обнимал и целовал выпившего и принимал от него чашу. После обеда мы пошли в свой шатер и легли спать. На другой день Аттила опять пригласил нас на пир. Мы пришли к нему и пировали по-прежнему. Во время пиршества Аттила обращал к нам ласковые слова. Мы вышли из пиршества ночью”.

Во время этих пиров, рассказывает Приск, наравне с вином подавали мед и особый напиток — кам.

По прошествии трех дней послы были отпущены с приличными дарами и на возвратном пути встретились с Вигилой, участником заговора на жизнь Аттилы, который вез теперь золото, назначенное для подкупа Эдикона. Но Аттила, раньше предупрежденный об этом заговоре, по прибытии Вигилы заставил его рассказать, как было дело, отобрал у него все золото и велел привезти его еще для выкупа самого Вигилы. Затем Аттила послал в Византию своего посла Ислу и преданного ему римлянина Ореста, которого он всегда употреблял при переговорах, домочадца и писца. Оресту приказано было навесить себе на шею мошну, в которой Вигила привез золото для передачи Эдикону; в таком виде предстать перед царем, показать мошну ему и евноху Хрисафию, первому заводчику заговора, и спросить их: узнают ли они мошну? Послу Пеле велено было сказать царю изустно: “Ты, Феодосии, рожден от благородного родителя, и я сам, Аттила, хорошего происхождения и, наследовав отцу моему, сохранил благородство во всей чистоте. А ты, Феодосии, напротив того, лишившись благородства, поработился Аттиле тем, что обязался платить ему дань. И так ты нехорошо делаешь, что тайными кознями, подобно дурному рабу, посягаешь на того, кто лучше тебя, кого судьба сделала твоим господином”.

Таков был Аттила, повелитель грозных гуннов.

Из описания Приском обычаев при его дворе мы видим, что они были чисто славянские и притом, именно, совершенно такие, какие в течение долгих столетий мы будем видеть при дворах наших московских царей.

Кроме борьбы с императором восточной империи, Атила вступил в продолжительную вражду и с императором западной Римской империи — Валентинианом Третьим. Первоначальной причиной этой вражды была сестра Валентиниана — Гонория, которая отличалась бешеным нравом, почему ее мать поступала с ней необыкновенно строго и требовала, чтобы она оставалась безбрачной. Гонория, чтобы освободиться от тяжкого ига, послала Атиле кольцо с предложением своей руки. Атила предложение это принял и потребовал от ее брата не только согласия на брак, но и часть Римской империи в приданое за сестрой. Валентиниан отказал, Атила же упорно стоял на своем, и разногласие это привело в конце концов к кровопролитной войне.

Поход Атилы в этой войне был подобен переселению народов. Все германские и славянские племена были принуждены принимать в ней участие. Так он дошел до самого сердца Франции, и здесь, на Каталаунском поле, произошла страшная битва народов, после которой обе стороны разошлись, каждая приписывая себе победу.

Это было в 451 году, а через два года погиб с древней печати Атила. Он умер на своей свадьбе, будто бы выпив много вина. Ввиду его замечательной всегдашней трезвости вернее всего, что его отравили.

Владычество после Атилы над всеми подвластными ему народами перешло к его сыновьям. Между ними тотчас же возникли распри, и грозная гуннская держава быстро распалась; подвластные германские племена стали независимыми; часть славянских племен, под главенством младшего сына Атилы, села на Дунае и образовала болгарский народ, а восточно-славянские племена ушли к себе за Днестр и Днепр — в Русскую землю и распространились до Кавказских гор. Распри между наследниками шли непрерывно; этим, конечно, не замедлили воспользоваться соседи, особенно греки. Сыновья Атилы посылали в Царьград посольства, прося установить между греками и гуннами старинные торги, но получали, несмотря на всю выгодность этой просьбы для греков, от казы, конечно, только для того, чтобы показать детям грозного Атилы, что в Византии на их просьбы уже не обращают большого внимания.

Неприянные действия между славянами и греками усилились, особенно при греческом императоре Юстиниане Первом, (славянине по происхождению), царствовавшем с 527 до 562 года.

Во время его правления, в 558 году, несметная сила разных славянских племен перешла Дунай; часть из них направилась по Греции, а другая прямо к Царьграду, и опасность для города была так велика, что для защиты его было поставлено не только все войско, но и мещане и окрестные крестьяне. Только хитростью удалось старому византийскому вождю Велизарии обойти

предводителя славян *Завергана*, который получил за выкуп пленных огромную сумму денег и отошел к Дунаю.

После этого случая, чуть не окончившегося захватом Константинополя, Юстиниан принял все меры, чтобы подобного нашествия не повторялось. Для этого он решил жестоко рассорить между собой славян, а затем навести на ослабленных противников еще нового врага.

Все это вполне удалось Юстиниану.

Посылкой богатых даров и искусным натравливанием одного вождя на другого он надолго рассорил славянские племена, обитавшие в наших южных степях; они вступили между собой в ряд больших кровопролитных столкновений; а когда они были совершенно обессилены, то на них с востока, из далекой Азии, было призвано греками родственное нынешним туркам племя, *обры*, или *авары*. Авары перешли Волгу и Дон и после жестокой борьбы подчинили себе совершенно ослабленные междоусобной распрей южно-русские племена.

Славяне оказывали аварам всюду самое бесстрашное сопротивление; но вследствие своей разрозненности, разумеется, не могли одержать верх над соединенными силами врага и в конце концов были поработаны, вызвав своим упорством сильнейшее раздражение в победителях. Особенно угнетали авары племя дулебов, или бужан, живших по реке Бугу, творя большое насилие над их женами. “Когда случалось обрину куда-либо ехать,— говорит наш летописец,— он не запрягал в телегу лошадей или волов, а впрягал наших женщин тройкою, четверкою или пятериком; так и ездил, куда было надо”.

Однако власть аваров распространилась далеко не над всеми славянами. Чтобы избегнуть аварского ига, немало удалых дружин перешло на Дунай в Болгарию, Сербию и Хорватию. Когда аварский повелитель, который назывался хаганом, послал к хорватам, населявшим Карпатские горы, требование покорности и дани, то князь их, Добрита, так ответил аварским посланцам: “Еще не родился на свет и не ходит под солнцем тот человек, который бы мог одолеть нашу силу. Наше дело завоевывать чужие земли, а своей не отдадим в неволю никому, пока есть на свете меч и сила”. Несмотря на то, что после таких гордых слов хорватов они даже убили аварских послов, повелитель последних в ту пору так и оставил храбрецов в покое.

Утвердившись, по приглашению греков, на побережье Черного моря, авары начали скоро воевать и с самими греками. В 628 году они вместе с персами и с помощью славян из России осаждали даже самый Царьград, причем одна часть славянского войска действовала с сухого пути, а другая на многочисленных лодках-однодревках должна была по данному знаку напасть на столицу с моря. Но греки, вовремя узнав об этом замысле, предупредили врагов и, выведя свои суда, разгромили все славянские однодревки, причем между убитыми и потонувшими воинами были найдены и женские трупы.

Много помогла грекам и поднявшаяся в это время буря. Кое-как спасшиеся остатки славян спустились к берегу и собрались в стане хагана, который в негодовании за неудачу велел всех их казнить. Когда сухопутные славянские дружины, узнав об этом зверстве, оставили хаганово войско и пошли по домам, то хаган принужден был тоже отойти прочь от города.

Неожиданная буря, помогавшая грекам разметать славянские однодревки, а затем неразумный гнев хагана, вследствие чего он лишился своих подручников и должен был отступить, были почтены обитателями Царьграда как святое и чудное дело заступничества Божьей Матери, так как славянские однодревки были уничтожены в виду Царьградского храма Влахернской Богородицы. С тех пор в память этого заступничества от неминуемой гибели и установлена особая служба Божьей Матери — *Акафист*, что означает по-гречески — *несдален*, так как она совершается церковным пением во всю ночь стоя; с тех же пор во время всенощной всегда поется песнь: “Взбранной воеводе, победительная”, причем “злыми” в этой песне именно подразумевались наши предки славяне.

Этот аварский поход на греков был последним. С тех пор самое имя аваров мало-помалу совсем исчезает и заменяется именем *хазаров*. Произошло это следующим образом: в воинственную среду аваров весьма быстро проникли в значительном количестве иудеи, которые были самым деловым и промышленным инородческим племенем из живших в устьях Волги и по Черноморскому побережью. В то время как чисто военный народ, авары, добывал себе силу и славу, покоряя и разоряя разрозненных усобицами славян, иудеи быстро добывали себе другую силу, захватывая в свои руки богатейшую торговлю, бывшую до времени аварского нашествия, конечно, в руках наших предков, так как предки наши были всегда не только отважными воинами, но и славными купцами.

Захватив все торговые дела в крае, иудеи, вследствие своей сметливости, быстро захватили совершенно мирным путем и всю власть в аварских владениях в свои цепкие руки, а затем скоро и эти аварские владения стали известны уже под именем государства Хазарского, где первенствующим сословием были иудеи.

Столица хазар была сперва на Каспии, который тоже стал прозываться Хазарским морем, у нынешнего селения Тарки, а затем она была перенесена, когда арабы потеснили их с Кавказа, на устье Волги в город Итиль, несколько ниже нынешней Астрахани.

Во главе Хазарского государства стоял неограниченный повелитель — каган, или хаган, иудей по происхождению и вере. Он жил особо со своим двором и военной свитой и очень редко показывался перед народом. Могущество хагана было таково, что если он кому из знатных приказывал: “поди умри”, тот неизменно исполнял его волю и убивал себя. Ниже хагана стоял царь — наместник Хазарский, тоже иудей. Хотя царь этот и ведал всеми делами, но к хагану обязан был входить босыми ногами, держа в руках лучину какого-то дерева, которую тут же зажигал. Хазары распространили

свое владычество на всю нынешнюю Южную и Среднюю Россию, и все земледельческое славянское население принуждено было платить им дань.

Греки же держали с хазарами постоянно самую тесную дружбу, и даже греческие цари вступали с их хаганами в родство, решаясь отдавать им в замужество дочерей или сами женясь на хазарках, лишь бы связями и дружбой с этим народом обуздать, а то и вовсе истребить всегда опасные для них дружины славян на низовьях Днепра и Дона. Для этого были призваны авары; для этого же не гнушались гордые греческие императоры родниться с хазарскими хаканами.

Таким образом, по всему русскому побережью Черного моря наступила большая тишина, которая была достигнута успешным, но коварным поведением правителей Византии, всегда натравлявших одних своих врагов на других, а теперь нашедших себе в торговых хазарах самых лучших друзей и охранителей своего спокойствия.

Но, конечно, такому блестящему успеху тайных стремлений греческих императоров больше всяких аваров и хазар способствовало пагубное свойство самих славян — страсть к раздорам между собой, на которую указывал еще Геродот и многие писатели после него.

Понадобилось целых двести лет, чтобы в половине девятого столетия наши предки вошли опять в прежнюю силу и по-прежнему стали славиться на Черном море не только торговлей, но и войной.

Что же происходило за эти двести лет в Русской земле? Об этом дают нам некоторые сведения *арабские* писатели и первый русский летописец.

Арабы были полукочевниками, происходившими от колена Сима. Они жили отдельными племенами и заселяли с незапамятных времен Аравийский полуостров в Азии.

В 571 году среди арабов родился замечательный человек по имени *Магомет*. С ранней молодости он отличался большим отвращением к грубому идолопоклонству, которому были преданы его соотечественники. Путешествуя однажды по торговым делам в Сирии, Магомет познакомился с одним христианским монахом Георгием, который стал наставлять его в Евангельском учении. Магомет христианства не принял, но в душу его глубоко запало учение о едином всемогущем Боге христиан, и он получил еще большее отвращение к идолопоклонству. Женившись затем на богатой вдове, у которой он был приказчиком, Магомет долгое время занимался торговлей и приобрел уважение соплеменников своей честностью и правдивостью. При этом он не переставал предаваться благочестивым размышлениям и наконец решил сам создать новую религию, поставив во главе ее Единого Бога и объявив себя его пророком.

Вначале проповедь Магомета не имела никакого успеха, и он был даже осмеян, но мало-помалу около него стали собираться все арабы, не сочувствовавшие идолопоклонству, тем более что Магомет проповедовал строгую честность, благородство, храбрость, разрешал многоженство и

обещал всем павшим в боях с врагами, воинам вечное блаженство на том свете в особом раю с красивейшими девушками.

Так как арабы отличались наибольшим благородством из всех потомков Сима, а также и большой воинственностью, то учение Магомета стало все более приходиться им по душе, и он начал объединять вокруг себя многие племена Аравии, жившие до сих пор -разрозненно, а затем, при их посредстве, распространял силой меча свое учение и дальше. Быстро одержав несколько больших побед, Магомет к концу своей жизни сделался грозным завоевателем и властелином почти всей Аравии; его гробница в городе Медине и благоговейно чтится всеми магометанами до настоящего времени и привлекает ежегодно огромные толпы паломников, так же как и древний храм Каабы в \* Мекке.

Преемники Магомета, которые назывались калифами, соединяли в своем лице верховную власть, • как духовную, так и военную; при первых калифах объединение племен, покоряемых арабами и принимавших магометанство, шло очень быстро, и скоро арабские войска завоевывают бывшее Персидское царство, где устраивают в древнем Вавилоне новую великолепную столицу — *Багдад*; затем они распространяют свои владения, всюду проповедуя магометанство, и гораздо дальше. Идя на запад, арабы покоряют Египет, весь северный берег Африки, наконец переправляются в Европу и завладевают на несколько столетий Испанией.

На востоке они овладели всем Закавказским краем и берегом Каспийского моря. Здесь, на Кавказе, они столкнулись с хазарами и потеснили их, почему хазары, как уже было сказано раньше, и перенесли свою столицу из Тархи в Итиль, в устье Волги.

Арабы, помимо того что были храбрыми воинами, были также и отличными купцами. Они быстро завязали торговые связи с хазарами и жили всегда в большом количестве в их столице Итиле, а затем, с торговыми же целями, поднимались высоко по Волге и доходили в половине девятого столетия до далекой Камской Болгарии, где жило племя камских болгар турко-финского происхождения, совершенно отличное от дунайских болгар. Арабы распространили магометанство среди камских болгар и, приезжая к ним за пушными товарами, имели частые встречи и с русскими купцами. До сих пор при раскопках в различных местностях Русской земли попадаются довольно часто арабские деньги — диргемы; кроме того, до нашего времени сохранилось в русском языке много, по-видимому, чисто арабских слов: град, дьяк, сын, тур, поток и другие.

Из описаний некоторых арабских писателей о торговых их встречах с русскими мы можем иметь сведения, как жили наши предки в те горестные времена, когда большая часть России была под игом хазар и платила им дань.

Оказывается, что несмотря на это тяжкое унижение, предки наши пользовались и тогда большим почетом у арабов.

“Русь, — говорит один арабский писатель,— имеет большое число городов и живет в довольстве на просторе. Любят опрятность в одежде; даже мужчины носят золотые запястья на руках. Об одежде своей заботятся, так как занимаются торговлей, и носят большие шаровары, собирая их в сборки у колен. Некоторые из руссов бреют бороду, а другие свивают ее наподобие лошадиной гривы и окрашивают в желтый или черный цвет. Гостям руссы оказывают почет и обращаются хорошо с чужестранцами, которые ищут у них покровительства, да и со всеми, кто часто бывает у них; не позволяют никому из своих обижать или притеснять таких людей. В случае же, если кто из них обидит или притеснит чужеземца, то помогают последнему и защищают его.

Когда у кого из руссов родится сын, то отец новорожденного кладет перед дитятею обнаженный меч и говорит: „Не оставлю в наследство никакого имущества. Будешь иметь только то, что приобретешь себе этим мечом”.

Когда кто из них имеет дело против другого, то зовет его на суд к старшине, перед которым и препираются; когда старшина произнесет приговор, то исполняется то, что он велит; если же обе стороны приговором старшины недовольны, то, по его приказанию, они решают дело оружием; чей меч острее, тот и одерживает верх.

На борьбу эту приходят и становятся родственники обеих тяжущихся сторон. Тогда соперники вступают в бой, и победитель может требовать от побежденного, чего хочет.

Когда который-либо из родных просит о помощи, то выступают в поле все и разделяются на отдельные отряды, а бьются с врагом сомкнутым строем, пока не победят его

Руссы мужественны и храбры. Когда нападут на другой народ, то не отстанут, пока не уничтожат его всего. Ростом они высоки, красивы и смелы в нападениях”.

При этом арабский писатель Ахмед-Зль-Катиб, живший в Испании, рассказывает про огромный поход, совершенный в 844 году на легких судах “неверными, называемыми руссами” в далекую Севилью, которую они завоевали.

По рассказам арабов, руссы очень любили своих жен и старались всеми силами доставлять им всевозможные дорогие украшения. Особенно ценились ожерелья из зеленых бус, покупавшихся за дорогую цену у арабов, а также золотые и серебряные шейные цепочки. Чем богаче был муж, тем большее число таких цепочек носила его жена на шее.

Взамен этого и жены платили мужьям большой верностью и, по примеру древних скифских женщин, часто принимали смерть вместе с ними.

Погребальные обряды руссов состояли в то время в погребениях под курганами, как и во времена скифов, а также и в сожжении. В обоих случаях, однако, отправлялось на тот свет вместе с покойниками уже значительно меньше народа, чем при Геродоте. Обыкновенно убивались только жены или

кто-либо из близких слуг, и при этом непременно по их доброму желанию, а затем лошади и скот.

“Женщины их,— говорит про руссов арабский купец тех времен по имени Масуди,— желают своего сожжения для того, чтобы вместе со своими мужьями попасть в рай”.

Эту же преданность славянских женщин к мужьям подтверждает в своих записках и греческий император Маврикий, который говорит, что славяне “соблюдают целомудрие, и жены их чрезвычайно привязаны к мужьям, так что многие из них, лишаясь мужей, ищут утешения в смерти и сами себя убивают, не желая влачить вдовьей жизни”. Если у руссов в те времена кто-либо умирал холостым то его обыкновенно женили после смерти, причем новобрачная предавалась огню вместе с телом покойника.

Вот как описывает арабский писатель Ибн-Фалдан русских людей и обряды венчания и сожжения покойников после смерти:

“Они, руссы, приходят из своей страны и бросают якорь на Волге. На берегу у якорного места строят большие деревянные дома и живут в них человек по 10, по 20, или больше, или меньше. У каждого из них скамья, *лавка*, на которой он сидит вместе с привезенными для продажи красивыми девушками. Во время прибытия судов к якорному месту каждый из них выходит, неся хлеб, мясо, молоко, лук и пьяный напиток, и идут к своим кумирам. Это были деревянные болваны, один в середине — высокий, с изображением лица, похожего на человеческое; другие — малые, стояли вокруг главного. Русс подходит к большому изображению, простирается перед ним, кладет принесенное и говорит: „О, господине! Я пришел издалека, со мной девушек — столько-то и столько-то голов, соболей столько-то и столько-то шкур”, пока не поименует всего, что он привез из своего товара. Затем продолжает: „Этот подарок принес я тебе, желаю, чтобы ты послал мне купца с динарами (греческими золотыми) и диргемами, который купил бы у меня все, что желаю продать, и не торговался бы, не прекословил бы ни в чем”. После этого русс уходил”.

“Мне сказывали,— говорит этот арабский писатель,— что руссы со своими начальными людьми делают по их смерти такие вещи, из которых малейшая есть сожжение. Я очень желал присутствовать при этом, и вот я узнал, что один знатный человек у них умер. Они положили его в могилу в том платье, в котором он умер, поставили с ним пьяный напиток, положили плоды и балалайку. Могилу накрыли крышкой, засыпали землей, и она так оставалась в течение десяти дней, пока кроили и шили одежду покойнику. Это делается так: бедному человеку делают у них небольшое судно, ладью, кладут его туда и сжигают его. У богатого же они собирают его имущество и разделяют его на три части: одну дают семье, на другую изготовляют платье, а на третью долю покупают пьяный напиток, который пьют в тот день, когда его девушка убивает себя и сжигается со своим господином. Они очень преданы вину, пьют днем и ночью, так что иной от пьянства и умирает с кружкой в руке.

Когда у них умирает начальник человек, то его семья говорит девушкам и мальчикам (вообще подчиненным им слугам, по древнерусскому названию — отроки): „Кто из вас умрет с ним?" Кто-нибудь скажет: „Я".

По большей части соглашаются на смерть девушки. Так точно произошло и в настоящем случае. Когда умер вышеупомянутый человек, то сказали его девушкам: „Кто умрет с ним?" И одна из них ответила: „Я". Поэтому назначили двух девушек, которые бы стерегли, охраняли ее, прислуживали ей и были бы всегда с ней, куда она ни пойдет. Иногда они даже моют ей ноги своими руками. Затем взялись кроить одежду для покойника и готовить все нужное. Между тем девушка пила каждый день и пела, веселясь и радуясь. Когда наступил день, назначенный для сожжения, я пошел к реке, где стояло судно (лодка) для умершего.

И вот оно было уже вытащено на берег, сделали для него четыре деревянные подпоры, а вокруг поставили деревянные изображения, подобные великанам (кумиры). Лодку притащили и поставили на столбы — подпоры. Люди начали ходить взад и вперед и говорили слова, мне непонятные. Затем принесли скамью (ложе) и поставили ее в лодке. После этого пришла старая женщина, которую называют ангелом смерти. Она покрыла скамью коврами, а по ним греческою золотою тканью и положила подушки из такой же ткани. Она управляет шитьем и его приготовлением. Она же принимает (убивает) девушку. Я видел ее, она смуглая, толстая, лоснящаяся, с лютым видом.

Когда постель была изготовлена, руссы пошли за покойником к его могиле, сами раскрыли крышу, вынули мертвеца, как он был, со всеми предметами, которые с ним были положены. Я видел его почерневшим от холода этой страны, а в прочем он ни в чем не изменился.

Ему надели шаровары, носки или чулки, сапоги, куртку, или кафтан из толстой ткани с золотыми пуговицами; надели ему на голову шапку из золотой ткани с соболевой опушкой; понесли его в палатку, которая была устроена в упомянутой лодке, посадили на постель и обложили его подушками.

Затем принесли пьяный напиток, плоды, благовонные растения и положили к нему; принесли также хлеб, мясо, лук и положили перед ним; принесли собаку, рассекли ее на две части и положили в лодку. Принесли все оружие покойного и положили сбоку его. После того привели двух лошадей, гоняли их, пока не вспотели, затем разрубили их мечами и мясо покидали в лодку. Принесли петуха и курицу, зарезали их и поклали туда же.

А девушка, которая должна была умереть, ходила повсюду, заходила в каждую палатку руссов, прощалась с ними.

В пятницу, между полуднем и закатом солнца, руссы повели девушку к чему-то, сделанному наподобие навеса или выступа у дверей. Она стала на ладони мужчин и, поднятая ими, посмотрела на этот навес, сказала что-то на своем языке и была опущена. Она сказала: „Вот вижу отца моего и мать

мою". Затем ее подняли во второй раз. Она сделала то же самое и сказала: „Вот вижу всех родителей, умерших родственников, сидят". Подняли ее в третий раз, и она сказала: „Вот вижу моего господина; сидит в саду, в раю, а рай прекрасен, зелен; с ним сидит его дружина и отроки. Он зовет меня. Ведите меня к нему". Ее повели к лодке. Она сняла свои запястья с рук и подала их ангелу смерти — старой женщине. Она сняла обручи — кольца со своих ног и отдала двум девушкам, которые ей прислуживали; они прозываются дочерьми этой старухи, т. е. дочерьми ангела смерти. Потом ее подняли на лодку, но не ввели в палатку, где лежал мертвец. Пришли мужчины со щитами и палками и подали ей кружку с пьяным напитком. Она взяла ее, пела над ней песню и выпила ее. Это она прощалась со своими подругами. После того ей подали другую кружку. Она взяла и запела длинную песню. Старуха торопила ее выпивать кружку скорее и идти в палатку, где ее господин. Я видел ее в нерешимости, она изменилась. Неизвестно, желала ли она войти в палатку. Она просунула туда голову. Старуха взяла ее за голову, ввела ее в палатку и сама вошла за ней. Мужчины начали стучать по щитам палицами, для того, вероятно, чтобы не слышно было ее криков, чтобы это не устрасило других девушек, готовых также умереть со своими господами.

В палатку вошло шесть человек и простерли девушку рядом с ее господином; двое схватили ее за ноги и двое за руки, а старуха, ангел смерти, обвила ей вокруг шеи веревку, за конец которой взялись остальные двое мужчин. Старуха-ведьма, ангел смерти, по дошла с большим ширококлинным ножом и начала вонзать его между ребер жертвы, а двое мужчин тянули за концы веревку и душили девушку, пока не умерла.

После того под лодку подложили дров, и ближайший родственник покойного, взяв кусок дерева, зажег его и, держа в руке, пошел к лодке задом. Он первый зажег костер; за ним стали подходить остальные люди с лучинами и дровами; каждый бросал в костер зажженную лучину и дрова. Вскоре огонь охватил дрова, затем лодку, потом палатку с мертвыми и со всем, в ней находящимся. При этом подул сильный грозный ветер, пламя усилилось и все больше и больше распространяло свое могущество. Подле меня стоял человек из руссов, и я слышал, как он разговаривал с толмачом (переводчиком). Я спросил толмача, о чем он вел с ним речь. Он ответил, что русс сказал ему: „Вы, арабы, народ глупый. Вы берете любимого и почтеннейшего для вас человека и бросаете его в землю, где его поедают гады и черви. Мы в одно мгновение сжигаем его в огне, и он в тот же час входит в рай". Затем этот человек засмеялся и проговорил: „Бог любит покойника: послал сильный ветер, и огонь унес его в одночасье; и действительно, не прошло и часа, как лодка, дрова и оба мертвеца превратились в пепел”.

Так рассказывали арабы, посещавшие нашу родину для торговых целей, про нравы и обычаи руссов в половине девятого столетия.

Из приведенных рассказов мы видим, что нравы наших предков были в это время уже несколько мягче, чем во времена скифов, но, тем не менее, они оставались такими же язычниками, как и прежде, и поклонялись идолам.

Главным идолом, изображавшим древнего арийского всемогущего бога, считался *Перун*— бог молнии. Потом очень почитался *Белег*, или *Волос* — бог скота и домашнего богатства; за ним шли: *Ладо* — бог веселья, любви и согласия, *Ярило* — бог плодородия,

*Купало* — бог земных плодов, и некоторые другие. Кроме этих главных, или, так сказать, общих богов, народ верил также в местных или домашних богов: в домовых, водяных, леших, обитавших в лесах, в речных русалок, в ночных кикимор и в прочую нечисть.

Храмов у наших языческих предков не было; места же, где стояли идолы больших богов, назывались *капищами*, это были площадки, где идолы помещались на каменных плитах и колодах. Тут совершались и жертвоприношения; жертвовались обыкновенно плоды, овощи и скот. Человеческие жертвы в те времена приносились уже редко. Особого сословия священнослужителей или жрецов не было, так как жертву приносил каждый сам за себя или за свою семью и род, но в народе было довольно много *волхвов* или *кудесников*, к которым любили обращаться за советами и предсказаниями.

Кроме рассказов арабов о состоянии Русской земли в половине девятого века, у нас имеются сказания о тех же временах и нашего первого летописца. Свою летопись он начинает повествованием о расселении народов, происшедших от колена Иафета. Из этого повествования видно, что в половине девятого столетия Русскую землю заселяли следующие славянские племена: по Днепру у Киева и ниже до хазарских владений — сидели *поляне*; выше их, по Днепру же, там, где широкая русская равнина, идущая от Черного моря,— поле, сменяется русским же могучим лесом, сидели *древляне*, так прозывавшиеся, ибо жили в лесу среди деревьев; севернее древлян по реке Припяти жило племя *дреговичей*; восточнее дреговичей по реке Соже—*радимичи*; еще восточнее, по рекам Сейму и Десне — *северяне*. По реке Полоте, притоку Западной Двины, и по верхнему и среднему течению последней реки сидели *полочане*.

В Болконском лесу, на возвышенной местности, откуда берут начало почти все великие русские реки, было расселено племя *кривичей*, так называвшееся по причине большой кривизны рек, на которых они жили.

Восточнее кривичей, по реке Оке, сидели *вятичи*, а севернее кривичей, вокруг озера Ильменя, в нынешней Новгородской стороне,— *славяне ильменские*.

Наконец, на Западном Буге сидели *бужане*, или *волынские*; между Южным Бугом и Днестром — *тиверцы*, а у устья самого Днестра—*уличи*.

Вот названия славянских племен, населявших Русскую землю в девятом столетии по Рождеству Христову.

Все эти племена, подобно своим древним предкам ариям, жили родовым бытом и сохраняли все обычаи этого быта: отдельный человек подчинялся порядкам своего рода, а целый род покровительствовал каждому своему родичу, причем за обиду его полагалась кровавая месть целым же родом.

Безродный же человек назывался сиротой и имел самое убогое место среди людей, между которыми жил.

Большинство славян, как люди, занимавшиеся сельским промыслом, жило селениями; несколько селений одного рода или племени составляли *обволость*, или *волость*; в такой волости власть принадлежала старейшинам — князьям. Эти старейшины жили зачастую в городках или городах. Там же, вокруг них, жили ратные люди, составлявшие княжескую дружину, промышленники, ремесленники и купцы. В некоторых городах, главным образом торговых, где собиралось много разного люда со всех сторон, вместе с князьями дела решало *вече*, то есть собрание выборных людей от города. Городки рубились также и тогда, когда предки наши продвигались в местности, заселенные туземным коренным населением, по большей части финскими племенами, обитавшими на севере и востоке Русской земли. В этом случае городки представляли крепости, в которых порой отсиживались и выдерживались осады до прихода подмоги.

Из городов девятого века более значительные были следующие: *Ладога* на озере Нево, *Изборск* на Великом озере; вскоре около него возник и *Псков*; затем *Новгород* на озере Ильмень; *Смоленск* на верхнем Днепре; *Полоцк* на реке Полоте; *Чернигов* на Десне — притоке Днепра, а на самом Днепре *Любеч*, и затем *Киев* — в том месте, где когда-то святой апостол Андрей Первозванный водрузил крест.

Наконец, славяне имели свои города и среди финских племен на востоке: *Белоозеро* среди Веси, *Ростов* у Мери и *Муром* среди Муромы, Мещеры и Мордвы.

Вот главнейшие древние города Русской земли.

Вообще в Русской земле городов было тогда много, почему шведы и прозвали ее “Гардарик”, или страна городов.

Про сооружение Киева существует два предания: по одному — его построили три брата — Кий, Хорив и Щек, жившие со своей сестрой Лыбедью на соседних к Киеву горах, а другое предание гласило, что когда-то, в отдаленное время, здесь был перевоз через реку Днепр, и перевозчиком был некто Кий, почему и говорили — едем к Киеву перевозу; отсюда и пошло название Киев.

Наибольшими городами были, конечно, те, где могла бойко идти торговля.

В этом отношении первое место принадлежало Киеву, а затем и Новгороду.

Через эти города проходил *Великий водный путь из варяг в греки*, по которому шла главнейшая торговля между племенами, жившими по

Балтийскому морю, то есть варягами, с далеким Царь-градом. Путь из варяг в греки шел от Балтийского моря через реку Неву в озеро Ладожское, или Нево, по реке Волхову на озеро Ильмень, а оттуда вверх по реке Ловати до ее верховьев в Волковском лесу; здесь суда перетаскивались по сухому пути *волоком* в верховья Днепра и спускались по нему в Черное море.

По пути этому шло множество различных товаров: от варягов шло сукно, холст, полотно, медные и железные изделия, олово, свинец и драгоценный янтарь; кроме того, шла в большом количестве соленая сельдь; Русская земля торговала, как и в Геро-дотовы времена, хлебом, дорогими мехами, медом, лесом, салом, скотом, лошадьми и рабами; из Царьграда шли главным образом *паволоки*, каковым именем назывались греческие шелковые гкани с золотым или без него; паволоки были в большом ходу как в Русской земле, так и у варягов, и всякий человек с достатком непременно шил себе одежду из паволок; затем греки торговали золотом и серебром в различных вещах женского и мужского убора, каковыми были: серьги, запястья, обручи, перстни, запонки, кольца и пуговицы; наконец, из Царьграда же шли тканые и кованные кружева для отделки платья, разного рода южные плоды и вина.

На этот путь из варяг в греки прибывали и товары из далекой Пермской страны — самоцветные камни и редчайшие меха, а также товары от Капсия, ковры из Вавилона, индийские ткани с причудливейшими узорами, бусы, бисер, пряности и благовония из Аравии.

Деньги в это время на Руси были кожаные: “куны” (мордочки куниц), “резаны” (отрезки) и “ногаты” — лапки и ушки белок с серебряными гвоздиками (с тех пор и идет название “полушка”, то есть пол-ушка белки). Эти кожаные деньги ходили не только на Руси, но в Италии, Франции и на Востоке. Кроме кожаных денег, для крупных оборотов употреблялось необделанное серебро и серебряные шейные гривны, которые весили по фунту каждая.

Наконец, деньгами в то время на Руси служили и монеты различных государств, с которыми мы вели торговлю; больше же всего было в ходу монет греческих и арабских.

Торговлю на пути из варяг в греки начинали весной по вскрытии рек и оканчивали к осени — до замерзания. Множество купцов и разного люда, причастного к торговле, жило по всему пути; главным же их средоточием был Новгород и особенно Киев. И в самом деле, на всем Днепре не было места привольнее и приятнее Киева, особенно для первоначальных действий торга и промысла. Оно доставляло все способы защиты и засады при нападениях врага, давало всякие средства вовремя уйти от опасности и в то же время открывало всякие пути для обеспечения себя продовольствием. Здесь окончательно собирались караваны судов для отправки в Царь-град; здесь делались наряды на товары и заключались разного рода торговые сделки; здесь же набиралась для этих караванов судов охрана из вооруженных людей, чтобы пройти по далеко не безопасным от хищных жителей южным степям; наконец, здесь же нанимались и опытные кормчие, чтобы провести суда через

опасные пороги на южном Днепре. Поэтому в Киеве, наряду со своим славянским населением, всегда жило много разного люда: греки, варяги, поляки и евреи; последние не только торговали, но как представители хазарского хагана были в описываемое время и чиновниками, собиравшими с коренных обитателей дань. Ввиду большого количества жителей, принадлежавших к различным народам, целые районы города Киева носили название по имени их обитателей; так, хазары жили в Козаре, поляки у Лядских ворот, а евреи у Жидовских.

Торговое дело считалось у наших предков весьма важным и большим делом. Купцы, или гости, как их тогда называли, были всегда, везде и всюду почтенными и желанными людьми. Они должны были не только отлично знать все условия жизни тех стран, с которыми торговали, но должны были также обладать немалой отвагой и воинским искусством, так как нередко им приходилось в своих торговых странствованиях выдерживать бои с разбойниками или дикими туземцами. Наибольшей известностью, как мореходы и славные торговцы, пользовались в те времена варяжские купцы, принадлежавшие преимущественно к славянским племенам, жившим по южному побережью Балтийского моря; они совершали отважные плавания по самым дальним странам и морям; однако не отставали от них и купцы из природных уроженцев Русской земли. Они тоже смело пускались на своих ладьях по рекам нашего севера и востока в отдаленные края и доходили до северного Урала и Югры, где происходила с тамошним населением любопытнейшая немая торговля: когда славянские купцы приезжали на их землю, то в назначенном месте раскладывали свои товары, положи на них заметки, и уходили; по их уходу приходили местные жители и раскладывали рядом со славянскими товарами свои, большей частью меха; затем купцы приходили опять, и кому мена кажется сходной, тот забирает разложенный товар, а свой оставляет; кому же цена не покажется подходящей, тот не берет туземного товара, пока не сойдутся в цене.

Насколько ценились у нас гости, показывает старинный обычай провожать их по своей земле, чтобы им не чинили каких-либо обид: при этом старейшины и князья не только снаряжали ратных людей для охраны гостей, но на большом пути из варяг в греки сами своими дружинами провожали купеческие караваны, когда они шли по Днепру и возвращались назад.

Это было постоянное занятие старейшин и князей в весеннее и летнее время, пока не закрывалось судоходство по рекам. Осенью же и зимой, как только становились реки, они отправлялись со своими дружинами в особые зимние походы, которые назывались *полюдье*, по подвластным себе областям. Здесь они собирали дань, творили суд, охотились, а также принимали участие и в той торговле, которая велась зимой.

Так жили наши предки в середине девятого века во время владычества над ними хазаров. Владычество это, как мы видели, было не особенно жестоко; обычаи и распорядки жизни у нас остались те же, что были всегда и встарь у славян. Подвластность же хазарам выражалась, главным образом, в

платеже дани. Но подвластность эта была, тем не менее, весьма унижительна. Ввиду зависимого положения наших предков в описываемое время от хазар, и другие народы обходились с нами пренебрежительно. В Царьграде гостей наших постоянно обижали, не впускали порой в самый город, иногда изгоняли, словом, чинили разные притеснения, зная, что некому было за них вступить. И на севере, в Ильменской стороне, многочисленные воинственные обитатели Варяжского моря также заживали сюда и накладывали порой дань на отдельно жившее здесь славянское племя.

Наименее могущественными были в эти времена сами наши владыки, хазары; они сильно побаивались своих могучих данников — русских славян, и для своей защиты, на случай их набегов, хазарский хаган выстроил в 834 году на Дону, в том месте, где Дон ближе всего подходил к Волге, каменную крепость *Саркел*, или *Белую Вежу*.

Когда же однажды поляне, жившие по Днепру, на требование хазар дани дали им от каждого дыма по мечу, и когда хазары принесли эту новую дань своим старшинам, то те крепко подумали и сказали своему князю: “Княже, дань недобрая... Ее доискались мы одной стороной оружия, — то есть саблями, — а у этих оружие остро с обеих сторон; это — меч. Будут они брать дань и на нас, и на других странах”.

И действительно, для этого нужно было только, чтобы могучие племена, отдельно сидевшие на Русской земле, собрались в одно единое несокрушимое целое.

Наконец это важнейшее событие в жизни нашего народа свершилось.

В 862 году ильменские славяне прогнали каких-то заморских пришельцев, наложивших на них три года тому назад дань. Затем они стали управляться сами, и сейчас же началась обычная славянская усобица, восстал род на род, “и начали они, — говорит лею-писец, — воевать сами между собой”.

На этот раз, однако, они вскоре осознали, что так жить дальше нельзя, и, не видя конца распрям, решили обратиться к стороннему племени, чтобы оно дало им князя, который владел бы ими и судил по праву.

И вот пошли ильменские славяне, кривичи и владевшие финским племенем чудь — к варягам, к племени русь, с которым имели постоянные сношения, и сказали. “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет; придите княжить и владеть нами”.

И отправились три брата со всем родом своим и племенем и сели, старший *Рюрик* — в Новгороде, другой *Синеус* — на Белоозере, а третий *Трувор* — в Изборске. Где именно проживало племя русь до призвания на нашу Родину — решить невозможно. Некоторые полагают, что в Швеции, другие — среди поселений Литвы, но более всего оснований предполагать, что предки наши призвали свое же славянское племя, жившее на побережье Варяжского моря, может быть, на острове Ругии или Руси, как племя хорошо знакомое, родное по духу, обычаям и языку.

Этим призванием князей и было положено начало Русскому государству.

## ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Начало Русского государства. Кирилл и Мефодий - просветители славян. Княжение Рюрика. Аскольд и Дир, их славный набег на Царьград. Княжение Олега. Игорь, святая Ольга.

ПОЛОВИНЕ девятого века, когда свершилось важнейшее событие в Русской земле и началась жизнь уже не отдельных племен, а Русского государства, в то же приблизительно время произошли и некоторые другие весьма важные события, имевшие впоследствии большое влияние на русскую жизнь. Важнейшим из этих событий было изобретение славянской грамоты, благодаря святым равноапостольным братьям — *Кириллу* и *Мефодию*, славянам по происхождению. Они родились от знатных и богатых родителей в греческом городе Солуне и с юных лет были близкими в семье византийских императоров, которые осыпали их своими милостями. Они хотели женить Кирилла на своей родственнице, а Мефодия назначить на высокую должность правителя обширного края, но святые братья добровольно отказались от всех почестей и земных благ, а приняли суровый монашеский чин и затем много потрудились и претерпели, проповедуя христианство придунайским и западным славянам. Во время этого служения святой Кирилл и изобрел *славянскую грамоту*, что имело величайшее значение для всех славянских народов, так как они получили возможность изучать Евангелие и установить богослужение на понятном для них языке; благодаря общему письму все славяне могли теснее чувствовать братскую связь, соединяющую их между собой, и, наконец, благодаря грамоте же славяне могли вести летописи событий своей жизни на родном языке, а также и постигать плоды книжного просвещения. Таковы были заслуги святых Кирилла и Мефодия. Православная церковь дала им наименование равноапостольных и празднует их память 6 апреля, причем русские люди и поныне высоко чтут этот день.

Во время жизни святых братьев произошло событие огромной важности: отделение католиков от бывшей до сих пор единой православной церкви.

Произошло это вследствие того, что епископы Римской церкви, приобретая постепенно огромную власть над своей паствой, в числе которой были обращенные в христианство народы Испании, Англии, Франции, Германии и Италии, и приобретая также значительные земельные владения в Римской области, возгордились и не пожелали в церковных делах подчиняться соборным постановлениям всех епископов, как это было правилом еще со времен апостольских. Римские епископы, называемые *папами*, мало-помалу

стали тяготиться этим и начали доказывать, что они должны быть старшими над всеми остальными епископами; при этом они ввели некоторые самовольные изменения не только в обрядах, но и в символе веры, в котором, вопреки постановлениям Вселенских Соборов, прибавили, что Дух Святой исходит не от одного Отца, но также и от Сына. Все это привело к большим несогласиям в Церкви, особенно когда защитником апостольских правил, свято хранимых православными, явился царьградский патриарх Фотий, высокообразованный и твердый в делах веры, как камень, человек, а его противником — гордый и властолюбивый римский папа Николай, который окончательно отделился от православия и образовал самостоятельную Римскую, или католическую, церковь, называемую также *латинской*, так как богослужение у католиков происходит всегда на латинском, или древнеримском, языке.

Отделение католиков от православных было делом весьма неблагоприятным для всех славян, так как при крещении часть из них принимала православие, а другая — католичество; конечно, это сильно мешало и мешает до сих пор их взаимному соединению и вызвало много кровопролитных войн.

Из остальных важных событий следует указать на образование к этому времени государств уже у многих славянских народов. Первым славянским государством было княжество *Болгарское*, образовавшееся около 650 года; оно подчинило себе соседние славянские племена — сербов и хорватов и скоро стало грозным и для греков. Столицей Болгарского княжества была Преслава, а крепостью Доростол. Угнетая постоянно хорватов, болгары вызвали среди них восстание, после чего, около 750 года, хорваты отделились и образовали независимое княжество.

Затем *чехи*, после долгой борьбы с аварами, которые было их покорили, образовали около 700 года независимое государство, с князем Кроком во главе. Преемницей его была славная дочь Крока — *Любуша*, основательница города Праги, которую народ прозвал за ум “вещью”. Она отличалась необыкновенной справедливостью, за что и доныне прославляется чехами в песне “Любушин суд”. В мужья себе она выбрала простого крестьянина *Премысла*, и от этого брака пошли первые чешские князья.

Кроме чехов, не на долгое время образовали самостоятельное княжество и *моравы*, но оно скоро было разрушено немцами, а затем и *венграми*, и племенем, пришедшим из Азии.

Затем, в 960 году, ляшские, или польские племена, также образовали государство — *Польшу*, выбрав своим королем *Земовита*, тоже сына простого крестьянина *Пяста*. При наследнике Земовита *Мечиславе* поляки крестились и приняли от немцев и папы католичество.

Несколько раньше образования Польши почти все народы, жившие в нынешней Франции, Италии и Германии, были соединены в огромную империю под рукой *Карла Великого*. Карл Великий, образовав свою державу, начал ожесточенную борьбу с храбрыми славянскими племенами, сидевшими

в западной части Балтийского побережья, которые, к сожалению, не соединились между собой для образования одного крепкого государства.

Хотя по смерти Карла Великого империя его и была разделена между тремя его сыновьями, но, тем не менее, начатое им дело — уничтожение западных славян, сидевших по южному берегу Балтийского моря, усердно продолжалось немцами.

Таким образом, мы видим, что к половине девятого века почти везде уже в Европе жили не разрозненные племена, а были образованы государства.

Через два года после призвания князей братья Рюрика — Синеус и Трувор умерли, и он стал единовластно править над новгородскими славянами, кривичами и над финскими племенами — весью, мерей и муромой, сажая во все города своих посадников из старших витязей прибывшей с ним русской дружины.

Два мужа из этой дружины, не получившие в управление городов, Аскольд и Дир, отпросились у Рюрика идти искать счастье в Царьград. Следуя по великому пути из варяг в греки, они дошли по Днепру до Киева.

Здесь, узнав, что Киев не имеет своего князя, а платит дань хазарам, и полюбив это бойкое и богатое место, Аскольд и Дир решили остаться; к ним присоединилось много варягов, и они стали владеть Киевом и всей Полянкой землей, причем освободили ее от платежа дани хазарам и успешно воевали со степными хищниками и некоторыми соседними племенами.

Через четыре года Аскольд и Дир настолько уже вошли в силу, что могли привести в исполнение заветное желание руссов — отомстить коварным и высокомерным грекам за все обиды и унижения, которые претерпевали от них наши предки во время хазарского ига. К этому еще представился и подходящий случай: греки убили в Царьграде нескольких русских провевальщиков зерна по ничтожному поводу.

И вот в 866 году Аскольд и Дир решили совершить смелый набег на Царьград, как хаживали на него в старину смельчаки с устьев Днепра и Дона. Они собрали двести ладей, то есть больших лодок с мачтами и парусами, посадили на каждую от сорока до шестидесяти человек, и настолько скрытно совершили свой переход по Днепру и Черному морю, что до самого их появления у Царьграда никто и не подозревал об этом набеге.

Патриарх Фотий был в это время в Константинополе и оставил подробное описание происшедшего.

По его словам, русский набег случился в один из прекрасных летних дней, под вечер, при совершенно тихом море. В этот прекрасный летний вечер царьградские горожане любовались красотами своего любимого моря не только из великолепных палат, но и из бедных хижин, со своих улиц и площадей, из бесчисленных садов и даже со стен самого города, которые опоясывали его со всех сторон по берегу моря.

Император Михаил отсутствовал со всем своим войском, так как двинулся против арабов, и спокойный и беспечный город вовсе не ожидал

ничего чрезвычайного, как вдруг в проливе из Черного моря обозначилось что-то невиданное, которое скоро обнаружило целую кучу русских ладей. Весь город обезумел от страха. Все в один голос с ужасом воскликнули: “Что это! Что это!” А руссы подплывали все ближе и ближе, навевая на всех своим видом что-то свирепое, дикое и убийственное; скоро они стали сходить на берег и угрожать городу, простерши свои мечи.

“Мрак объял все трепетные умы,— говорит Фотий,— слезы и рыдания распространились во всем городе; крайнее отчаяние объяло всех; со всех сторон разносилась одна весть, один крик: Варвары перелезли через стены! Город взят неприятелем! Неожиданность бедствия и нечаянность набега заставили всех воображать и слышать только это одно”

По свидетельству Фотия, руссы из-за загородных ворот напали на красивые предместья города и опустошили их огнем и мечом до самой крепости, или царьградского кремля, стоящего на выдающемся в море высоком холме. Они огнем и мечом опустошили и морские пристани, распределив их между собой для разгрома по жребию.

Это показывает, что руссы хорошо обдумали все подробности своего нападения; они внезапно пришли вечером, во время отсутствия царя с войском, чтобы поразить неожиданностью врага, а затем совершить нападение под покровом ночи, дабы скрыть свою малочисленность; при этом, чтобы не было никакого беспорядка, заранее определили жребием, кто в какой части города будет действовать. ”

После опустошения морских пристаней руссы быстро окружили городские стены и стали валить к ним земляную присыпь, намереваясь скорее перелезть в сам город. При этом “трусость дрожью пробежала по всему телу и обессилила даже и тех, которым предоставлено было распорядиться в опасное время”,— говорит Фотий.

Народ, лишенный всякой помощи и защиты, теперь помышлял только о молитве и наполнил все храмы. Повсюду всю ночь совершалась служба: с воздетыми руками воссылались усердные и слезные моления о помиловании. Общее несчастье заставило раскаяться в грехах, образумиться и приняться за добрые дела.

Не встречалось благодатнее часа, как этот, для проповеди и поучения к народу о грехах, о всеобщем покаянии, об исправлении своей жизни добрыми делами.

И святитель Фотий начал в соборе Святой Софии свою проповедь:

“Что это! Откуда поражение столь губительное! Откуда гнев столь тяжкий? Откуда упал на нас этот дальнесеверный страшный Перун! Откуда нахлынуло это варварское, мрачное и грозное море! Не за грехи ли наши все это ниспослано на нас! Не обличение ли это наших беззаконий и не общественный ли это памятник им. Не доказывает ли эта кара, что будет суд страшный и неумолимый... И как не терпеть нам страшных бед,— продолжал святитель,— вспомните, как греки несправедливо обижали в Царьграде

приезжих руссов, когда мы убийственно рассчитались с теми, которые должны были нам что-то малое, ничтожное... Мы получали прощение и не миловали ближнего... Сами обрадованные, всех огорчали; сами прославленные, всех бесчестили; сами сильные и всем довольные, всех обижали; безумствовали, утолстели, разжирели, расширились... Вы теперь плачете, и я с вами плачу. Но слезы ваши напрасны. Кого они могут умолить теперь, когда перед нашими глазами мечи врагов, обагренные кровью наших сограждан, и когда мы, видя это, вместо помощи им бездействуем, потому что не знаем, что делать, и только ударились все в слезы...

Часто внушал я вам: берегитесь, исправьтесь, обратитесь, не попускайте отточиться Божью мечу и натянуться его луку... Не лукавьте с честными людьми. Горько мне оттого, что я дожил до таких несчастий; оттого, что мы сделались поношением соседей наших... Оттого, что поход этих варваров схитрен был так, что и молва не успела предупредить нас, дабы мог кто подумать о безопасности. Мы услышали о них уже тогда, когда их увидели, хотя и отделяли нас от них столькие страны и народоначальства, судоходные реки и пристанищные моря. Горько мне оттого, что я вижу народ жестокий и борзый, смело окружающий наш город и расхищающий его предместья. Они разоряют и губят все: нивы, жилища, пажити, стада, женщин, детей, старцев, юношей, всех поражая мечом, никого не милюя, ничего не щадя. Погибель всеобщая! Как саранча на ниве... или страшнее, как жгучий зной, наводнение, или не знаю, что и сказать, этот народ явился в стране нашей и сгубил ее жителей.

О, город-царь! Какие беды столпились вокруг тебя! О, город-царь едва не всей вселенной! Какое воинство ругается над тобою, как над рабом! Необученное и набранное из рабов (хазарских)! О город, украшенный делами многих народов! Что за народ вздумал взять тебя в добычу? О город, воздвигший многие победные памятники после поражения ратей Европы, Азии и Ливии!.. А слабый и ничтожный неприятель смотрит на тебя сурово, пытается на тебе крепость своей руки и хочет нажить себе славное имя! О царица городов царствующих! О храм мой, Святилище Божие, Святая София, недреманное око вселенной! Рыдайте, девы... Плачьте, юноши... Горюйте, матери... Проливайте слезы и дети... Плачьте о том, что умножились наши несчастья, а нет избавителя, нет печальника”

Святитель закончил свое обращение к народу воззванием: “Наконец настало время прибегнуть к Матери Слова, к Ней, единой надежде и прибежищу. К Ней возопием: Досточтимая, спаси град Твой, как ведаешь, Госпоже!”

После этого, при стечении трепетавшего от ужаса народа, с горячей мольбой о спасении из Влахернского храма была поднята риза Божьей Матери и крестным ходом обнесена вокруг стен города и погружена в воду.

И Царица Небесная вняла мольбам своего грешного, но раскаявшегося народа и во второй 'раз, подобно тому, как это было в 628 году, во время

набега аваров и славян, она явила свою чудесную помощь и отвратила неминуемую гибель от города.

Вид православного крестного хода, с патриархом и духовенством в полном облачении, множество хоругвей, стройное пение и несомая впереди чудотворная риза — все это представило совершенно необычное зрелище для язычников руссов; они настолько были устрашены им, что повсюду, как только видели приближение к себе крестного хода, поспешно бросали работы по ведению приступа и спешили к своим ладьям, после чего оставили город.

Так заступничеством Божьей Матери был чудесно спасен Царьград от полного истребления. Руссы же возвратились из своего смелого набега домой в Киев с богатейшей добычей и громкой славой.

Через несколько дней после набега руссов Фотий опять собрал свою паству и в поучении по поводу чудесного избавления города от полного истребления говорил, между прочим:

“Разразилась у нас внезапная беда, как явное обличение нас в наших грехах. Она совершенно не похожа на другие нападения варваров: напротив, и нечаянность нашествия, и чрезвычайная быстрота его, и бесчеловечность варварского народа, и жестокость его действия, и свирепость его нрава доказывают, что поражение, как громовая стрела, было ниспослано с неба...

Поистине, гнев Божий бывает за грехи; гроза скопляется из дел грешников... Ибо эти варвары справедливо рассвирепели за умерщвление соплеменников их и справедливо требовали и ожидали кары, равной злодеянию...

Народ, до нападения на нас ничем не давший себя знать, народ непочетный, народ, считаемый наравне с рабами, неименитый, но приобретший славу со времени похода на нас, незначительный, но получивший значение, смиренный и бедный, но достигший высоты блистательной, народ, где-то далеко от нас живущий, варварский, гордый оружием, не имеющий ни гражданского устройства, ни военного искусства, так грозно, так мгновенно, как морская волна, нахлынул на пределы наши и, как дикий вепрь, истребил живущих здесь, словно траву... И какие зрелища скоплялись пред нами: младенцы были разможены о камни... матери, зарезываемые или разрывающиеся, умирали подле своих малюток... Лютость губила не одних людей, но и бессловесных животных: волов, коней, кур и других, какие только попадались варварам... А что делалось над мертвыми телами! Речные струи превращались в кровь. Колодезей и водоемов нельзя было и отыскать, потому что они через верх были наполнены телами.

Но,— говорит Фотий,— когда обнесли вокруг стен города ризу Божьей Матери, тогда помиловал Господь достояние свое. Поистине, эта досточтимая одежда есть риза Богоматери. Носилась она вокруг этих стен, и неприятели, непостижимо как, обращали тыл свой. Покрывала она город, и насыпь их рассыпалась, как по данному знаку. Охраняла она осажденных, и осада неприятелей не удавалась сверх чаяния... Ибо, как только эта девственная

риза была обнесена по одной стене, варвары тотчас сняли осаду города, и мы избавились от ожидаемого плена и сподобились нечаянного спасения. Неожиданно было нашествие врагов, но нечаянно и удаление их, чрезмерно негодование, но неизреченна и милость... Их привел к нам их гнев; но за ними следовала Богоматерь и отвратила их набег. Поражение остановлено покаянием... Отточенные на нас мечи оставлены литиями и молениями!!...”

Чудесное заступничество Богоматери за Царьград произвело сильное впечатление и на руссов. И раньше еще были христиане среди них и варягов; после же чудесной помощи свыше, оказанной царьградским христианам, когда гибель их казалась неминуемой, Аскольд и большое число ходивших с ним в набег ясно убедились в неизбежном преимуществе христианской религии над языческой.

В этом их должно было также убедить и то обстоятельство, что незадолго перед тем крестился весь болгарский народ.

Через два года после набега Аскольд прислал в Царьград послов заключить прочный мир и уговор, как вести руссам и грекам торговлю, чтобы было справедливо и для той, и для другой стороны. Вместе с тем, присланные Аскольдом просили греков просветить их и Христовой верой. Византийские цари, братья Василий и Михаил, заключив прочный мир с руссами и щедро одарив их золотом, серебром и шелковыми тканями, крестили прибывших, а патриарх назначил для Киева епископа.

В своем окружном послании по этому поводу Фотий писал, между прочим, следующее: “Не только болгарский народ переменял прежнее нечестие на веру во Христа, но и тот народ, о котором многие рассказывают и который в жестокости и кровопролитии все народы превосходит, оный глаголемый росс, который поработил живущих окрест его и, возгордясь своими победами, воздвиг руки и на Византийскую империю; и сей, однако, ныне переменял языческое и безбожное учение, которое прежде содержал, на чистую и правую христианскую веру, и вместо недавнего враждебного на нас нашествия и великого насилия, с любовью и покорностью вступил в союз с нами. И столько воспламенна их любовь к вере, что и епископа, и пастыря, и христианское богослужение с великим усердием и тщанием приняли”

По преданию, когда назначенный Фотием епископ прибыл в Киев, то Аскольд принял его на народном вече, где стали рассуждать о вере своей и христианской и спросили епископа: чему он хочет учить их? Епископ открыл Евангелие и стал говорить им о Спасителе и о Его земной жизни, а также и о разных чудесах, совершенных Богом в Ветхом Завете. Руссы, слушая проповедника, сказали: “Если мы не увидим чего-нибудь, подобного тому, что случилось с тремя отроками в огненной печи, мы не хотим верить”. Служитель Божий не поколебался; он смело отвечал им: “Мы ничтожны перед Богом, но скажите, чего хотите вы?” Они просили, чтобы брошено было в огонь Евангелие, и обещали обратиться к христианскому Богу, если оно останется невредимым. Тогда епископ воззвал: “Господи! прослави имя

Твое перед сим народом”, — и положил книгу в огонь. Евангелие не сгорело. После этого многие из присутствовавших, пораженные судом, крестились.

Спустя четырнадцать лет после Аскольдова крещения Рюрик, сидевший в Новгороде, умер, передав правление родственнику своему Олегу, так как сын Рюрика — Игорь был еще очень мал. Это было в 882 году.

Три года ничего не было слышно в Киеве про нового князя, а в 885 году Олег, собрав большую рать из варягов, новгородских славян, кривичей, чуди от Изборска, веси от Белоозера и мери от Ростова, пошел водой на Киев.

Княжеская дружина была в кольчугах, или железных чешуйчатых рубашках, в железных же шлемах, с секирами, мечами, копьями и дротиками. В руках у каждого воина был большой деревянный щит, обтянутый кожей, выкрашенной в красную краску, и окованный железом. Ратные же люди от земли, или *вой*, как их называли, одевались попроще. Мало кто из них носил кольчуги, и многие шли в одних портах; вооружены они были копьями, топорами, стрелами, мечами и ножами. Почти все были пешие.

Двигаясь на Киев, Олег по пути занял Смоленск, в котором поставил посадником мужа из своей дружины, а затем занял и город Любеч, где тоже оставил своего посадника. Таким образом он завладел днепровским путем до самого Киева.

Подойдя к Киеву, Олег укрыл всю свою силу в лодках и засадах, а сам с маленьким Игорем на руках вышел на берег и послал с вестью к Аскольду и Дирю, что пришли гости, идут в Грецию от Олега и Игоря княжича, и желают повидаться с земляками — варягами. Не подозревавшие ничего Аскольд и Дир пришли к берегу, но не успели они вступить в разговор с Олегом, как из лодок и засад повыскакивала дружина, и Олег сказал киевским владыкам: “Вы владеете Киевом, но вы не князья и не княжеского рода; я есть княжеский род, а это сын Рюрика”, — и вынес вперед маленького Игоря. После этого Аскольд и Дир были тут же убиты, а Олег, избавившись таким образом от киевских вождей, уже без труда завладел городом. Аскольд же и Дир были похоронены на горе близ города. Впоследствии на могиле Аскольда была поставлена церковь Святого Николы; могила эта сохранилась и до сих пор, и каждый православный человек, посещающий Киев, заходит помолиться за упокой души великого витязя, здесь лежащего.

Причина, почему Олег поступил так жестоко с Аскольдом и Диром, совершенно понятна. Богатый Киев лежал на том же большом пути из варяг в греки, у начала которого стоял и Новгород, где сидели русские князья. Аскольд и Дир были их дружинниками, и не из старших, так как не получили от Рюрика в управление городов почему и отпросились у него идти искать счастья к Царьграду. Осевши в Киеве, эти витязи освободили его от уплаты дани хазарам, подчинили себе соседние племена, и, кроме того, прославились славным набегом на Парьград. Все это сделало их сильными и могущественными, а потому и опасными для природного княжеского рода, сидевшего в Новгороде. Поэтому Олег, задумав объединить Русскую землю, для чего он и собрал большую ратную силу конечно, прежде всего должен

был овладеть Киевом, лежащим к тому же в самом важном месте великого водного пути из варяг в греки. Кроме того, нет сомнения, что язычник Олег и его языческая новгородская дружина с большим неудовольствием смотрели, что отделившиеся от них варяги с Аскольдом и Диром мало того что приобрели значительную силу, но еще вдобавок и приняли ненавистное для закоренелых язычников христианство.

Что же касается того, что Олег избавился от Аскольда и Дири путем хитрости, то это показывает, конечно, только их большую силу, почему он и не желал вступить с ними в открытый бой; надо при-этом сказать также, что употребленный им обман, чтобы заманит! их, по языческим понятиям не только не был плохим делом, но, на оборот — молодецким; и слово “хитрец”, или “хитрок”, считалось по хвальным для тех людей, которые искусно обманывали своих врагов. Поход Олега на Киев показывает, что действительно он бы; очень искусно соображен. Начавши после Рюрика княжить, Оле целых три года оставляет Аскольда и Дири в Киеве в покое и ничем не показывает своего намерения напасть на них. Сидя эти три года по-видимому, бездейтельно в Новгороде, он между тем старательно готовится к походу, собирает большую рать из всех северных племен, вооружает ее и строит ладьи для похода, на что Новгородцы, как отличные плотники, были всегда мастера; при этом все свои замыслы против Аскольда и Дири и все сборы к походу Оле держит до того скрытно, что киевские витязи о них вовсе и не догадываются, несмотря на то, что по большому пути из варяг в грею много народу из Новгорода перебывало за эти три года в Киеве. Наконец, выступив со своей ратью и ладьями к Киеву, Олег су мел и тут тоже так скрытно пройти по водному пути, что совершен но незаметно подошел к Киеву и выманил из него Аскольда и Дири которые сами были весьма опытные и искусные воины.

Такое искусное приготовление Олега к скрытному походу и самое его совершение должно и в наши времена, несмотря на то, что с тех пор прошло уже более тысячи лет, служить примером, достойным подражания, как следует изготовляться, чтобы внезапно на пасть на врага.

Покончив с Аскольдом и Дири, Олег перенес свой княжеский стол из Новгорода в Киев. “Это будет мать городам русским”, — вот первое слово, которое сказал Олег про Киев. В Новгороде же он посадил своего посадника. Затем он сейчас же стал строить в занятых землях городки и посылать в них своих мужей правителей.

Вместе с тем он решил начать покорение и тех соседей, от которых Киев и поляне терпели тесноту. В первое же лето он отправился походом на древлян, постоянно нападавших на полян из своих дремучих лесов. Олег обошелся с древлянами сурово, “примучил их”, как говорит летописец, и обложил их данью по черной кунице с дыма. На следующее лето он пошел на северян и возложил на них дань легкую, чтобы не платили хазарам. “Я хазарам недруг, а не вам”, — сказал он им. На третье лето Олег спросил радимичей “Кому дань даете?” Те отвечали: “Хазарам”. “Не давайте хазарам,

но мне давайте”. Так радимичи и поступили Объединив таким образом под своей рукой соседние к полянам племена и владея уже большим путем из варяг в греки, Олег стал укреплять княжескую власть во всех собранных им воедино славянских племенах; вместе с тем он стал готовиться к большому походу против Царь-града, чтобы подтвердить грекам, что и после Аскольда и Дира Русь осталась такой же грозной и могучей для Византии, как и во времена этих витязей. В этих занятиях по управлению землею и приготовлениях к большому походу на Царьград прошло 23 года. За эти двадцать три года летописец упоминает о двух важных событиях имевших место в Русской земле.

В 897 году прошла мимо Киева и, переправившись через Днепр, направилась дальше к западу орда азиатского кочевного народа *угров*, или *венгров*. Столкновений у венгров с русскими не было; очевидно, русские были настолько грозны, что венгры и не помышляли напасть на них, а просили только разрешения пройти по их земле, чтобы найти дальше на западе свободное место, где можно было бы осесть.

Пройдя Карпатские горы, венгры потеснили некоторые жившие в этих горах и южнее западно-славянские племена и сели в широкой равнине по Среднему Дунаю, к югу и западу от Карпат.

Здесь венгры, по наущению греческих императоров, сейчас же начали воевать с соседними славянскими племенами, особенно же с моравами. Вообще, прибытие угров, или венгров, в Европу и расположение их по среднему течению Дуная было весьма неблагоприятно для всего славянства, так как с появлением их на Дунае южные славянские племена были отрезаны совершенно чужим для них народом от своих северных, восточных и западных братьев, причем отрезанность эта продолжается и по сей день.

Указав в летописи о проходе венгров, летописец рассказывает затем, что князь Игорь, успевший подрасти и начать помогать Олегу в управлении государством, женился в 902 году на природной русской славянке, уроженке села Выбуты, лежащего в 12 верстах от Пскова. По красоте своего лица и редким душевным качествам она была прозвана *Прекрасой*. После замужества Прекраса приняла имя *Ольги*, в честь Олега.

К 906 году приготовления Олега к походу на Царьград были закончены. Оставив князя Игоря в Киеве управлять делами на время своего отсутствия, Олег выступил в поход на греков, собравши множество варягов, новгородских славян, чуди, кривичей, мери, полян, северян, древлян, радимичей, хорватов, волынян, или дулебов, и тиверцев. Вся эта славная рать двинулась к Царьграду на кораблях, ладьях и конях. Кораблей было две тысячи, причем в каждом помещалось по 40 человек; водой, стало быть, шло восемьдесят тысяч, да по берегу шла конница.

Когда Олег подошел к Царьграду, греки затворили город железными цепями и заперли городскую гавань. Олег высадился на берег и стал воевать около города, творя большое опустошение; при этом он выволок свои корабли на берег, поставил их на колеса и ждал попутного ветра; когда же

такой ветер поднялся с поля, он поднял паруса, и рать его поехала на кораблях к самому городу по суше, как по воде. Увидевши такую беду, греки перепугались и вышли к Олегу с покорным словом. “Не губи город: дадим тебе дань, какую пожелаешь”. Олег остановил поход. Греки по обычаю вынесли ему угощение — пищу и вино; но мудрый русский князь не принял угощения, ибо знал, что вероломные греки непременно устроят его с отравой. С ужасом воскликнули тогда греки: “Это не Олег, это сам святой Димитрий, посланный на нас от Бога”. И заповедал Олег потребовать с греков огромную дань: на все две тысячи кораблей по 12 гривен на человека; в каждом же корабле, как мы знаем, сидело 40 человек. Греки соглашались на все и просили только мира. Отступив немного от города, Олег послал к царям творить мир. Утвердив сказанную дань по 12 гривен на каждое весло, Олег установил также, чтобы греки платили дань или уклады и русским городам: Киеву, Чернигову, Переяславлю, Полоцку, Ростову, Любечу и прочим, находившимся под рукой Олега.

Брать дань было делом обычным у каждого победителя, и Олег не за тем поднимался в поход. Главное, что сказали его послы грекам, было следующее: “Да приходят Русь-послы в Царьград и берут посольское (хлебное, столовый запас), сколько хотят; а придут которые гости (купцы), пусть берут мясину на полгода: хлеб, вино, мясо, рыбу, овощи, и да творят им баню, сколько хотят. А поедут Русь домой, пусть берут у вашего царя на дорогу съестной запас, якоря, канаты, паруса, сколько надобно”

Таким образом, главное требование Олега было: чтобы каждый русский человек имел право приходить в Царьград и чтобы там принимали его, как доброго и уважаемого гостя. Олег требовал при этом хорошего угощения и именно для купцов-гостей, и по крайней мере на полгода, пока они не устроят свои торговые дела; затем он требовал, чтобы вдоволь можно было париться в бане, так как для доброго и далекого гостя это было первое угощение; наконец, он требовал, чтобы как поедет Русь домой, ее отпускали тоже как всякого доброго гостя, давали бы съестное и все, что надобно заезжему человеку в далеком пути.

Значит, Русь требовала, чтобы в Царьграде с русскими людьми обращались так, как исстари обращались на Руси с чужими гостями.

Требование это показывает, что напрасно греки называли русских варварами и смотрели на них свысока, так как, наоборот, русские люди были тогда гораздо ласковее и обходительнее со своими гостями, чем греки, и требовали для себя такового же вежливого обхождения и от греков.

Греки же во время хазарского ига над Русской землей, когда у нас не было своей ратной силы и некому было заступиться в Царьграде за русского торгового человека, привыкли относиться к нему, как уже было объяснено, пренебрежительно и несправедливо.

Как странник, случайно попавший в этот большой торговый город, русский человек должен был смотреть из рук каждого грека, кланяться, принижаться или же добывать себе даже необходимые вещи для жизни

насиленно, воровством, разбоем, что было опасно и редко сходило с рук, так как греки, пользуясь своей силой, жестоко платили русским за малейшую обиду. Вот почему, как только почуяла Русь свою силу, то сейчас же собралась она в лихой набег под начальством Аскольда и Дира отомстить за свои обиды Царьграду, и с этой же целью — подтвердить грекам русскую силу — собрался и Олег в свой славный поход на Царьград.

Конечно, греческие цари согласились на требования Олега, но со своей стороны просили: “Пусть приходит Русь в Царьград; но если придут без купли, то месячины не получают. Да запретит князь своим словом, чтобы приходящая Русь не творила пакости в наших селах. Когда приходит Русь, пусть живет за городом, у святого Мамонта. Там запишут их имена, и по той росписи они будут получать свое месячное: первое от Киева, также от Чернигова, Переяславля и прочие города. В Царьград Русь входит только в одни ворота, с царевым мужем, без оружия, не более 50 человек. И пусть творят куплю, как им надобно, не платя пошлины ни в чем”

Затем, в утверждение мира, цари целовали крест, а Олег и его мужи, по русскому закону, клялись своим оружием, своим богом Перуном и Белесом, богом скота.

Корабли Олега наполнялись всяким товаром. Шелковых и других тканей было так много, что на возвратном пути Олег велел своей дружине шить паруса наволочные (разноцветного шелка), а остальной рати от земли — кропийные (ситцевые). Когда подняли кропийные паруса, случилась беда: их разорвал ветер; тогда сказали славяне: “Останемся при своих холстинах, не пригодны славянам паруса кропийные”

Отходя от Царьграда, руссы прибили к воротам его свои щиты в знак победы. Вернулся Олег в Киев с большой славой, неся золото, паволоки, овощи, вина и всякое узорочье, всякий товар, который был ходок и дорог в Русской земле.

Народ, видя возвращение Олега с такой богатейшей добычей, и вместе с тем видя, что войско его все вернулось целым и невредимым, то есть, что, стало быть, он все это добыл, не пролив крови своих людей, дивился этому и прозвал его “Вещий”, что значило — чудесный, великий.

На пятое лето после этого славного похода, в 911 году, воцарился в Царьграде император Константин Багрянородный, и Олег снова послал к грекам послов, чтобы подтвердить мир и договор с новым царем.

В Царьград было отправлено четырнадцать послов, в числе которых находилось и пятеро, устраивавших первый договор.

Приветствовав императоров, “великих о Боге самодержцев” от имени Олега, великого князя русского, и от всех находящихся под рукой его светлых и великих князей и великих бояр, послы стали объяснять цель своего прибытия:

“Первое слово,— сказали послы,—да умиримся мы с вами, греки! Да любим друг друга от всей души и изволения и сколько будет нашей воли не

допустим случая, чтобы кто из живущих под рукой наших светлых князей учинил какое зло или какую вину, но всеми силами постараемся не превратно и не постыдно во всякое время, вовеки сохранить любовь с вами, греки, утвержденную с клятвами нашим словом и написанием. Так и вы, греки, храните такую же любовь, непоколебимую и непреложную, во всякое время, во все лета, к князьям светлым нашим русским и ко всем, кто живет под рукой нашего светлого князя”

Затем послы стали договариваться о том, как поступать, если будут случаться убийства греков русскими или наоборот, а также и о других происшествиях между русскими и греками:

“Если кто убьет, русин христианина (грека) или христианин русина, да умрет на самом месте, где сотворил убийство.

Если убежит убийца и будет имовит (достаточен), то его имение, какое принадлежит ему по закону, да возьмет ближний убиенного; но и жена убившего возьмет свое, что следует по закону.

Если украдет что русин у христианина или христианин у русина, и будет пойман в тот час и сопротивляясь будет убит, да не взыщется его смерть ни с христиан, ни от руси, а хозяин возьмет свое покраденое. Если вор отдастся в руки бесприкословно и возвратит покраденое, пусть за воровство заплатит втрое против покраденого...”

Наконец, русские послы предложили: “Если греческая ладья будет выброшена большим ветром на чужую землю и случится там кто из нас, русских, то мы, русские, охраним их ладью и с грузом отправим ее в землю христианскую; проводим ладью сквозь всякое страшное место, пока не приведем в место безопасное. Если такая ладья или от бури, или от противного ветра не сможет идти в свои места сама собой, то мы, русские, потрудимся с гребцами той ладьи и допроводим с товаром их поздорову в свое место, если то случится близ Греческой земли. Если такая беда приключится ладье близ земли Русской, то проводим ее в Русскую землю. И пусть продают товар той ладьи, и если чего не могут продать, то мы, Русь, отвезем их, когда пойдем в Грецию или с куплей, или с посольством; отпустим их с честью и непроданный товар их ладьи...”

Что касается пленных, то на Руси им установлена торговая и выкупная цена — 20 золотых. Пленных на обе стороны, или от Руси, или от Греции, должно продавать в свою страну...

Кто из русских работает в Греции у христианского царя и умрет, не урядивши своего имения (не сделав завещания), или из своих никого при нем не будет, да возвратится то его имение наследникам в Русь. Если сделает завещание, то кому писал наследство, тот его и наследует.

Кто из ходящих в Грецию, торгуя на Руси, задолжает, и, укрываясь, злодей не воротится в Русь, то Русь жалуется христианскому царству, и таковой да будет взят и возвращен в Русь, если б и не хотел. Это же все да творит Русь грекам, если где таковые случатся”

Греки согласились на эти предложения послов, конечно, предложения эти показали грекам, насколько русские были высоковежливы, образованны и разумны. Договор был подписан царем греческим и послами, причем Русь клялась по закону и по обычаю своего народа не отступать от установленных мира и любви.

Греческий император почтил русских послов дарами, золотом, паволоками и велел показать им город “церковную красоту, палаты золотые и в них всякие богатства, многое золото, паволоки и камень дорогое и особенно христианскую святыню: Страсти Господни — венец, гвоздь и хламиду багряную и мощи святых, поучая послов в своей вере. И отпустил их в свою землю с честью великой”

Так установил мудрый Олег договор Руси с греками в 911 году.

Через два года, в 913 году, после 32 лет княженья Олега не стало.

“И плакали все люди плачем великим”, хороня своего вещего князя, который первый собрал Русскую землю в одно великое государство и громко прославил русское имя своими удачными походами и мудрыми договорами.

Летописец рассказывает, что волхвы и кудесники предсказали как-то раз Олегу, что он умрет от своего любимого коня; поэтому конь этот был отправлен на покой, и Олег больше никогда не садился на него; когда же Олег узнал о смерти коня и увидел его кости, то поставил ногу на его голову, сказал, смеясь: “От этого ли лба я приму свою смерть?” Но в это же самое время он был смертельно укушен змеей, выползшей незаметно из конской головы.

Наш великий писатель Александр Сергеевич Пушкин на основании этого рассказа летописи сложил следующую:

### **Песнь о вещем Олеге**

Как ныне собирается вещий Олег  
Отметить неразумным хазарам;  
Их села и нивы за буйный набег  
Обрек он мечам и пожарам.  
С дружиной своей, в цареградской броне,  
Князь по полю едет на верном коне.  
Из темного леса навстречу ему  
Идет вдохновенный кудесник,  
Покорный Перуну старик одному,  
Заветов грядущего вестник,  
В мольбах и гаданьях проведший весь век.  
И к мудрому старцу подъехал Олег.  
“Скажи мне, кудесник, любимец богов,

Что сбудется в жизни со мною?  
И скоро ль, на радость соседей-врагов,  
Могильной засыплюсь землею?  
Открой мне всю правду, не бойся меня:  
В награду любого возьмешь ты коня”  
Волхвы не боятся могучих владык,  
А княжеский дар им не нужен:  
Правдив и свободен их вещий язык  
И с волей небесною дружен.  
Грядущие годы таятся во мгле,  
Но вижу твой жребий на светлом челе.  
Запомни же ныне ты слово мое:  
Воителю слава — отрада;  
Победой прославлено имя твое,  
Твой щит на воротах Цареграда;  
И волны, и суша покорны тебе;  
Завидует недруг столь дивной судьбе.  
И синего моря обманчивый вал  
В часы роковой непогоды,  
И пращ, и стрела, и лукавый кинжал  
Щадят победителя годы...  
Под грозной броней ты не ведаешь ран:  
Незримый хранитель могущему дан.  
Твой конь не боится опасных трудов;  
Он, чуя господскую волю,  
То смиренный стоит под стрелами врагов,  
То мчится по бранному полю.  
И холод, и сеча ему ничего...  
Но примешь ты смерть от коня своего”;  
Олег усмехнулся; однако чело  
И взор омрачились думой.  
В молчанье, рукой опершись на седло,  
С коня он слезает угрюмый  
И верного друга прощальной рукой  
И гладит, и треплет по шее крутой.  
“Прощай, мой товарищ, мой верный слуга!  
Расстаться настало нам время;  
Теперь отдыхай, уж не ступит нога

В твое позлащенное стремя.  
Прощай, утешайся, да помни меня.  
Вы, отроки-друзи, возьмите коня,  
Покройте попоной, мохнатым ковром,  
В мой луг под уздцы отведите,  
Купайте, кормите отборным зерном,  
Водой ключевою поите”.

И отроки тотчас с конем отошли,  
А князю другого коня подвели.  
Пирует с дружиною вещей Олег  
При звоне веселом стакана;  
И кудри их белы, как утренний снег  
Над славной главою кургана...  
Они поминают минувшие дни  
И битвы, где вместе рубились они...  
“А где мой товарищ? — промолвил Олег,  
Скажите, где конь мой ретивый? Здоров ли?  
Все так же ль легок его бег?  
Все тот же ль он бурный, игривый?”  
И внемлет ответу: “На холме крутом  
Давно уж почил непробудным он сном”  
Могучий Олег головою поник  
И думает: “Что же гаданье?  
Кудесник, ты лживый, безумный старик,  
Презреть бы твое предсказанье,  
Мой конь и доныне носил бы меня”  
И хочет увидеть он кости коня.  
Вот едет могучий Олег со двора,  
С ним Игорь и старые гости,  
И видят: на холме, у берега Днепра,  
Лежат благородные кости;  
Их моют дожди, засыпает их пыль,  
И ветер волнует над ними ковыль.  
Князь тихо на череп коня наступил  
И молвил: “Спи, друг одинокий!  
Твой старый хозяин тебя пережил:  
На тризне, уже недалекой,  
Не ты под секирой ковыль обagriшь

И жаркою кровью мой прах напоишь...  
Так вот где таилась погибель моя!  
Мне смертию кость угрожала!”  
Из мертвой главы гробовая змея,  
Шипя, между тем выползала;  
Как черная лента, вокруг ног обвилась,  
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.  
Ковши круговые, запенясь, шипят  
На тризне \* плачевной Олега;  
Князь Игорь и Ольга на холме сидят,  
Дружина пирует у берега,  
Бойцы поминают минувшие дни  
И битвы, где вместе рубились они.

После Олега на княжеский стол сел Игорь, сын Рюрика. Это было в 913 году. Первым его делом было усмирение древлян, которые по смерти Олега отказались платить дань. Игорь победил их и наложил дань больше Олеговой. Затем он усмирил и непокорное славянское же племя уличей, которые жили в низовьях Днепра близ нынешнего города Алешек; во время этого усмирения долго не покорялся город Пересечен, так что Игорев воевода сидел около него три года и едва взял. Тогда уличи совсем перебрались с Днепра и сели между Бугом и Днестром.

После ухода их весь великий путь от варягов в греки был уже вполне в руках великого князя.

Но от варягов, по Русской земле, существовала еще дорога в иной морской угол — на далекий восток, к богатому тогда Каспийскому морю.

Тут, как известно, сидели хазары. Конечно, много обид чинилось русским людям во время хазарского ига как от самих хазар, так особенно от народов, населявших, под властью арабов, кавказские берега Каспийского моря, куда постоянно хаживали наши торговые люди.

И вот пришло время — чтобы Русь и здесь показала свою силу и отплатила долголетние обиды.

После усмирения древлян, в 914 году, русские ратные люди на 500 кораблях, в каждом по 100 человек, спустились вниз по Днепру в море; затем, обогнув с юга Крымский полуостров, они вошли в Азовское море; отсюда они послали просить хазарского царя пропустить их в Каспийское море, чтобы отомстить кавказским народам за долголетние обиды. Хазарский царь согласился, вероятно, не считая себя достаточно сильным, чтобы отказать, а русские обещали ему отдать за это при возвращении половину своей добычи.

Получив согласие, русские из Азовского моря поднялись по Дону до перевала в Волгу вблизи хазарского города Саркела, у теперешней

Качалинской станицы. Отсюда они, так же как Олег под Царьградом, должны были перевезти свои корабли на колесах в Волгу и по ней спустились в Каспийское море.

Здесь наши удальцы распространились отрядами по всем богатым приволжским и закавказским берегам и начали свою жестокую месть за все прежние обиды. “Руссы проливали кровь,— говорит арабский писатель,— брали в полон женщин и детей, грабили имущество, распускали всадников для нападений, жгли села и города”. Народы, обитавшие около этого моря, с ужасом возопили, а русские, разгромив этот богатый берег, отошли к нефтяной земле у города Баку, где до сих пор еще живут огнепоклонники, и поселились для отдыха на близлежащих островах.

Тогда, опомнившись от удара, жители вооружились, сели на корабли и купеческие суда и отправились к островам. Но русские не дремали и встретили врага таким отпором, что тысячи нападавших были изрублены и потоплены. После этой победы русские, обремененные богатейшей добычей, стали собираться домой и по уговору с хазарским царем за пропуск их в Каспийское море послали ему половину всего добытого. Однако хазары решили поступить с нашими предками самым предательским образом. Они собрали в Итиле большую силу и напали на возвращавшихся русских. Жестокая битва продолжалась три дня, и наконец наши были почти все перебиты. Тысяч пять из них спаслось и направилось вверх по Волге, но там финское племя буртасов и камские болгары добились их окончательно. Много ли воротилось отважных мореплавателей домой — неизвестно. Но нет сомнения, что кто-нибудь принес на родину весть о том, сколько русской крови было пролито изменническим образом на Волге. Кровь же русская никогда и нигде даром не пропадала без жестокого мщения; надо было только выждать для этого удобное время и случай.

Вслед за этим несчастьем случилось на русской земле и другое большое горе.

Из Средней Азии пришло в 915 году в наши южные русские степи новое большое хищное племя — *печенеги*.

Оно, без сомнения, было вызвано греками, которые, видя усиление Руси, а также болгар на Дунае, и не рассчитывая больше на ослабевших хазар, призвали против славян печенегов по примеру императора Юстиниана. Вначале Игорь умирился с ними, и они прошли прямо на болгар, но затем стали прибывать их новые полчища, которые сели восемью ордами по всему побережью между Доном и Дунаем, преградив, разумеется, русским путь из варяг в греки.

Конечно, это было для недавно образовавшегося государства Руси большим несчастьем. Со времени прихода печенегов наши предки могли выходить по Днепру к Черному морю — или покоривши печенегов, или умирившись с ними. И вот уже через пять лет по их прибытии, в 920 году, князь Игорь начинает продолжительную борьбу с этим народом.

Борьба эта сменялась иногда на несколько лет миром, и тогда мы свободно входили в Черное море. Греки же постоянно дружили с печенегами и искусно натравляли их то на нас, то на болгар, а также и на венгров.

Печенеги были народом жадным и ненасытным: они бесстыдно выпрашивали у греков множество дорогих подарков за свои нападения на славян; но при этом печенеги были также народом воинственным и свирепым; они отлично ездили верхом и стреляли из лука. На венгров они сразу, как появились, навели такой ужас, что те отказались дальше воевать с ними, русских же печенеги всегда сами боялись, так как они наносили им зачастую жестокие поражения.

После занятия печенегами выхода из Руси к Черному морю, греки мало-помалу скоро стали опять обижать в Царьграде русских людей и относиться к ним пренебрежительно, так как считали, что нам уже невозможно будет повторить набег на Константинополь, как это было во времена Аскольда и Олега. Однако греки ошиблись в своих расчетах. Заключив с печенегами мир, Игорь в 941 году поднялся на Царьград с большой силой. У него было не меньше тысячи кораблей. Он, по русскому обыкновению, быстро подошел к городу, высадился по обоим берегам Царьградского пролива и жестоко опустошил все побережье, производя обычные по тому времени ратные дела, сжигая села, церкви и монастыри и без пощады убивая жителей.

Вскоре выступил греческий флот; он был вооружен приспособлениями, из которых пускали на врагов знаменитый в то время *греческий огонь*. Эти приспособления были установлены на корме, на носу и по бокам каждого корабля. Византийский флот встретил ладьи Игоря у *Искреста*, как называли русские башню со светильником, или маяк, стоявший к северу от Босфора на скале.

Русь, конечно, сама выманила греков в открытое море, где надеялась с полным успехом не только разбить, но и захватить своих врагов живьем. На море стояла полнейшая тишина, что, по-видимому, было благоприятно для русских; но на самом деле именно эта тишина и оказалась для них пагубной, так как в ветер греки не могли бы добрасывать со своих судов *греческого огня* в наши корабли; при наступившей же тишине огонь этот действовал без всякой помехи. Главным его составом была нефть, которая горела даже и в воде. Как только приблизились друг к другу корабли, огонь был пущен греками во все стороны. Облитые нефтью русские корабли, и люди, и вся поклажа мгновенно воспламенились и производили сильнейший пожар. Спасаясь от огня, русские стали бросаться в море, желая лучше утонуть, чем сгореть. Иные, обремененные кольчугами и шлемами, тотчас шли ко дну, иные, плывя, горели в самых волнах морских. Ушли от гибели только те, которые успели отплыть к азиатскому низменному берегу, в мелководье, куда греческие огненосные суда не могли пройти вследствие своей величины.

Однако оставшиеся русские были еще очень многочисленны, и потому, высадившись на малоазиатском берегу, распространяли свои набеги далеко по побережью, а также углублялись и вовнутрь страны для сбора всякой

добычи. Когда с сухого пути их выбивали собравшиеся сухопутные греческие полки, тогда русские отходили на своих малых кораблях на мелководье и, воюя таким образом, успешно держались против греков в течение всего лета. Мелкая вода была для них своего рода крепостью, так что во все это время они жили и ночевали в своих лодках. Наконец настал сентябрь месяц. Запас съестного истощился, и русские порешили отправиться домой, для чего в одну темную ночь и тронулись в путь. Но греческий флот ожидал их ухода и зорко следил за морем. Утром наши были настигнуты большими греческими судами, и произошло второе морское сражение, из которого немногие русские ушли домой; большинство же участников похода погибло, а некоторые взяты в плен. В Царьграде всем русским пленникам торжественно, в присутствии иноземных послов, были отрублены головы.

Так неудачно окончился поход Игоря против Царьграда в 941 году.

Возвратившиеся домой русские рассказывали, что случившееся с ними горе произошло от неведомого доселе *греческого огня*, который был — “...как есть молонья, что на небесах. Эту молонью греки и пущали на нас и пожигали. Оттого нам и нельзя было их одолеть”, — говорили они.

Конечно, простить грекам нашу неудачу было невозможно, и чтобы их тяжело наказать, Игорь, по прибытии домой, стал сейчас же собирать новую большую рать и послал за море приглашать варягов. Военные сборы русских продолжались три года.

В это самое время, когда по всей стране и даже за морем разносился военный клич, у Игоря родился в 942 году сын Святослав, будущий мститель за все обиды русским, причиненные в княжение его отца. Вся русская сила и варяги из-за моря собрались к 944 году. Кроме варягов, Игорь приманил и печенегов, а для укрепления соглашения взял у них заложников. После этого его огромное войско двинулось в поход на ладьях и конях.

Корсунцы первые узнали об этом походе и послали в Царьград сказать, что “идут русские — кораблей нет числа, покрыли все море кораблями”. Болгары, дружившие тогда с греками, тоже со своей стороны дали весть, что “идут русские, наняли себе и печенегов”. Видя неминуемую беду, греческий царь Роман поспешил послать навстречу русским не войско, а отправил лучших бояр со словами к Игорю: “Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег, придам и еще к той дани”. И к печенегам послал Роман много паволок и золота, разумеется, подкупая их отстать от Руси. Игорь в это время дошел уже до Дуная. Он созвал дружину, и начали думать. Дружина решила: “Если царь говорит о мире и дает дань, еще и с большой прибавкой, то чего же и думать больше”. Игорь послушал дружины, взял у греков золото и паволоки на все войско и воротился домой, а печенегам велел воевать Болгарскую землю.

На другое же лето греческий император прислал в Киев просить снова построить мир такой, какой был построен при Олеге.

“Говорите, что сказал ваш царь?” — спросил Игорь, когда греческие послы явились перед его лицом. “Наш царь рад миру,— отвечали греки.— Мир и любовь хочет иметь с князем русским. Твои послы водили нашего царя к клятве, и наш царь послал водить к клятве тебя и твоих мужей”.— “Хорошо”,— сказал Игорь. Утром, на другой день, он вышел с послами на холм, где стоял Перун. Там Русь положила перед истуканом свое оружие, щиты, мечи и прочее, а также золото (запястья с рук и гривны с шей). И клялся Игорь и все люди, сколько их было некрещеных; а христианская Русь клялась в своей соборной церкви Святого Ильи. Утвердив мир и выгодный договор с греками, Игорь на отпуск одарил греческих послов русскими товарами: дорогими мехами, челядью, воском. Сосчитавшись таким образом с греками за тяжелую неудачу на море, понесенную три года тому назад, князь Игорь послал в набег часть дружины и в Каспийское море — отомстить за старое унижение, которое претерпели русские в 914 году. Арабы и армяне сохранили рассказы об этом набеге. “В это время,— говорит один армянский писатель,— с севера грянул народ дикий, чуждый, рузики. Они, подобно вихрю, распространились по всему Каспийскому морю, и не было возможности сопротивляться им. Они предали город Бердаа мечу и завладели всем имуществом жителей. Туземный воевода осадил их в городе, но не мог нанести им никакого вреда, так как они были непобедимой силой. Женщины города, прибегнув к коварству, стали отравлять рузиков; но те, узнав об этой измене, безжалостно истребили женщин и детей”

“Только один враг,— говорит другой писатель, араб,— мог выжить русских из города — это чрезвычайное изобилие в стране всякого рода садовых плодов, от употребления которых между русскими распространилась повальная болезнь, еще более усилившаяся, когда русские заперлись в крепости. Смерть опустошала их ряды в течение нескольких месяцев. Когда же выпал снег, а осада со стороны туземцев не прекращалась, то русские, видя неминуемую гибель от повальной болезни, решили пробиться и уйти домой. Ночью они перебрались с захваченной добычей на свои корабли и удалились в свою страну”. Поход этот, несмотря на успешное возвращение домой, был все-таки не особенно благополучным для нас, ввиду множества умерших от повальной болезни.

В Киеве тоже настало общее горе. Игорь с наступлением осени отправился, как обычно, в полюдь за сбором дани и для совершения суда и расправы. Прибыв в Древлянскую землю и получив дань, он отпустил дружину и направился с небольшим отрядом к городу Искоростеню, чтобы потребовать дани лично для себя. Древляне стали думать и гадать со своим князем Малом — как быть, и решили убить Игоря. Они напали на него, перебили всех его слуг, а самого привязали к двум нагнутым деревьям и живо растерзали пополам, распустивши связанные деревья. Так несчастливо кончил свою жизнь князь Игорь в 945 году.

Вообще вся жизнь его была не очень удачной: неудачный первый поход за Каспий, приход в южные русские степи печенегов, а затем и неудачный

большой поход на .кораблях к Царьграду в 941 году; но, несмотря на все эти сильные невзгоды, Игорь в течение своей долгой жизни упорно работал над делами отца своего Рюрика и Вещего Олега: собирать воедино Русскую землю и в случае поражений в военных походах не падать духом, а готовить новую ратную силу и жестоко мстить врагам за обиду; и Игорь достиг многого: Царьград должен был склонить перед ним свою голову и, заплатив тяжелую дань, просить мира; с печенегами ему удалось заключить соглашение и даже переманить их на свою сторону, затем и за Каспием в армянских владениях часть обид русским людям была уже отомщена под конец его жизни.

За те же обиды Руси, за которые князь Игорь не успел отомстить при своей жизни, и за позорную смерть его у древлян рано или поздно должна была также последовать суровая месть. С древлянами расправа произошла очень скоро.

В то время как Игорь был бесчеловечно растерзан древлянами, в Киеве оставалась его княгиня Ольга с малолетним сыном Святославом Княгиню, и город, и всю землю вместо князя оберегал воевода Свеналд, а Святослава хранил кормилец его или дядька Асмолд.

Первое известие о смерти Игоря великая княгиня получила от древлянских же послов. Убив русского князя, древляне задумали совсем упразднить княжий род в Киеве и рассудили так: “Русского князя мы убили; возьмем его княгиню Ольгу в жены нашему князю; а Святослава тоже возьмем и сотворим с ним, как захочем”

Порешивши на этой мысли, древляне послали к Ольге послов или сватов — 20 лучших мужей, старейших бояр. Послы приплыли к Киеву на ладьях по Припяти и Днепру и велели сказать Ольге о своем прибытии.

Княгиня позвала их к себе. “Добрые гости пришли?” — спросила княгиня. “Добрые пришли, княгиня”, — ответили послы. “Говорите, с каким делом сюда пришли?” — “Послала нас Древлянская земля, — отвечали послы, — и велела тебе сказать: мужа твоего убили. А за то, что был твой муж, аки волк, хищник несправедный и грабитель. А у нас князья добрые, не хищники и не грабители, распасли обогатили нашу землю, как добрые пастухи. Пойди замуж за нашего князя”

“Приятно мне слушать вашу речь, — сказала Ольга, — уж мне моего Игоря не воскресить. Теперь идите в свои ладьи и отдохните. Завтра я пришлю за вами. Хочу вас почтить великой почестью перед своими людьми. Когда за вами пришлю, вы скажите слугам: не едем на конях, не едем и на возах, не хотим идти и пешком — несите нас в ладьях, и внесут вас в город в ладьях. Такова будет вам почесть. Таково я люблю вашего князя и вас”

Послы обрадовались и пошли к своим ладьям, пьяны-веселы, воздевая руки и восклицая: “Знаешь ли ты, наш князь, как мы здесь тебе все уладили”

А Ольга тем временем велела выкопать на своем загородном теремном дворе вблизи самого терема великую и глубокую яму, в которую был насыпан

горящий дубовый уголь. Наутро она села в терем и послала звать к себе гостей. “Зовет вас Ольга на любовь!” — сказали послам пришедшие киевляне. Послы все исполнили, как было сказано: уселись в ладьях, развалившись и величаясь, и потребовали от киевлян, чтобы несли их прямо в ладьях. “Мы люди подневольные,— ответили киевляне,— князь наш убит, а княгиня хочет за вашего князя!” Подняли ладьи и торжественно, понесли послов-сватов к княгининому терему. Сидя в ладьях, древлянские послы гордились и величались. Их принесли во двор княгини и побросали в горящую яму вместе с ладьями. “Хороша ли вам честь!” — воскликнула Ольга, прикивши к яме. “Пуще нам Игоровой смерти”,—застонали послы. Ольга велела засыпать их землей живых. Потом она послала к древлянам сказать так: “Если вы вправду просите меня за вашего князя, то присылайте еще послов, самых честнейших, чтобы могла идти отсюда с великой почестью, а без той почести люди киевские не пустят меня”. Древляне со своим князем Малом избрали в новое посольство самых набольших мужей и отправили их в Киев.

Как пришли новые послы, Ольга велела их угощать, а затем и истопить баню. Вошли древляне в баню и начали мыться. Двери же за ними затворили и заперли; затем тут же от дверей зажгли баню; так они все и сгорели.

После того Ольга посылает к древлянам с вестью. “Пристроивайте — варите меды! Вот я уже иду к вам! Иду на могилу моего мужа; для людей поплачу над его гробом, для людей сотворю ему тризну, чтобы видел мой сын и киевляне, чтобы не осудили меня!” Древляне стали варить меды, а Ольга поднялась из Киева налегке, с малой дружиной Придя к гробу мужа, она стала плакать, а поплакавши, велела людям сыпать большую могилу. Когда могила была ссыпана в большой курган, княгиня устроила тризну. После того древляне, лучшие люди и вельможи, сели пить. Ольга приказала отрокам угощать и поить их вдоволь. Развеселившись, древляне вспомнили о своих послах. “А где же наша дружина, наши мужи, которых послали за тобою?” — спросили они у Ольги. “Идут за мной с дружиной моего мужа, приставлены беречь скарб”,— ответила княгиня. Когда древляне упились как следует, княгиня велела отрокам пить на них, что значило пить чашу пополам за братство и любовь и за здоровье друг друга, от чего отказываться было невозможно; таков был обычай. Это также называлось — перепивать друг друга. Когда древляне перепились вконец, то княгиня поспешила уйти с пира, приказав своим перебить всех древлян. Они были посечены, как трава; всего их погибло пять тысяч человек. Ольга же вернулась в Киев и стала готовить войско, чтобы истребить древлянскую силу до остатка. На другое лето, в 946 году, Ольга привела в Древлянскую землю большое и храброе войско под предводительством маленького Святослава, с воеводой Свеналдом и с дядькой малютки Асмолдом. Древляне тоже собрались и вышли. Полки сошлись лицом к лицу, и первым начал битву четырехлетний малютка Святослав, так как доблестные русские князья, по отцовскому и дедовскому

обычаю, всегда сражались впереди своих дружин и всегда первые вступали в бой.

Поэтому и Святослав начал битву, кинув свое копьё в древлян. Копьё полетело между ушей его лошади и упало ей под ноги. Но этим княжьем дело было исполнено. “Князь уже начал!—воскликнули воевода и дядька.—Потягнем, дружина, по князе!” После жестокой сечи победа досталась киевлянам, а древляне разбежались по городам и заперлись в осаду. Ольга с сыном пошла прямо к Искоростеню, где был убит Игорь. Этот город знал, что ему пощады не будет, и поэтому боролся крепко. Великая княгиня простояла под городом все лето и не смогла его взять; тогда она послала в Искоростень послов сказать от ее имени: “Чего вы хотите досидеть? Все ваши города отдались мне, все ваши люди взялись платить мне дань и теперь спокойно обрабатывают свои нивы и пахут землю, а вы хотите, видно, помереть голодом, что не идете в дань”.— “Рады и мы платить дань,— отвечали горожане,— да ты хочешь мстить на нас смерть мужа”

“А я уже отомстила обиду мужа,— отвечала Ольга.— Во первых, когда пришли ваши первые послы в Киев творить свадьбу, потом со вторыми послами, и, наконец, когда правила мужу тризну. Теперь иду домой, в Киев. Больше мстить не хочу. Покоритесь и платите дань. Хочу умириться с вами. Буду собирать от вас дань легкую”

“Бери, княгиня, чего желаешь,— отвечали древляне.— Рады давать медом и дорогими мехами”.— “Вы обеднели в осаде,— говорит Ольга.— Нет у вас теперь ни меду, ни мехов; хочу взять от вас дань на жертву богам, а мне на излечение головной болезни — дайте от двора по три голубя и по три воробья”

Конечно, жители Искоростеня обрадовались такой легкой дани и прислали княгине птиц с поклоном. Ольга объявила, чтобы они жили теперь спокойно, так как наутро она отступит от города и пойдет в Киев. Услышав такую весть, горожане обрадовались еще больше и разошлись по дворам спокойно спать. А между тем Ольга раздала ратным людям голубей и воробьев, велела к каждой птице привязать горячую серу с трупом, обернувши в лоскут и завертевши ниткой, и как станет смеркаться, выпустить всех птиц на волю. Птицы полетели в свои гнезда, голуби в голубятни, а воробьи под застрехи. Город в один час загорелся со всех сторон; в ужасе люди повыбежали за городские стены, но тут и началась с ними расправа: одних убивали, других забирали в рабство; старейшин всех забрали и сожгли.

После этого наложена была на древлян тяжелая дань: по две черных куницы и по две белки, кроме прочих мехов и меда, на каждый двор. Вот как отомстила Ольга, как добрая и верная жена, за смерть своего мужа. И за эту жестокую месть, которую она совершила с такой хитростью и мудростью, народ прозвал свою княгиню *умнейшей от человек*.

Такова была язычница Ольга.

Показав себя мудрой в деле мщения за смерть Игоря, Ольга показала себя такой же мудрой и в делах управления Русской землей во время малолетства князя Святослава.

Вся княжеская деятельность Ольги тем особенно и прославляется, что она установила *хозяйственный* порядок по всей Русской земле. На другой же год после сожжения Искоростеня княгиня начала объезжать самолично всю Русскую землю вдоль и поперек; она устанавливала правила и порядок во всех земских делах, устраивала *погосты*, куда могли съезжаться гости для торговли, определяла оброки, назначала участки для ловли зверей и своей высокой справедливостью и участливым отношением к нуждам народным приобрела большую любовь всей Русской земли. “Все на этом свете остроумная Ольга искала мудростью”, — говорит преподобный Нестор.

Изыскивая и испытывая, что творилось в Русской земле, чем и как жила эта земля, объехавши всю эту землю из конца в конец, Ольга пришла, наконец, к великому решению — воспринять веру Христову.

Для этого великая княгиня в 955 году решила сама совершить трудное и опасное путешествие в Царьград, где в это время царствовали императоры Роман и Константин Багрянородный.

Ольга присоединилась к обычному торговому каравану, взяв с собой шестнадцать знатных боярынь своих родственниц и восемнадцать придворных женщин, кроме прочих слуг.

По прибытии в Царьград нашего каравана судов подозрительные греки долго не пускали в город Ольгу и ее приближенных, пока не убедились в цели ее прибытия, и тем даже вызвали ее неудовольствие.

Наконец, 9 сентября, наша княгиня была торжественно принята царями в их великолепном дворце, который строился в течение шестисот лет, еще со времени святого равноапостольного императора Константина Великого.

Когда подъезжаешь к Царьграду от Черного моря, тоходишь сначала в морской пролив Босфор, по обеим сторонам которого видны населенные берега. В конце Босфора, направо — длинный морской залив, называемый Золотой Рог. Высокий береговой угол между Босфором и Золотым Рогом и есть место Царьграда. Весь город стоит на семи холмах. Царский двор начинался тогда на самом берегу моря и шел все выше и выше в гору; палаты царские стояли на высоком холме, а против них — тоже на холме — дивный храм Святой Софии — Премудрости Господней. Кругом города, у самой воды, стояли каменные стены с четырехугольными башнями. Подъезжающим путникам из-за стен ближе всего на холме виднелись золотые царские палаты; подле них золотой дворцовый собор, а дальше — тоже палаты и церкви, церкви и палаты, и над ними всеми величественный храм Святой Софии с громадным куполом, как венец всего города. Зрелище было дивное.

Высадившись у входа в царский дворец, великая княгиня Ольга со своими спутниками вступила на великолепный двор, вымощенный мрамором и другим дорогим камнем; на дворе этом стояли огромные, литые из меди

статуи знаменитейших императоров и высокие столпы из мрамора. Посередине же помещался огромный четырехугольный и сквозной столп, составленный из нескольких столпов и сводов. На нем возвышался большой крест с предстоящими царями Константином и царицей Еленой, взиравшими на восток; такое же изображение креста находилось на особом возвышении к западу от этого огромного сквозного столпа, а к востоку от него помещалась на другом столпе статуя равноапостольного царя Константина с изображением сияния вокруг головы, о котором говорили, что оно сделано из гвоздей, коими был пригвожден к кресту Спаситель. К этому же двору примыкал с одной стороны великолепный царский дворец, а с другой — собор Святой Софии.

Таким образом, на этом дворе княгиня Ольга могла видеть все, чем было сильно и славно Греческое царство. А сильно оно было крепкой верой в заступление Богоматери, Софийский храм которой выдвигался на самую площадь, с особой крестильницей для всех, ищущих Святой Веры. Сильно, славно и победоносно было это царство и Святым Крестом, изображения которого господствовали над площадью. Наконец, славно оно было также первым царем — христианином, святым равноапостольным Константином.

Войдя с этого двора во дворец, великая княгиня вместе со своими спутниками проследовала по многим великолепным палатам, дивно украшенным драгоценными камнями, золотом и серебром, с затейливыми водоемами, литыми зверями, хитро устроенными часами и золотыми и серебряными органами, которые чудно гудели, когда хоры певчих воспевали славословье императорам. Наконец княгиня Ольга вошла в царскую приемную палату, которая была построена святым равноапостольным Константином и называлась Большой Золотой палатой.

Она имела вид церкви и была расположена от запада к востоку и отличалась особенным великолепием своего убранства. В вышине свода палаты помещалось изображение Господа Вседержителя, сидящего на престоле, а восточная часть палаты была устроена как алтарь, на несколько ступеней выше перед всей остальной палатой, так что туда поднимались по ступеням из зеленого мрамора. Это царское возвышение отделялось от палаты четырьмя столпами, по два с каждой стороны. Между столпами ниспадали дорогие занавеси, закрывавшие в обыкновенное время это царское святилище.

Возле этого места стоял огромный золотой орган, блиставший дорогими камнями и украшениями и называвшийся царским. В других местах палаты стояли еще два органа — серебряные. В глубине же этого алтаря стоял царский престол — золотой трон, весь усыпанный драгоценными камнями и называемый Соломоновым престолом по той причине, что он был устроен по образцу престола иудейского царя Соломона, сына Давидова. У престола были ступени, на которых по обеим сторонам лежали золотые львы. Это были чудные львы: в известное время они поднимались на лапы и издавали

рев и рыкание, как живые. Сверху у трона сидели две большие золотые птицы, которые тоже, как живые, пели.

Но еще чудеснее было стоявшее неподалеку от трона золотое дерево, тополь, или явор, на котором сидело множество золотых же птиц разной породы, изукрашенных цветными камнями, которые точно так же в известное время все воспевали, точно живые.

Возле престола возвышался, как знамение победы, огромный золотой крест императора Константина Великого, покрытый драгоценными камнями. Пониже престола помещались золотые седалища для членов царского дома.

Во время приемов по стенам развешивались царские золотые одеяния и венцы. Ранее прибытия княгини Ольги в Большую Золотую палату в нее проследовал греческий царь, одетый в свой богатейший царский наряд; он с молитвой повергся на землю перед изображением Господа Вседержителя на своде палаты, а затем уселся на Соломоновом троне. В это время вход в палату был закрыт богатыми занавесями. При приближении нашей великой княгини занавеси в дверях поднялись, и придверники с золотыми жезлами в руках пропустили сперва греческих бояр и чиновников по разрядам, причем каждый разряд входил особо и размещался по сторонам палаты.

Напоследок вошла великая княгиня Ольга в сопровождении шести русских княгинь и восемнадцати боярынь.

Увидев царя, она приостановилась. В это время заиграли органы и трубы. Затем один из старших греческих сановников спросил ее о здоровье, а два золотые льва Соломонова трона вдруг заревели, птицы же на троне и на деревьях засвистали разными голосами; при этом львы на ступенях трона поднялись также на задние лапы.

После этого императору были поднесены русские дары — дорогие собольи меха, и Ольга вступила с ним в беседу.

Когда княгиня, поговоривши с царем, стала выходить из палаты, то снова заиграли органы, послышался львиный рев, засвистали птицы, и звери также двигались на ступенях трона. От царя Ольга проследовала по дивным палатам в приемную к императрице, которая также приветствовала ее со своего трона, а затем просила Ольгу пройти в священную царскую спальню, куда прибыл и царь; здесь царь с царицей и наша княгиня беседовали уже по домашнему.

После этой домашней беседы в тот же день состоялся и торжественный обед в честь русской великой княгини.

Во время этого обеда два хора соборных певчих, от церкви Святых Апостолов и от Святой Софии, воспевали гимны в честь императорской семьи, и тут же разыгрывались разные представления, состоявшие из плясок и других игр. Действие открывалось гимном:

“Ныне давший власть в руки твои Бог поставил тебя самодержцем и владыкою! Великий Архистратиг, сошед с неба, отверз пред лицом твоим

врата царства! Мир, поверженный под скипетр десницы твоей, благодарит Господа, благоизволившего о тебе, государь! Он чтит тебя, благочестивого императора, владыку и правителя!” Затем следовала пляска, после хоровые песни, и так продолжалось до конца обеда.

По окончании стола в покоях царицы было приготовлено послеобеденное угощение на небольшом золотом столике в золотых тарелках и блюдах, осыпанных дорогими камнями. Здесь сидели по своим местам цари Константин Багрянородный и другой царь — его сын Роман, царские дети, невестки царя и русская княгиня.

Затем княгине Ольге были поднесены подарки на золотом, осыпанном драгоценными камнями блюде. Одарены были также и все ее приближенные.

По рассказу нашего летописца, один из греческих царей, восхищенный умом Ольги, сказал ей: “Подобает тебе царствовать в этом граде с нами”. Но наша мудрая княгиня, уразумев, чего желает царь, ответила ему: “Я ведь язычница. Если хочешь, то крести меня сам, иначе не крещуся”. Тогда царь поручил ее патриарху Полиевкту, который, наставив в учении Христовой веры, крестил ее вместе с царем, причем после крещения Полиевкт благословил ее словами: “Благословенна ты между женами русскими, что возлюбила свет и отвергла мрак; и будут тебя благословлять сыны русские до скончания их рода”. Потом патриарх преподавал ей наставления о церковном уставе, о молитве, о посте, о милостыне, о чистоте телесной. Она стояла с наклоненной головой и внимательно слушала его, а затем промолвила: “Твоими молитвами да сохранит меня Господь от всякой неприязненной сети”. После этого царь объявил ей, что хочет взять ее себе в жены. “Как же ты хочешь меня взять, ведь ты крестил меня и нарек дочерью, а у христиан такого закона нет”, — ответила Ольга. “Переключкала (перехитрила) ты меня, Ольга!” — воскликнул на это недогадливый царь.

В воскресенье, 18 октября, Ольга вторично была торжественно принята царями и царицей, одарена подарками и стала собираться затем в Киев. Перед самым своим отъездом она была у патриарха для испрошения благословения и говорила ему: “Народ мой и сын мой — язычники; когда б Бог соблюл меня от всякого зла”. — “Чадо верное, — отвечал ей патриарх, — крестясь во Христа, ты облеклась в Христа; Он сохранит тебя”. Затем патриарх дал на благословение Ольге крест, который долго сохранялся в Киеве и после нее.

Прибывши в Киев, Ольга привезла с собой несколько умных священников и построила деревянный храм Святой Софии; он был украшен иконами, присланными ей патриархом.

Вместе с Ольгой возвратились в Киев и ее спутницы, из которых многие, несомненно, тоже крестились со своей великой княгиней. Величие и чистота новой веры и христианская жизнь, виденные ими в Царьграде, конечно, произвели большой переворот в их душах. Они стали влиять на своих близких, чтобы те оставили язычество и приняли крещение. Особенно старалась Ольга, чтобы ее сын Святослав принял христианство. Но Святослав

отвечал на это матери: “Как я приму один новый закон; дружина моя будет смеяться надо мной!” И действительно, дружина его не только смеялась над переходившими в христианство, но иногда и грубо оскорбляла их. Все это глубоко огорчало великую княгиню.

Однако недалеко уже было то время, когда надлежало озариться всей русской земле Святой Христовой Верой.

После своего крещения великая княгиня прожила еще двенадцать лет, в течение которых посетила свою родину. Там, обозревая местность нынешнего Пскова и стоя на берегу реки Великой, где тогда был густой лес и многие дубравы, она увидела три светоносные луча, как бы падающие с неба на крутой противоположный берег. Равноапостольная княгиня водрузила крест на этом месте и предрекла, что здесь будет храм Святой Троицы и воздвигнется великий и славный город. На месте, где стояла великая княгиня, ныне устроена часовня, при которой имеется источник с целебной водой.

**Буйств, бесчинств** (*Прим автора*)



128. Охота с прирученным барсом на оленей

Из греческой рукописи X века

## ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Святослав. Его детство. Первое боевое крещение. Его походы. Доростол. Смерть Святослава. Ярополк и убоицы с братьями. Владимир язычник. Крещение Руси. Княжение святого Владимира.

Ока княгиня Ольга готовила себя к восприятию Святого Крещения и, наконец, совершила для этого далекий путь в Царь-град, выросал и мужал Святослав. Еще с малых лет стал он делать княжеское дело. Четырехлетним малюткой он храбро повел свою дружину в бой с древлянами, чтобы отомстить за смерть отца, и первый бросил в них свое копьё. Первое дело его жизни был бой, и бой открытый, прямой, отважный, и, по языческому обычаю, святой, так как он мстил за отца. И каким показал себя Святослав в своем первом бою маленьким ребенком, таким оставался он и всю жизнь — прямым, отважным и честным.

Оставшись после отца по четвертому году, Святослав был передан умной матерью из женских теремов на руки дядьки, а собственно, на руки дружины

Тогда водилось, чтобы в это время ребенку делались с большим торжеством *постриги*, торжественное стрижение первых волос, которое, как обычай, шло из далекой древности и могло заключаться в том, что голову кругом стригли под гребенку, оставляя заветный чуб на лбу, с которым всю жизнь и ходил Святослав Тут же ребенка сажали на коня и справляли веселым пиром общую радость всей дружины Дружина и заезжие гости, которые созывались на торжество, получали при этом богатые подарки золотыми и серебряными сосудами, дорогими мехами, паволоками, одеждами и особенно конями Это было дружинное посвящение ребенка в князя, в ратники Вот почему маленький Святослав выехал на древлян на коне он был уже в постригах, в посвящении.

Конечно, при жизни отца он еще не скоро выбрался бы из-под опеки матери, но теперь он стал князем вполне Он один был князем во всей Русской земле и потому должен был тотчас перейти на руки дружины, которая стала для него родным отцом, воспитателем и кормильцем.

Вот почему, как прямой сын дружины, Святослав и не поддался на сторону матери, когда она уговаривала его принять христианство, тем более что все свое детство и молодость Святослав прожил не в Киеве, а в Новгороде, куда новгородцы выпросили его, так как не любили сидеть без князя, а известно, что именно в Новгороде еще со времен Аскольдовых была особенная ненависть к киевским христианам. Дружина Святослава была на диво подобрана: в ней были собраны богатыри и храбрецы со всей Русской земли, безразлично, к какому бы славянскому племени они ни принадлежали. Это были настоящие сыны своей великой Родины и преданные слуги и друзья своего князя. Сам Святослав ничем не отличал себя от дружины и заодно с ней переносил все труды и лишения походной жизни. Он не возил за собой повозок с разным добром, чтобы утешаться на отдыхе сладкой пищей, хорошим питьем или мягкой постелью. Он не брал с собой даже котла и не варил мяса, а потоньше изрезав конину, зверину или говядину, жарил прямо на углях, быть может, на копье или мече, и так и ел. Он не возил с собой шатра, чтобы укрыться во время отдыха, но, расстелив на земле подседельный войлок, в голову клал седло и отлично спал под открытым небом. Так же жила и вся его дружина. Вот почему, ведя многие войны, он со своей дружиной стремительно и легко, как *барс*, переносился из одной страны в другую и потому без боязни посылал врагам сказать: “Хочу на вас идти”.

Выросши и возмужав и собрав много храбрых, Святослав в 964 году направил первый свой поход на Волгу, где у хазар, бур-гасов и камских болгар изменнически погибла русская рать, возвращавшаяся в 914 году из похода по Каспию. Теперь внуки шли, по языческому обычаю, мстить за смерть своих дедов.

Выйдя на лодках из Киева по Десне, Святослав волоком перетащил свои суда в реку Оку, чтобы следовать по ней к Волге. По Оке жило в это время славянское племя вятичей, еще не приведенное под руку русского князя.

“Кому дань даете?”—вопросил их Святослав. “Хазарам дань платим”,—отвечали вятичи. Святослав промолчал и поплыл дальше. Разумный князь понял, что невыгодно ему покорить вятичей и, тем возбуждив их против себя, оставить в своем тылу, когда впереди на Волге было много дела; поход мог кончиться неудачей, а потому на обратном пути и выгоднее было встретить в вятичах друзей, а не врагов.

Этот первый поход Святослава продолжался более трех лет и был необыкновенно счастливым; после него, по словам арабских писателей, не осталось следа ни от камских болгар, ни от буртасов, ни от хазар. Святослав уничтожил главный город камских болгар— *Болгары*; разгромил хазарский Саркел, или Белую Вежу, на Дону, а затем, спустившись к югу, покорил воинственные племена ясов и касогов, жившие на Северном Кавказе в нынешней Кубанской области. Наконец, победоносный Святослав на обратном пути подчинил себе и вятичей и возложил на них дань. Огромную добычу привезла с собой в Киев и его храбрая дружина из своего далекого и славного похода на восток.

С тех пор богатая Волга уже перестает быть хазарской, или камско-болгарской, а начинает становиться чисто русской рекой.

Недолго сидел Святослав в Киеве. Вскоре по возвращении из его славного похода к нему прибыл посланный от греческого императора Никифора Фоки знатный вельможа и сын корсунского градоправителя по имени Калокир.

Калокир привез Святославу много драгоценнейших даров, в числе которых было 27 пудов чистого золота, и просил от имени императора помочь грекам против дунайских болгар. Дело в том, что греки при нескольких императорах платили из года в год дань болгарам. Когда же воцарился Никифор Фока и прославился своими победами над арабами, то ему показалось очень обидным платить дань болгарскому народу; поэтому, когда болгарские послы прибыли в Царьград за ежегодной данью, то Никифор Фока в торжественном собрании всего двора велел их бить по щекам и всячески оскорблял на словах; затем он пошел войной на болгар, но вскоре, однако, увидел, что совладать с ними ему одному не под силу. Вот тогда он снарядил Калокира с богатыми дарами просить помощи русского князя. Передав Святославу поручение императора, Калокир, человек отважный и хитрый, увидел, какую грозную силу представляют русские, и понял, что с их помощью можно покорить не только болгар, но и достигнуть царского греческого престола. И вот Калокир начинает обдумывать дело совсем по-другому, нежели как приказывал ему царь Никифор. Он вознамерился сам заместить с помощью русских этого царя и овладеть Греческим царством; русскому же князю за ратную помощь в этом деле он предложил предоставить всю Болгарскую землю.

Смелое, отважное и великое предприятие было по душе нашему Святославу. Покорив Болгарию, он рассчитывал привести под единую русскую руку еще одно славное славянское племя.

В августе 967 года Святослав с шестьюдесятью тысячами храбрецов спустился обычным русским путем по Днепру в Черное море, а затем приблизился к Дунаю и, быстро высадившись на берег, смело напал на болгар. Те не выдержали, побежали и заперлись в крепости Доростоле, а болгарский царь Петр так огорчился этим неожиданным нападением русских, что у него отнялись руки и ноги.

Русские прошли по Дунаю, как и по Волге, страшной грозой и возвратились на зиму домой с неисчислимой добычей. На другой год, в 968 году, Святослав снова явился на Дунае и быстро, как барс, переносясь с одного места на другое, забрал восемьдесят болгарских городов. После этого он сел княжить в городе Переяславце на Дунае. Калокир оставался при нем и из Переяславца продолжал строить свои козни, чтобы завладеть греческим престолом. Однако царь Никифор скоро прозрел и узнал, что замышляет против него коварный Калокир. При этом Никифор увидел также, что он сделал большую ошибку, призвав против болгар русских, так как этим призыванием он нажил себе нового сильного соседа, гораздо более грозного, чем болгары. И вот, забыв свою гордость, Никифор послал послов мириться с болгарями, напоминая, что болгары такие же христиане, как и греки, а потому и должны жить вместе в дружбе и любви. При этом Никифор, в утверждение дружбы, просил болгар прислать невест царского рода для сыновей бывшего императора Романа.

Болгары пошли, конечно, на мир и союз с греками с большой радостью.

Первым их делом против общего врага — русских, был подкуп печенегов, чтобы те напали на Киев и тем вызвали из Переяславца и самого Святослава.

Так и случилось.

Летом 968 года печенеги подкрались врасплох к Киеву и обступили его в огромнейшем количестве.

В городе затворилась Ольга с тремя малолетними внуками. Дружина же, по какому-то случаю, находилась на той стороне Днепра и даже не ведала об опасности. В Киеве скоро пришлось очень круто, и люди стали изнемогать от голода и жажды, так как достать воды из Днепра не было возможности. Надо было во что бы то ни стало уведомить дружину, стоявшую на том берегу; но как это было сделать, когда печенеги плотным кольцом окружили город?

Наконец один русский молодец нашелся. Молодец этот был *мальчик*, отрок, еще не вошедший в юношеский возраст. Умея отлично говорить по-печенежски, он незаметно перелез через городскую стену в поле с уздой в руках и затем смело стал расхаживать между печенегами и спрашивать всех, не видал ли кто его коня? Печенеги принимали его за одного из своих и старались помочь его беде. Таким путем он незаметно дошел до берега Днепра. Здесь он быстро скинул с себя одежду, бросился в реку и поплыл к тому берегу. Печенеги догадались об обмане, начали стрелять по нему, но не могли уже попасть — он был далеко, а русские с той стороны выехали ему навстречу в лодке и перевезли на другой берег. Он заявил им: “Если не

подступите завтра к городу, то люди хотят сдаться печенегам”. На это русский воевода по имени Претич сказал: “Подступим завтра в лодках, как-нибудь захватим княгиню с княжатами и умчим на эту сторону; а не то Святослав погубит нас, как воротится”. Все согласились, а на другой день на рассвете, севши в лодки, громко затрубили в трубы; люди в городе радостно откликнулись им. Печенеги подумали, что пришел Святослав, и отбежали от города, а тем временем Ольга с внуками успели сесть в лодку и переехать на другой берег. Увидя это, печенежский князь просил свидания с воеводой Претичем. Они съехались вместе. Печенег спросил: “Кто это пришел?” Претич отвечал: “Люди с той стороны”. — “А ты князь ли?” — спросил опять печенег. “Нет, я муж княжой,— сказал Претич,— и пришел в сторожах, а по мне идет полк с князем, бесчисленное множество войска”. Тогда печенежский князь сказал воеводе. “Будь мне другом”. Тот согласился. Оба подали друг другу руки и разменялись подарками; князь печенежский подарил Претичу коня, саблю, стрелы; Претич одарил его броней, щитом и мечом. После этого печенеги отступили от города, но стали так близко, что русским нельзя было коней напоить за городом.

Но все же таким образом, благодаря бесстрашию и находчивости несравненного героя-отрока, город избежал губительной сдачи. Бесконечно жаль, что в летописи не сохранено имя этого мужественного мальчика. Киевляне тотчас же послали сказать Святославу: “Ты, князь, чужой земли ищешь и чужую землю соблюдаешь, а от своей совсем отрекся. Чуть было нас не взяли печенеги вместе с матерью твоей и детьми! Если не придешь и не оборонишь нас, опять нас возьмут. Или тебе не жаль своей отчизны, своей старой матери и детей своих?” Услышав эти вести, Святослав немедленно сел с дружиной на коней, барсом перескочил с Дуная в Киев, расцеловал свою мать и детей и далеко прогнал печенегов.

Однако недолго оставался после этого Святослав со своими. Мирная жизнь в Киеве была ему не по нраву. Он постоянно помышлял о Болгарии. Там могло свиться еще одно могучее гнездо для Руси; там ожидали князя славные и великие дела.

Наконец, весной 969 года, Святослав сказал матери и боярам: “Не люблю мне жить в Киеве. Хочу жить на Дунае, в Переяславце. Тот город есть середина моей земли. Туда сходится все добро: от греков — золото, паволоки, вина, овощи различные; от чехов и венгров — серебро и кони; от Руси — меха, воск, мед, челядь”. На это княгиня Ольга, изнемогавшая от старости и болезни, ответила сыну: “Видишь, я больна; куда ты хочешь от меня идти? Ты похорони меня, а гам и иди, куда желаешь!” Спустя несколько дней она скончалась. Плакали по ней сын и внуки, плакали все люди великим плачем. Плакали по ней христиане, теряя твердую опору для своей жизни в Киеве; плакали и язычники, теряя в ней мудрейшую устроительницу Русской земли.

Перед смертью равноапостольная княгиня заповедала не справлять над ней языческой тризны и не насыпать кургана, а похоронить по христианскому обряду, что и совершил ее духовник. Кроме того, она послала деньги на

поминовение души своей царьградскому патриарху. Святая Ольга была погребена близ Аскольдовой могилы. Ее мощи в малом каменном гробу, где она почивала, как спящая, были впоследствии положены у самого основания Десятинной церкви в Киеве.

Оплакав свою святую мать, Святослав собрался покинуть Русскую землю. Он посадил в Киеве на княжество своего старшего сына Ярополка, которому было лет девять или десять, а другого — Олега — посадил у древлян.

Когда Святослав собрался уже отправиться в свой любимый Переяславец-Дунайский, то к нему пришли новгородские люди просить себе князя, так как новгородцы, как мы уже видели, очень не любили быть без князя и управляться посадниками. “А если не пойдете к нам, то мы на стороне отыщем себе князя”, — сказали новгородцы Святославу. “Только бы кто пошел к вам”, — ответил Святослав и объявил новгородскую просьбу своим сыновьям. Ярополк и Олег отказались. Тогда Добрыня, посадник новгородский, надоумил новгородцев: “Просите Владимира!” Владимир был сын Святослава от Ольгиной ключницы Малуши, а Добрыня был брат Малуши и, стало быть, дядя Владимиру. “Отдай нам Владимира”, — сказали тогда новгородцы Святославу. “Вот он вам!” — ответил Святослав, отдавая новгородцам малютку с рук на руки. Посадивши, таким образом, в Новгород князем своего младшего сына, Святослав помчался с дружиной к Дунаю, в свой Переяславец.

За его отсутствие дела здесь сильно переменились. Болгары вошли в тесную дружбу с греками и успели не только обратно овладеть своей страной, но и самим городом Переяславцем.

Когда появились на Дунае ладьи с воинами Святослава, болгары в огромном числе вышли из города, и началась жестокая сеча. Болгары сильно теснили русских и одолевали уже их со всех сторон. Видя это, Святослав воскликнул: “Здесь нам погибнуть! Потягнем же мужески братья и дружино!” После этих слов князя воины напрягли все силы и к вечеру одолели город, взявши его приступом. После этого Святослав, как всегда быстро совершая свои походы, опять, подобно прыгающему барсу, стал брать болгарские города один за другим и вскоре завладел и столицей — Великой Преславой, где захватил самого болгарского царя Бориса со всей семьей и двором. Затем, узнав, что всему виной были греки, он поднялся на них и приказал им объявить: “Хочу на вас идти, хочу взять ваш город, как взял болгарскую Преславу”.

Получив это грозное объявление Святослава, царь Никифор стал спешно готовиться к отражению врага и укреплять Царьград. Он протянул даже через пролив железную цепь, чтобы русские не могли проникнуть и с моря. Во время этих приготовлений к войне со Святославом Никифор получил тяжелую весть, что войска его в Малой Азии разбиты арабами, а вслед за тем, совершенно неожиданно, в декабре 969 года он был коварно убит в своем же дворце.

Его убийцами были сама царица и воевода *Иван Цими-схий*, который после этого вступил на греческий престол. По своему происхождению Иван Цимисхий был армянин, и имя Цимисхий по-армянски значило — маленький. Однако, несмотря на свой малый рост, новый царь был замечательно искусным воином и при этом необыкновенно ловким и сильным человеком. Вступив на престол на 46-м году жизни, он сохранил еще полностью всю свою силу и не страшился кидаться один на целый неприятельский отряд, так как, обладая исполинской силой в руках и ногах, он мог быстро побить множество врагов, а затем быстро же отбежать к своим. В прыганье, в игре мячом, в метании копий, в натягивании луков и в стрельбе он превосходил всех людей того времени. Поставив рядом четырех коней, он прыгал затем, как птица, и садился на самого последнего. Он так метко стрелял в цель, что мог попадать в отверстие кольца. Таков был Иван Цимисхий, с которым предстояло померяться теперь Святославу.

Верный своему слову взять Царьград, русский князь весной 970 года перешел Балканские горы, занял город Филиппополь и направился дальше, к Царьграду. Тогда Иван Цимисхий, видя наступление русских и получая известия об успехах арабов над его войсками в Малой Азии, а также и ввиду того, что во всем царстве третий год свирепствовал голод, решил, чтобы оттянуть время, искать со Святославом мира, а против арабов послал сильное войско.

Чтобы узнать, сколько у русских войска, греки послали сказать Святославу, что они не в силах бороться с ним и готовы уплатить дань на всю дружину по числу людей, почему и просят сказать, сколько у него счетом всего войска. Святослав понял их намерение и, чтобы скрыть свою малочисленность, сказал, что у него двадцать тысяч человек, когда на самом деле было всего только десять тысяч. Узнавши число русских, греки дани не дали, а собрали стотысячное войско и вышли Святославу навстречу. Вражеские рати сошлись друг с другом у Адрианополя. Видя огромное превосходство в силах у греков, русская дружина пала духом. Но не пал духом доблестный Святослав. Перед боем он сказал своим воинам: “Уже нам некуда деться. Волей или неволей пришлось стать против греков. Так не посраим же земли Русской, ляжем тут костьми. Мертвым нет срама. Если победим, то осраим себя, но убежать не сможем. Станем же крепко, а я пойду перед вами. Если моя голова ляжет, то промышляйте о себе”. — “Где твоя голова ляжет, там и мы свои головы сложим”, — отвечала дружина своему великому князю. Затем русские построились к бою, и после жестокой сечи греки были обращены в полное бегство. Святослав же подошел к Царьграду, воюя и разбивая встречные города. Видя это, Иван Цимисхий собрал свою боярскую думу в царских палатах и сказал им: “Что нам делать? Нельзя бороться со Святославом”. — “Пошли к нему дары, — отвечали бояре, — и испытаеть его, на что он больше польстится — на золото, или на ткани дорогие”. Цимисхий послал Святославу золото и ткани, а с ними мужа мудрого, которому наказал: “Смотри хорошенько ему в лицо”.

Святославу объявили, что пришли греки с поклоном. Он велел их ввести; греки пришли, поклонились, разложили перед ним золото и ткани. Святослав, смотря по сторонам, сказал отрокам своим: “Спрячьте это”. Послы возвратились к царю, который опять созвал бояр, и послы стали рассказывать: “Как пришли мы к нему и отдали дары, то он и не посмотрел на них, а велел спрятать”. Тогда один боярин сказал царю: “Поиспытай-ка его еще, пошли ему другие дары”. И вот послали Святославу меч и разное другое оружие; он его принял, стал хвалить, любоваться и велел передать поклон и благодарность Ивану Цимисхию.

Когда послы вернулись и рассказали об этом, то, подумавши, бояре держали такую речь царю: “Лют должен быть этот человек, что на богатство не смотрит, а оружием радуется; делать нечего — станем платить ему дань”. После этого Цимисхий послал сказать Святославу: “Не ходи к Царю-городу, но возьми дани, сколько хочешь”. И послал ему столько дани, сколько он пожелал, причем Святослав брал и за убитых, говоря: “Род их возьмет”. Вероятно, в это время между ним и Цимисхием состоялось и личное свидание. Затем Святослав, взявши много даров, возвратился в Переяславец с большой честью.

Отвративши беду от Царьграда и заплативши большую дань Святославу, Цимисхий стал тотчас же готовить огромное войско, чтобы на этот раз, наконец, победить русских. Он поспешно вызвал свои полки из Малой Азии, где они воевали с арабами, а для охраны своей особы набрал себе полк отчаянных храбрецов, назвав их и сам полк “бессмертными”.

Святослав тоже не дремал: к русской дружине он присоединил часть покоренных болгар, призвал на помощь печенегов и венгров и вновь прошел от Переяславца до Адрианополя, производя повсюду страшные опустошения, а затем возвратился к себе на Дунай.

Как только наступила весна 971 года, Иван Цимисхий, поднявши крестные знамена, изготовился в поход против русских.

Прямо из дворца пошел он прежде всего молиться в храм Христа Спасителя, оттуда в славную церковь Софию, а затем и в храм Богоматери Влахернской, избавительницы Царьграда от нападений той же Руси.

Из Влахернского дворца император любовался на собранные в заливе огненосные суда, числом 300, смотрел искусное и стройное их плавание и примерное сражение и, наградив гребцов и воинов деньгами, повелел им идти на реку Дунай, чтобы запереть русским возвращение домой. Корабли поднимались по Дунаю, а император тем временем дошел до Адрианополя. Здесь он с радостью узнал, что о русских нигде не было слышно, и что тесные и опасные горные проходы в Балканских горах, называемые *мышками*, были оставлены Святославом без внимания и защиты. Он быстро прошел эти опасные проходы со своим полком “бессмертных”; за ним следовало пятнадцать тысяч пехоты и тринадцать тысяч конницы. Все же прочее огромное войско с обозами и осадными орудиями шло позади, не спеша.

Пройдя горные проходы, Цимисхий неожиданно напал на русский отряд, занимавший болгарскую столицу Преславу, где содержался пленный царь Борис с женой и двумя детьми, а также и известный грек Калокир, замышлявший при помощи Святослава овладеть царьградским престолом.

После жестокой битвы Цимисхий занял Преславу, а оставшиеся русские храбрецы, в числе семи тысяч человек, засели в крепком кремле. Калокир же ускакал в крепость Доростол на Дунае, чтобы предупредить Святослава, который находился там в это время.

Обласкав болгарского царя Бориса и обещав ему свою помощь против русских, Цимисхий стал водить свои войска на приступ, чтобы взять преславский кремль, где заперлись наши храбрецы.

Однако овладеть Русью в этом убежище не было никакой возможности; сам император лично пускался на приступ, но без успеха: греки падали у стен кремля, как снопы. Тогда Цимисхий велел со всех сторон поджечь кремль.

Чтобы не сгореть живыми, русские вышли в поле, отбиваясь до последнего, и полегли все семь тысяч; только воевода Сфенкел с малой дружиной пробил себе дорогу и ушел к Святославу.

Овладев Преславою, Цимисхий радостно отпраздновал здесь Светлый праздник, а к Святославу отправил пленных рассказать, что случилось, и объявил русскому князю, чтобы немедленно выбрал одно из двух: или с покорностью положил бы оружие и, попросив прощения в дерзости, сейчас же удалился бы из Болгарии, или готовился защищаться, чтобы принять конечную гибель.

Святослав, получив эти вести, решил померяться с Цимисхием у крепости *Доростол*.

Доростол было то место на Дунае, где равноапостольный царь Константин увидал перед победой на небе крестное знаменье и слышал глас с неба: “Сим победиши”. В память этого чуда он и основал крепость Доростол, прозываемый ныне Силистрией.

Цимисхий двинулся через несколько дней к Доростолу и на пути забрал много болгарских городов, которые отлагались от Руси и сдавались ему беспрекословно.

Тогда, чтобы остановить дальнейшую измену болгарского населения, Святослав захватил всех знатных родом и богатых болгар, числом до 300 человек, и велел им отрубить головы, а прочих в оковах запер в темницы.

Когда Цимисхий подошел к Доростолу, то Святослав вывел в поле всю свою ратную силу. Всего у него было только шестьдесят тысяч человек; у императора же гораздо больше. Сомкнув свои щиты и выставив копыя наподобие стены, русские встретили греков действительно как несокрушимая стена. Началась сильнейшая битва, и долго никто не мог осилить друг друга. Двенадцать раз победа была то на одной, то на другой стороне. Наконец император, распустив знамя империи, направился со своей конницей в тыл и

в крыло русским; наши, не имея своей конницы, чтобы отразить греческую, не выдержали, отошли и затворились в городе.

Греки пели победные песни и знатно угощались императором; но вместе с тем он поспешно укреплял свой лагерь валами и рвами, так как очень боялся нового нападения русских. Сделав один безуспешный приступ к городу, он стал поджидать для осады свои огненосные корабли. Как скоро эти страшные корабли показались на Дунае, греки подняли радостный крик. Тогда русские убрали свои ладьи поближе к городу и на другой день, с длинными до самых ног щитами и в кольчужных бронях, они снова вышли в поле перебиваться с греками. Опять долгое время победа была то на одной то на другой стороне, пока один из греков не поразил копьем русского храброго великана, воеводу Сфенкела. Тогда наши заперлись опять в городе.

С прибытием огненосных лодок, запиравших выход к Дунаю, Святослав увидел, что надо сесть в крепкую осаду, и потому в ту же ночь укрепил город глубоким рвом. Но у русских не доставало главного— съестных припасов. Добывать их приходилось каким-нибудь отчаянным средством.

И вот в одну темную ночь, когда лил сильнейший дождь, блистала страшная молния и гремели ужасные громы, две тысячи русских садятся в свои однодревки и бесстрашно отправляются отыскивать себе хлеба. Они успели обшарить все добрые места далеко по берегам реки и возвращались уже домой. В это время они заметили на одном берегу греческий обозный стан — людей, поивших коней, собиравших дрова и сено. Они бесшумно и быстро высадились из лодок, обошли греков через лес, внезапно разгромили их и с большой добычей вернулись в город. Весть об этом сильно поразила Цимисхия. Он объявил всем своим воеводам смертную казнь, если случится что-либо подобное впредь. С тех пор русские были окружены греками еще теснее; повсюду выкопаны были рвы, и поставлена стража на берегу реки, чтобы окончательно заморить Святослава голодом. Другого средства победить его греки не видели. Но, несмотря на такую тесную осаду, русские и не думали прятаться от греков, а постоянно делали внезапные вылазки, во время которых жестоко поражали их. При одной вылазке, когда русские очень старались истребить [греческие осадные орудия](#), выехал на них сам воевода, близкий родственник царю, Иван Кур-куй. Он был во хмелю, а потому скоро слетел с лошади. Богатое воинское убранство его, отделанное золотом, навело русских на мысль, что это царь Иван Пимисхий. Они бросились на него и мечами и секирами изрубили в мелкие части вместе с доспехами; отрубленную же голову вздернули на копье и поставили на башню, потешаясь, что закололи самого царя. Затем, ободренные этим делом, русские на другой день снова все вышли в поле и построились к битве. Греки двинулись на них всеми силами. Первый муж у русских после Святослава был храбрый воевода *Икмор'*, он происходил из простых людей и достиг звания первого вельможи исключительно своей доблестью. Икмор с яростью врезался в густой ратный строй греков и без пощады улицами укладывал их направо и налево. Тогда один из греческих богатырей, по имени Анемас,

извлек свой меч и, сильно разгорячив коня, бросился на русского исполина и поразил его так, что отрубленная вместе с правой рукой голова отлетела далеко на землю. Эта неожиданная смерть храброго Икмора сильно подействовала на наших, и они ушли за городские стены.

После этой битвы греки, обирая трупы наших убитых для добычи, были крайне поражены, найдя среди них много женщин, которые сражались в мужской одежде такими же беззаветными храбрецами, как их мужья и близкие люди. •

Как только после битвы этого дня наступила ночь и вошла луна, русские вышли в поле, собрали все трупы убитых к городской стене и сожгли их на кострах, заколов над ними, по языческому обычаю, много пленных и женщин. Затем, по рассказу греков, совершив эту кровавую жертву, они, также по языческому обычаю, погрузили в волны Дуная петухов и живых младенцев. Конечно, это были грудные дети тех матерей, которые погибли накануне в бою.

После этих обрядов и принесения жертв вошло солнце, и начался день. Святослав стал думать с дружиной, как быть и что предпринимать дальше? Одни советовали тихо, в глухую ночь, сесть на суда и спастись бегством. Другие говорили, что лучше просить у греков мира, так как уйти на ладьях тайно от огненосных кораблей невозможно. Все в один голос советовали прекратить войну. Тогда славный Святослав, вздохнув от глубины сердца, сказал дружине: “Если мы теперь постыдно уступим грекам, то где же слава русского меча, без труда побеждавшего врагов; где слава русского имени, без пролития крови покорявшего целые страны? До этой поры русская сила была непобедима. Деда и отцы наши завещали нам храбрые дела! Станем крепко. Нет у нас в обычае спасать себя постыдным бегством. Или останемся живы и победим, или умрем со славой. Мертвые срама не знают, а убежавши от битвы, как покажемся людям на глаза?” Так говорил Святослав.

Храбрые воины его не могли устоять против этой речи, и все восторженно решили лечь костями за славу русского имени. Между тем ночь уже прошла, и стало светать.

24 июля 971 года рано на заре все русские вышли из Доросто-ла и, чтобы никто не возвратился, заперли все городские ворота. Вскоре настала жестокая битва. День был необычайно знойный и душный. К полудню греки, томимые жаждой и изнывая от зноя, стали отступать; русские, хотя тоже страдали от жажды и зноя не менее греков, стали жестоко их преследовать и теснить. Тогда на помощь грекам явился сам Пимисхий со своими “бессмертными”; он ободрил свои войска и приказал привезти им воды и вина. После этого греки снова вступили в бой. Сражение, однако, долго шло равносильно: ни та, ни другая сторона не поддавались. Вот греки лукаво побежали. Русские бросились за ними. Но это была только хитрая уловка выманить наших в далекое поле. Затем произошла еще более ожесточенная схватка; в ней греческий воевода Феодор упал с коня. Обе рати бросились к нему. Русские хотели его убить, греки спасти. Воевода успешно защищал себя сам. Он

схватил за пояс одного русского и, размахивая им перед собой наподобие легкого щитика, отражал удары копий и мечей. Наконец греки спасли своего героя, и оба воинства, не уступив друг другу, прекратили битву.

Видя, что русских одолеть невозможно, Цимисхий задумал решить брань единоборством и послал Святославу вызов на поединок. “Лучше смертью одного прекратить борьбу, чем помалу губить и истреблять народ. Из нас двоих кто победит, тот пусть и останется обладателем всего”, — передали Святославу от греческого царя. Но Святослав не принял вызова, ожидая какой-либо хитрости от коварного Пимисхия; он с презрением приказал ему ответить: “Я лучше своего врага знаю, что мне полезно. Если царю жизнь наскучила, то на свете есть бесчисленное множество других путей, приводящих к смерти. Пусть он избирает, какой ему угодно!” После этого кровопролитное побоище возобновилось с новой яростью.

Долго не видно было, кто останется победителем. Греческий богатырь Анемас, поразивший накануне нашего славного великана Икмора, напал теперь на самого Святослава, который с бешенством и яростью руководил своими полками. Разгорячив коня несколькими скачками в разные стороны, Анемас поскакал прямо на нашего великого князя и, поразив его в плечо, повергнул на землю. Только кольчужная броня и щит спасли Святослава от смерти. Зато Анемас погиб тут же со своим конем под ударами русских копий и мечей. После этого в страшной ярости, с громкими и дикими криками русские бросились на греческие полки, которые, наконец, не выдержали необыкновенного натиска воинов Святослава и стали отступать. Тогда сам император с копьем в руке опять выехал со своими “бессмертными” навстречу бегущим грекам и остановил отступление. Загремели бубны, зазвучали трубы; греки вслед за царем оборотили коней и направились на русских.

Тут внезапно приблизилась с юга свирепая буря; поднялась пыль, полил дождь прямо в лицо русской рати, и кто-то на белом коне явился впереди греческих полков, ободряя их идти на врага, и чудесным образом рассекал и расстраивал ряды русских. Никто в греческом стане не видел этого воина ни прежде, ни после битвы. Его долго и напрасно искали по окончании боя, когда царь хотел его достойно наградить. Впоследствии распространилось мнение, что это был великомученик Феодор Стратилат, которого царь молил о защите и помощи, так как битва происходила в день празднования греками его памяти. Сказывали еще, что и в Царьграде в ночь накануне битвы некая девица, посвятившая себя Богу, видела во сне Богородицу, говорящую огненным воинам, ее сопровождавшим: “Призовите ко мне мученика Феодора”. Воины тотчас привели храброго вооруженного юношу. Тогда Богоматерь сказала ему: “Феодор! Твой Иоанн (царь), воюющий со скифами, в крайних обстоятельствах, поспеши к нему на помощь; если опоздаешь, то он подвергнется опасности”. Воин повиновался и тотчас ушел. С тем вместе исчез и сон девы.

Предводимые верой в святое заступничество, греки одолели русских и оттеснили их до самой стены города. Сам Святослав, израненный и истекавший кровью, не остался бы жив, если б его не спасла наступившая ночь.

Несмотря на свою досаду и гнев о потере рати, Святослав понимал, что дело проиграно, а потому, желая сохранить остатки дружины, послал на другой день утром к царю условия о мире; условия эти заключались в следующем, русские отдадут грекам Доростол и возвратят пленных; совсем оставят Болгарию и возвратятся на своих судах домой, для чего греки беспрепятственно их пропускают. Затем греки позволяют свободно привозить к ним из Руси хлеб, а посылаемых в Парыград русских купцов считают по старому обычаю друзьями.

Цимисхий очень охотно принял предложение мира, так как считал, что неожиданно одержал победу над русскими только благодаря чуду, и послал на каждого из русской рати по две меры хлеба; всего получивших хлеб было двадцать две тысячи человек; таким образом, из шестидесятитысячной рати Святослава в боях под До-ростолом погибло 38 тысяч храбрецов.

Цимисхий так обрадовался чудесному окончанию войны с непобедимым Святославом, что выстроил великолепный храм над могилой святого Феодора и на его содержание определил большие доходы. Самый же город, где почивали мощи, вместо Евхании, переименовал в Феодорополь. Затем он выстроил в Царьграде, в дворцовой ограде, новый храм Спасителю, не пожалев никаких издержек на великолепное его украшение. Кроме того, он сложил обременительную народную подать с домов и, наконец, повелел на греческих монетах изображать образ Спасителя и на обеих сторонах начертывать слова: “Иисус Христос Царь Царей”, чего прежде не бывало; последнее соблюдали и после бывшие императоры.

Вот как ценил свою победу над русскими под предводительством Святослава могущественный греческий император, храбрый и искусный воин и полководец Иван Цимисхий.

Через несколько дней после заключения мира перед отправлением русских домой бывшие враги свиделись на берегу Дуная.

Цимисхий прибыл верхом на коне, в позлащенном оружии, сопровождаемый великим отрядом всадников, в блистающих доспехах. “В это время,— рассказывает грек Лев Диакон, присутствовавший при свидании,— Святослав переезжал через реку в простой скифской ладье и, сидя за веслом, работал наравне с прочими, без всякого различия. Видом он был таков среднего роста — не слишком высок, не слишком мал; с густыми бровями, с голубыми глазами, с обыкновенным носом, с бритой бородой и с густыми длинными усами. Голова у него была совсем голая; только на одной ее стороне висела прядь волос, означающая знатность рода, шея толстая, плечи широкие и весь стан довольно стройный. Он казался мрачным и суровым. В одном ухе у него висела золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами, с рубином посредине. Одежда на нем была белая, ничем,

кроме чистоты, от других не отличная. Поговорив немного с императором о мире, сидя в ладье на лавке, он переправился обратно”. Таков был Святослав. Как простой воин, сидел он в ладье со своими дружинниками — гребцами и так же работал веслом, как и они. И в этой простоте и братском единении со своими воинами и была сила великого Святослава.

По примеру его и последующие русские государи всегда считали своим родным братом русского воина и всегда, когда требовали того обстоятельства, не гнушались делить с ним и тяжкий труд, и последний ломоть хлеба, и вместе бестрепетно клали с ним свой живот на поле брани.

Расставшись с русским князем, Пимисхий поспешил в Царь-град, где ему был оказан самый торжественный прием. Святослав же плыл домой по морю в своих однодревках. Он хотел достичь Киева обычным путем, водою, через днепровские пороги. Его старый воевода Свеналд советовал идти в обход на конях, потому что в порогах непременно сидят печенеги в засаде. Но Святослав не послушался Свеналдова совета; слишком уверен он был в греческом царском слове, так как Цимисхий обещал ему послать даже посольство к печенегам, чтобы не трогали возвращавшихся домой русских. Однако обычное коварство греков сказалось и тут: печенегам, кроме посольства, было также послано сказать: “Вот идет Святослав домой в Русь с малой дружиной, взявши у греков многое богатство и налоги бесчисленные”. Поэтому, когда Святослав подошел к порогам, то увидел, что они были уже заняты огромными полчищами печенегов. Пробриться сквозь них со слабыми силами было немислимо, и Святослав решил зимовать на Днепре же, несколько пониже порогов, в Белобережье. Тут у русских не хватило хлеба, настал великий голод, и питались они, конечно, одной рыбой.

Весной следующего 972 года Святослав все-таки пошел на пороги, где его ждал в засаде печенежский князь Куря, который напал на русских и перебил всю дружину вместе со Святославом. Спасся на конях и прибыл в Киев один только воевода Свеналд, несомненно отправленный Святославом раньше, чтобы собрать в Киеве дружину. Так погиб Святослав, самый воинственный из всех русских государей, на тридцать втором году от своего рождения, прокняживши двадцать восемь лет.

Убивший его печенежский князь Куря сделал из черепа его чашу, оковал ее золотом и пил из нее в память своей победы над великим русским князем.

После смерти Святослава Ярополк, сидевший в Киеве, остался старшим в княжеском роде. Ему было в это время не более пятнадцати лет. Еще моложе были: Олег — в Древлянской земле и Владимир — в Новгороде. Конечно, все дела делали не сами князья, а стоящие около них бояре. При Ярополке вскоре забрал большую силу воевода отца его — Свеналд. Как-то раз сын этого Свеналда, Лют, заехал в Древлянскую землю, охотясь за зверем. Надо сказать, что охота почиталась тогда важным и любимым занятием как князей, так и бояр; и действительно, леса были полны всякого зверя: медведи, лоси, огромные зубры, или туры, черные куницы, дикие кабаны, олени, козы попадались в большом изобилии.

Олег в этот день тоже выехал на охоту и узнав, что встретившийся ему Лют — сын Свеналда, приказал его убить. Это было в 975 году.

Конечно, Свеналд употребил все свои силы, чтоб отомстить за своего сына, и спустя два года уговорил Ярополка ополчиться и идти на брата в Древлянскую землю. Обе рати встретились, и войска Ярополковы победили полки Олега. Тогда Олег со своими бросился бежать; при входе в город Овруч на мосту среди беглецов произошло большое столпление, и Олега столкнули в ров, где он был задавлен падавшими на него трупами людей и лошадей.

Когда Ярополк вошел в Овруч, то он всюду приказал искать брата, но его нигде не было; наконец один древлянин сказал: “Я видел, как его спихнули вниз с моста”. Стали вытаскивать конские и людские трупы из рва и нашли на дне тело Олега. Когда его вынесли и положили на ковре, то Ярополк горько заплакал над трупом брата и с укоризной сказал Свеналду: “Смотри, вот чего ты хотел”. Похоронивши Олега у Овруча, Ярополк завладел и Древлянской землей.

Когда слух о братоубийстве дошел до Новгорода, то Владимир и Добрыня почуяли беду. Владимир, по обычаю кровавой мести, должен был мстить Ярополку за смерть брата, а потому ожидал, что брат, зная это, сам предупредит эту месть и постарается известить его. При таких обстоятельствах Владимир, видя свою слабость против Ярополка, решил идти за море, конечно, к своим родственникам — русским варягам, чтобы собрать большую рать и тогда уже идти с ней мстить за смерть брата.

Ярополк же после отбытия Владимира к варягам посадил своего посадника в Новгороде и стал единодержавцем на всей Руси.

Пока Владимир собирал военную силу у варягов, Ярополк пошел против печенегов, чтобы отомстить за смерть отца, покорил их и заставил платить себе дань. Затем к нему пришли греки, тоже с данью от нового царя Василия; этот Василий вступил на престол после Ивана Цимисхия, окончившего жизнь в больших муках от медленного яда, которым его отравили.

Ярополк ласково принял греческих послов и утвердил с ними старый мир и любовь. В Киеве в это время было уже много христиан, и православные греки были среди них, конечно, любимыми и желанными гостями. Сам Ярополк был воспитан своей бабкой — премудрой Ольгою в христианских правилах и не был крещен только потому, что она опасалась гнева его отца — Святослава. Жена Ярополка была также христианка; это была грекиня — монахиня, которую полонил еще Святослав и назначил своему юному сыну в жены за ее необычайную красоту.

Во время этих дружеских сношений Ярополка с греками Владимир, пробывши три года за морем, привел в 980 году варяжскую силу из-за моря и первым долгом прогнал ярополковых посадников из Новгорода, приказав им сказать брату: “Владимир идет на тебя, приготовляйся к войне”. Так говорил его отец Святослав, когда шел на врагов, так начал свой поход на брата и сын.

Но кроме того, что Владимир шел войной на Ярополка, он решил еще и отбить у него невесту. Дело в том, что будучи женат на греческой чернице, Ярополк в 980 году был также сговорен и с красавицей Рогнедой, дочерью полоцкого князя Рогволода (не из Рюрикова рода).

Собравшись на брата, Владимир послал и к Рогволоду послов— тоже просить руки его дочери. Рогволод, будучи в затруднении, кому из братьев отдать дочь, спросил ее, за кого она сама хочет. На это гордая Рогнеда отвечала: “Не хочу идти за сына рабыни, а хочу за Ярополка”. Ответ этот передали Владимиру, чем глубоко оскорбили не только молодого князя, но и дядю его, Добрыню, брата той самой Малуши, которую Рогнеда назвала рабыней.

И вот, чтобы смыть кровью полученную обиду, Владимир собирает своих варягов, новгородцев, чудь, кривичей и идет на Полоцк. После боя с полочанами Владимир взял город, убил на глазах Рог-неды ее отца и двух братьев, а затем силой заставил ее выйти за себя замуж; конечно, всем этим делом руководил Владимиров дядя, Добрыня, так как сам князь был еще очень молод — не больше шестнадцати или семнадцати лет от роду.

Покончив с мстью Рогнеде за обиду памяти своей матери, Владимир пошел на Ярополка — мстить за смерть брата Олега.

У Ярополка не было уже в это время старика Свеналда; его место, старшего боярина в дружине, занимал воевода Блуд.

Этот Блуд оказался предателем, так как тайно держал сторону Владимира и сносился с ним, а своему великому князю давал такие советы, которые должны были привести Ярополка к гибели.

Когда Ярополк узнал от своих выгнанных Владимиром посадников, что младший брат вернулся из-за моря и идет на него войной, то он хотел сейчас же собирать свои полки и выступить против Владимира, так как был очень храбр, но Блуд уговорил Ярополка не собирать войска и уверял, что Владимир не посмеет на него пойти.

“Не может случиться,— говорил он,— что Владимир пойдет на тебя воевать. Это все равно, как бы синица пошла воевать на орла. Чего нам бояться, и незачем собирать войско. Напрасный труд будет для тебя и для ратных людей”. Вследствие этого коварного совета, когда Владимир подошел к Киеву, у Ярополка не было войска, почему он и не мог встретить его в поле, а затворился в городе

Владимир же, подослав своих людей к Блуду, стал его приманивать больше прежнего, говоря: “Помоги мне; если я убью брата своего, то буду иметь тебя вместо отца, и большую честь примешь ты от меня. Не я начал избивать братьев, а Ярополк, и только боясь смерти от него, пришел я сюда теперь сам”. Блуд приказал ответить Владимиру, что он будет помогать ему всем сердцем, и затем они стали часто сноситься между собой. Сначала они решили убить Ярополка на приступе, для чего Владимир должен был напасть на город. Но потом оказалось, что киевляне хотят постоять за своего князя.

Тогда Блуд придумал другое, он стал наговаривать Ярополку на киевлян, уверяя, что они сносятся с Владимиром и зовут его, говоря. “Приступай к городу, мы выдадим Ярополка”. Убедив таким образом Ярополка в большой опасности, если он останется в Киеве, Блуд предложил ему затем тайком убежать в другой город, поближе к печенегам. Ярополк согласился и бежал в город Родню, на реке Реи, а Владимир занял без боя Киев и осадил брата в Родне, где сделался скоро большой голод, так как Блуд умышленно не заготовил припасов. Этот голод был так жесток, что в народе надолго осталась поговорка. “Беда, как в Родне” Поставив таким образом Ярополка в отчаянное положение, Блуд стал ему говорить: “Видишь, сколько войска у твоего брата; нам их не победить, лучше мири ся с ним”. Ярополк вынужден был согласиться на это, а Блуд послал сказать Владимиру. “Желание твое сбылось, я приведу к тебе Ярополка, а ты распорядись, как бы убить его”.

Тогда Владимир, получивши эту весть, вышел на отцовский теремной двор и сел здесь с дружиной, а Блуд послал к нему Ярополка, научив его сказать Владимиру при встрече: “Что дашь мне, то я и возьму”. Не подозревая никакого коварства, простодушный Ярополк отправился к младшему брату в Киев, хотя верный его дружинник Варяжко чуял сердцем беду и говорил своему князю: “Не ходи, князь. Убьют тебя. Побежим лучше к печенегам и приведем войско”. Но Ярополк не послушал его и пошел к брату. Как только он вошел в двери терема, два варяга, стоявшие по сторонам, мгновенно подняли его мечами под пазухи, а Блуд сейчас же притворил двери, чтобы не вошел кто из дружинников несчастного Ярополка Верный Варяжко, видя, что князь убит, бежал со двора к печенегам и постоянно приходил с ними потом на Владимира, мстя за смерть своего князя, так что Владимир едва сумел переэзвать его через многие годы к себе, поклявшись не делать ему никакого зла.

Покончив с братом, Владимир сел в Киеве и стал единовластно княжить над всей Русской землей. Первым его делом было жениться на прекрасной грекине, бывшей чернице, вдове своего брата. Как ярый язычник, покоривший Киев со своей языческой же новгородской дружиной, Владимир стал сильно теснить христиан, которых было уже довольно много в Киеве, причем еще со времени Игоря они имели свой соборный храм — Святого Ильи.

Что касается дел государственных, то Владимир, несмотря на молодость, показал себя таким же твердым и храбрым князем, каким был и его отец Святослав Пришедшие к нему из-за моря варяги, поселившись в Киеве, стали очень буйно себя держать и требовали даже, чтобы Владимир наложил для них дань на киевлян. Он сказал им, чтобы они подождали месяц; через месяц же, выбрав из этих варягов самых лучших, умных и доблестных людей и раздав им города в управление, он отказал остальным в уплате дани, а предложил пойти на службу к греческому императору. Те так и сделали.

После этого Владимир совершил ряд удачных походов. Он разбил поляков и отвоевал у них города Перемышль, Червень и другие, где сидела Червонная Русь, и присоединил их к владениям Русской земли.

Затем вятичи отказались платить дань, но он также быстро привел их в полное послушание. После этого Владимир ходил воевать воинственное племя ятвягов, живших к северу от древлян, и одержал над ними полную победу.

Наконец, в 984 году Владимир чрезвычайно удачно усмирил радимичей. Он выслал против них своего воеводу по имени Волчий Хвост, который разбил их на реке Пищане. Русь долго корила после этого радимичей, говоря, что они бегают “от волчьего хвоста”.

Оставаясь все время усердным язычником, Владимир, в благодарность богам за свои блестящие успехи, построил много кумиров, причем на холме, близ княжеского терема, он поставил огромного бога Перуна с серебряной головой и золотыми усами.

Таким же усердным язычником был и Добрыня, посланный посадником в Новгороде, где он поставил огромный кумир на берегу Волхова: “И поклонялись ему люди, как Богу”,— говорит летописец.

Усердно ставя кумиры, Владимир, вместе с тем, кроме Рогнеды и грекини, взятой после Ярополка, завел себе множество жен. Всех их по разным городам было, по преданию, восемьсот. Гордая Рог-неда, оскорбленная таким пренебрежением к себе мужа, решила его известить. Однажды пришел к ней Владимир и уснул. Она взяла нож и совсем бы его заколола, если бы он вовремя не проснулся и не схватил ее за руку. “С горести подняла на тебя руку,— ответила Рог-неда разгневанному мужу, который спросил ее, за что она хочет убить его.— Отца моего убил, землю его полонил из-за меня. А теперь не любишь меня и с этим младенцем”,— добавила она, показывая на своего маленького сына Изяслава. Владимир промолчал, но велел ей нарядиться во всю царскую одежду, какая была одета в день свадьбы, и сесть на богато убранной постели в своей горнице. Здесь, как на брачном торжестве, он хотел казнить ее мечом. Но Рогнеда догадалась, что замышляет муж, и перед его приходом устроила так: дала малютке Изяславу обнаженный меч и научила, что сказать, когда войдет отец. Когда Владимир вошел, маленький Изяслав, выступя с большим мечом в руках, сказал ему: “Отец, или ты думаешь, что ты здесь один ходишь?” — “А кто тебя здесь чаял!” — воскликнул Владимир и бросил меч. Потом он позвал бояр и передал дело на их суд. Бояре решили так: “Не убивай ее ради малютки, а устрой вотчину и дай ей с сыном”. Тогда Владимир построил Рогнеде особый город и в честь сына назвал его Изяславлем; ей же дал имя *Гореславы*.

После этого происшествия Владимир продолжал свою прежнюю языческую жизнь. В 983 году, вернувшись из удачного похода на ятвягов, он пожелал особо почтить своих богов принесением им человеческой жертвы. Решили кинуть жребий на отрока и на девицу,— на кого падет, того и

зарезать в жертву богам. Жребий пал на одного отрока варяга, прекрасного лицом и душой и притом христианина. Имя его было Иоанн. Этот отрок жил вместе со своим отцом, Феодором, который тоже исповедовал Христову веру. Язычники, обрадованные, что жребий пал на одного из христиан, которых они особенно не любили во времена Владимира, отправили посланных в отчий дом отрока; те объявили, что пришли за сыном, чтобы заколоть его на потребу богам. “Это не боги,— ответил им отец,— а дерево: сегодня стоят, а завтра сгниют. Не едят, не пьют, не говорят, а руками сделаны из дерева, топором и ножом обрублены и оскоблены. Вышний Бог есть один: Ему поклоняются греки. Он создал небо и землю, звезды и луну, солнце и человека. А ваши боги, что сотворили и что сделали? Их самих сделали люди! Не отдам сына своего бесам”. Когда посланные передали этот ответ, то толпа язычников в ярости прибежала к дому Феодора и требовала выдачи сына. Оба едва успели войти в верхнюю горницу. “Давай сына на жертву богам!” — кричала толпа. “Если есть боги,— отвечал Феодор,— то пусть пошлют от себя одного бога и возьмут моего сына, а вы для чего препятствуете им!” Тогда рассвирепевший народ поджег хоромы и убил обоих варягов.

Впоследствии на месте их убийства была выстроена Десятинная церковь, а мощи отрока Иоанна перенесены в Антониеву пещеру Киево-Печерской лавры, где они почивают и поныне. Не имеющие детей прибегают к нему с молитвой о чадородии; где находятся мощи Феодора — неизвестно.

Убийство варягов — Иоанна и отца его, Феодора, произвело сильное впечатление на Владимира.

С тех пор он чаще стал задумываться над вопросами религии, и все более и более охладевал к язычеству. Конечно, он должен был видеть все преимущества веры Христовой над своей, тем более что в Киеве среди купцов и других жителей было много христиан еще со времен Аскольда и Ольги; попадались они даже и в рядах княжеской дружины: их чистая жизнь, сравнительно с языческой, резко кидалась всем в глаза.

Сомнения князя в истине языческой веры, которую он до сих пор так ревностно исповедовал, стали скоро известны всем. И вот к нему начинают являться камские болгары, исповедовавшие магометанство, хазары — иудейского закона, немцы, принявшие латинство и поддавшиеся папе римскому и, наконец, православные греки. Все стали выхвалять свою веру и уговаривать могучего русского великого князя перейти в их закон со всем русским народом. “Ты, князь, мудрый и смышленный,— говорили ему камские болгары,— а закона не знаешь. Прими наш закон и поклонись Магомету”. — “А в чем ваша вера?” — спросил их Владимир. “Мы веруем в Бога,— отвечали они,— а Магомет учит нас: творите обрезание, не ешьте свинины, вина не пейте, и по смерти Магомет даст каждому по семидесяти прекрасных жен”. Выслушав их внимательно, Владимир решил: “Питие есть веселие Руси; не может без того быть”. Затем пришли немцы от папы и стали его уговаривать принять католичество. “А какая заповедь ваша?” — спросил их

Владимир. “Пощенье по силе,— отвечали немцы.— Если же кто пьет и кто ест, то все во славу Божию,— говорит учитель наш Павел”.— “Ступайте домой,— сказал им на это Владимир,— отцы наши этого не приняли”.

После немцев пришли к Владимиру хазарские жидаы. Чтобы унижить христианскую веру, они начали говорить великому князю, что христиане веруют в того, кого они распяли. “Мы же веруем,— продолжали они,— в единого Бога Авраамова, Исаакова и Иаковле-ва”.— “А что у вас за закон?” — спросил Владимир. “Обрезание,— отвечали хазары,— свинины не есть, ни зайчины, субботу хранить”.— “Где же находится ваша земля?” — продолжал князь. “В Иерусалиме”,— получил он ответ. “Там ли вы теперь живете?” — задал тогда им вопрос Владимир. “Наш Бог прогневался на наших отцов,— сказали жидаы,— и за грехи наши рассеял нас по всем странам; землю же нашу отдал христианам”.— “Как же вы других учите, а сами отвержены Богом и рассеяны? Если бы Бог любил вас и ваши законы, то не рассеял бы по чужим странам. Или думаете, что от вас и нам то же принять?”. Наконец, и греки прислали к Владимиру ученого мужа. Муж этот вначале рассказал по порядку лживость и заблуждения других вер. Магометанство он изобразил так, что Владимир плюнул и сказал: “Не чисто это дело”. Затем о католичестве ученый муж сказал, что это такая же вера, как и греческая, но есть неисправления, и служат на опресноках, когда Господь повелел служить на хлебах, так как, разломив хлеб, Он сказал ученикам на Тайной Вечере: “Сие есть Тело Мое, ломимое за вы”. Выслушав эти речи ученого грека, Владимир сказал ему: “Ко мне приходили жидаы хазарские и говорили: немцы и греки в того веруют, кого мы распяли на кресте”. На это грек ответил так: “Воистину в Того веруем, ибо так пророчествовали и пророки: один — как Господу нашему суждено родиться, а другие — что быть Ему распяту и погребенну, а в третий день воскреснуть и взойти на небеса. А жидаы таких пророков избивали, а когда все сбылось по пророчеству, и Господь сошел на землю и принял распятье, а затем воскрес и вознесся на небеса, Он ожидал их покаяния сорок шесть лет, но не покались они; и послал тогда Бог на них римлян, и разрушены были города их, самих же рассеял по разным странам, где и работают”.

Выслушав с вниманием все это, Владимир спросил грека: “Чего же ради сошел Господь на землю и принял такое страданье?” Тогда ученый муж сказал ему, что если хочет, то он расскажет все сначала, и рассказал ему по порядку все Священное Писание: о сотворении мира, о гордости и высокоумии сатаны, и как он был низвержен с неба; о жизни Адама в раю; о том, как была сотворена ему в подруги Ева, и как произошло первое грехопадение, и были Адам и Ева изгнаны из рая; как Каин убил Авеля; как люди, размножившись, забыли Бога и стали жить по-скотски, и как Господь наказал их потопом; как от праведного Ноя и его трех сыновей произошли все народы, ныне населяющие землю, и что было после потопа на земле, вплоть до пришествия Господа нашего Иисуса Христа на землю и приятия Им страданий, а затем и чудесного Воскресения из мертвых и Вознесения.

Закончил свое поучение греческий муж так: “Господь поставил один день, в который Он придет с небеси и будет судить живых и мертвых, и воздаст каждому по его делам: праведным Царство Небесное и красоту неизреченную, радость без конца и бессмертие вовеки; грешникам же вечные муки”.

Рассказавши это, греческий муж показал Владимиру запону, на которой было написано судилище Господне: справа праведные в веселии идут в рай, а слева грешники шествуют в муку вечную. Задумался Владимир над всем слышанным и, вздохнувши, сказал: “Хорошо будет тем, что идут направо, но горе тем, что идут налево”.— “Если желаешь быть с праведными, то крестись”,— ответил ему грек. Владимир глубоко воспринял эти слова в своей душе, но ответил: “Подожду еще немного”. Затем он созвал на совет дружину свою и старейших жителей Киева и сказал им: “Приходили ко мне болгары и предлагали принять свой закон; за ними были с тем же немцы; после приходили жидаы... После же всех пришли греки, разобрали все чужие законы, а свои хвалят, и так чудно и хорошо говорят. Повествуют, что есть другой свет; если, говорят, кто примет нашу веру, то хоть бы и умер — опять встанет и не умрет вовеки. Что вы на все это мне ответите?” — “Ты сам знаешь, князь,— сказали бояре и старцы,— никто своего не хулит, а всегда хвалит. Если хочешь испытать доподлинно, то у тебя довольно мужей, пошли их и вели рассмотреть в каждой стране, как служат там своему Богу”.

Речь эта понравилась и князю, и всему совету. Было выбрано десять мужей добрых и смысленных, которые отправились прежде всего к камским болгарам, потом к немцам, а затем и к грекам. По их возвращении у великого князя собрались опять бояре его дружины и старцы городские. Послы стали рассказывать собранию, что видели в разных странах: “Видели мы у болгар, — говорили они,— поклоняются в храме, стоя без пояса; поклонившись, сядут и глядят туда и сюда, как сумасшедшие. Нет веселья у них, но печаль и страх великий, нет добра в их законе... Когда были мы у немцев, то видели многое на их службе, но красоты не видали никакой. Когда же пришли мы к грекам и они повели нас туда, где служат своему Богу, то мы в изумлении не ведали, на небе ли мы, или на земле. Нет на земле такого вида и такой красоты. И рассказать не умеем! Знаем только, что там сам Бог с людьми пребывает, и служба у них выше всех стран! Не забудем мы той красоты! Всякий, кто вкусил сладкого, не захочет уже горького; тоже и мы не можем уже больше оставаться в язычестве”. Слушавшие послов бояре и старцы вполне согласились с ними и сказали Владимиру: “Если бы дурен был закон греческий, то и Ольга, бабка твоя, мудрейшая из всех людей, не приняла бы его”.

“Где же приму крещение?” — спросил тогда великий князь.

“Где тебе будет любо”,— ответила ему его верная дружина.

Это было в 988 году.

В это время как раз случились у Владимира нелады с городом Корсунем, принадлежащим византийским императорам, и он пошел на него походом.

Подойдя к городу, русские осадили его и приступили к работам для приступа. Для этого они начали насыпать к городской стене земляную насыпь, чтобы войти по ней в город. Но греки повели подкоп под самую стену, ночью спускались в него и выбирали всю землю, которую наваливали русские за день, и разносили ее потом по городу. Таким образом, дело Владимирове почти не подвигалось вперед. Но вскоре нашелся в городе среди корсунцев друг русских, некий муж Настас. Он пустил в наш стан стрелу с запиской к Владимиру, на которой было написано: “Перекопай и перейми воду из колодца, лежащего от тебя к востоку; из него идет по трубе вода в город”. Обрадованный этой запиской, Владимир громко сказал: “Если от этого Корсунь сдастся, то я и сам крещусь”. После этого вода из колодца была перекопана, и томимые жаждой корсунцы сдались через несколько дней.

Вступив в город, Владимир тотчас же послал к царям Василию и Константину послов с таким словом: “Славный ваш город я взял. Слышал я, что у вас есть сестра девица; коли не отдадите ее за меня, то и с Царьградом вашим сделаю то же, что и с Корсунем”.

Встревоженные и опечаленные цари отвечали: “Недостойно христианкам выходить за язычников. Крестись, и тогда дадим тебе невесту, и примешь ты Царство Небесное, и единовверен будешь ты с нами. Не захочешь креститься — не сможем мы отдать тебе сестру нашу”. На это Владимир послал им такой ответ: “Я уже испытал вашу веру и готов креститься; любя мне эта вера и слу-женье, о которых мне рассказывали посланные мною мужи”. Константин и Василий обрадовались этому ответу и стали умолять свою сестру Анну идти за Владимира. Ему же они послали сказать, чтобы он крестился перед тем, как посылать Анну. Но Владимир ответил: “Пусть те священники, которые придут с сестрой вашей, крестят меня”. Тогда цари уговорили с большим трудом свою сестру и отправили ее в Корсунь со священниками. Расставание Анны с братьями было очень тягостное. “Иду точно в полон,— говорила она,— лучше бы мне умереть”. Братья же утешали ее так: “А что, если Господь обратит благодаря тебе Русскую землю на покаяние, а Греческую землю избавит от их лютой рати; ты знаешь, сколько зла наделала Русь грекам? И теперь, если не пойдешь, будет то же самое”.

Анна, в сопровождении священников, со слезами села на корабль, простилась с милой родиной и поплыла в Корсунь, где была торжественно встречена жителями. В это время, по Божьему устроению, Владимир заболел глазами и настолько сильно, что ничего не мог видеть, почему очень горевал и не знал, что ему делать. Царевна Анна, узнав про эту болезнь, послала ему сказать, что если он хочет избавиться от болезни, то непременно должен скорее креститься.

Услышав это, Владимир сказал: “Если так случится, то воистину велик будет Бог христианский”.

Затем последовало его крещение. Епископ Корсунский, с прибывшими из Царьграда священниками, после оглашения крестил великого князя. Как

только на него были возложены руки, Владимир тотчас же прозрел. До глубины души потрясенный этим, он воскликнул: “Теперь увидел я Бога истинного”.

После крещения, во время которого Владимиру дано было христианское имя Василия, тотчас же последовало бракосочетание его с царевной Анной; затем, взяв с собой княгиню, назначенного для Руси епископа Михаила, Настаса, священников со священными сосудами, необходимыми для богослужения, а также часть мощей святого Климента и ученика его Фифа, — великий князь отбыл в Киев. Из Корсуня при этом были отправлены в Киев две огромные медные статуи и четыре медные же лошади прекрасной греческой работы. Сам город Корсунь был отдан Владимиром обратно греческим царям в виде выкупа за их сестру, так как, по древнему славянскому обычаю, за невесту полагалось платить “вено”, или выкуп.

По прибытии в Киев первым долгом Владимира было крестить своих сыновей и освободить от обязанностей супругов своих языческих жен.

К Рогнеде им было послано сказать следующее слово: “Теперь, крестившись, я должен иметь одну жену, которую я взял, христианку; а ты выбери себе мужа из моих князей и бояр, кого пожелаешь”.

Но не такова была Рогнеда Рогволодовна. Она, в свою очередь, послала сказать Владимиру: “Царицей я была, царицей и останусь, и ничьей рабой не буду. А если ты сподобился святого крещения, то и я могу быть невестой Христовой и принять ангельский лик”. В это время с ней был ее десятилетний сын Ярослав, хромым от рождения и больной ногами, почему он до сего дня вовсе не мог ходить. Услышав слова матери, он вздохнул и сказал ей: “Истинная ты царица царицам и госпожа господам, что не хочешь с высоты ступать на нижняя. Блаженна ты в женах”. Сказавши это, Ярослав свободно встал на ноги и с тех пор начал ходить, а Рогнеда постриглась и была наречена в иночестве Анастасией. Всех детей от Владимира у нее было шесть: сыновья — Изяслав, Ярослав, Всеволод и Мсти-стлав, и дочери — Мстислава и Предслава.

Отпустив своих языческих жен, Владимир по прибытии в Киев приступил и к очищению города от языческих идолов: некоторых рассекли на части, других сожгли, а самого главного — Перуна привязали к хвосту лошади и потащили с горы, причем двенадцать человек должны были бить его палками для поругания перед народом. Когда его приволокли к берегу и бросили в воду, то многие проливали слезы и долго следовали за пльвщим болваном по берегу. Разрушив идолов, приступили к проповеди народу Христовой веры; прибывший из Греции митрополит вместе со священниками ходил и проповедовал всюду по Киеву слово Божие; сам великий князь Владимир участвовал в этой проповеди. Наконец, когда население было таким образом подготовлено, он приказал оповестить по всему городу, чтобы на другой день все некрещенные шли к Днепру.

Здесь 1 августа 988 года и совершилось величайшее событие в жизни Руси — она приняла святое крещение.

Киевляне, стар и млад, входили в воды Днепра. Кто стоял по шею в воде в самой глубине, кто до персей; малые теснились поближе к берегу, а младенцев взрослые держали на руках. Службу совершали епископ Михаил и прибывшие с царицей священники.

Восприемником своего народа был сам великий князь, стоявший тут же на берегу.

“Умилившись духом при виде этого радостного зрелища, как крестится его родной народ, Владимир,— говорит летописец,— возведя очи на небо, изрек: „Боже, сотворивший небо и землю! Призри на новые люди сии и даждь им, Господи, познать Тебя, истинного Бога, как уже познали страны христианские; утверди веру в них правую и несовратимую, а мне помоги, Господи, на супротивного врага, дабы, надеясь на Тебя, я победил бы его козни”.

После крещения Владимир приказал тотчас же рубить и ставить по всему городу церкви в тех местах, где раньше были кумиры. На холме, где стоял Перун, была построена церковь Святого Василия, именем коего был окрещен Владимир в Корсуне. На том же месте, где были убиты разъяренной толпой два варяга — Феодор и Иоанн, Владимир повелел соорудить особо богатый храм в честь Богоматери вызванными для этого мастерами из Греции. Когда постройка этого храма была окончена, то на содержание его Владимир определил давать десятую часть доходов со своих имений, почему церковь и была названа Десятинной, а управителем этих десятин был поставлен грек корсунянин — Настас.

Дивный храм этот был построен и украшен по-царьградски. Двадцать пять глав, или верхов, украшали его снаружи, а внутри было множество столпов из драгоценного мрамора, яшмы и других камней; стены же были украшены прочной живописью. Перед храмом с западной стороны, в подражание Царьграду, были поставлены привезенные из Корсуня две медных статуи и четыре медных коня.

Вместе с постройкой Божьих храмов первым помыслом Владимира после крещения было заведение школ для книжного учения, так как христианство, кроме истинной веры, принесло также с собою на Русскую землю грамоту и всю науку.

Владимир же, как восприемник при крещении своего народа— по святому долгу, налагаемому церковью на восприемников, должен был тотчас же приступить к научению своих крестных детей Христовой вере и всей людской премудрости во славу Божию и на пользу своей родной земли. После него и все русские государи, наследуя от своих предшественников верховную власть над землею, наследуют вместе с тем и долг восприемничества над своим народом; поэтому-то они всегда и стоят во главе Русской церкви и просвещения.

Чтобы начать дело обучения народа, Владимир собрал у лучших простых людей Киева их детей и отдал их в устраиваемые школы под руководство священников. При этом многие матери плакали по своим ребятам, как по

умершим, так как очень темен еще был народ. Из набранных детей в школах этих, разумеется, прежде всего стали готовить будущих священников и прочих церковников, которые необходимы были как для совершения треб, так и для научного просвещения паствы.

После крещения киевлян Владимир послал священников, вместе с мужами своей дружины, по разным концам Русской земли проповедовать Евангелие, а затем и крестить народ. На север, по великому пути из варяг в греки, был отправлен митрополит Михаил вместе с Добрыней, дядей Владимира, и Настасом курсунянином.

Народ, живший по пути из варяг в греки, крестился везде без принуждений, но в Новгороде, старом языческом гнезде, всегда крепко не любившем Киев и его христиан, введение Христовой веры было делом нелегким. Когда в Новгороде узнали, что Добрыня идет крестить, то собрали вече, и все поклялись не пускать его в город и не давать идолов на ниспровержение; и точно, когда пришел Добрыня, то новгородцы построили большой мост и вышли на него с оружием. Добрыня стал было уговаривать их ласковыми словами, но они и слышать не хотели и выставили против него камнеметные орудия; особенно возбуждал новгородцев против христианства волхв Богомил, прозванный за свою складную речь Соловьем. На торговой стороне назначенный в Новгород епископом Иоаким, курсунянин родом, вместе со священниками ходили по улицам и учили людей, сколько могли; им удалось окрестить в два дня несколько сот человек. На другой же стороне реки в это время новгородский тысяцкий Угоняй ездил всюду и кричал: “Лучше нам помереть, чем дать богов наших на поруганье”, и до того возбудил народ, что тот разграбил дом Добрыни, находившийся на том берегу реки Волхова, убил его жену и еще несколько родственников. Тогда Добрыня отправил на ту сторону реки своего тысяцкого Путятю с пятьюстами человек. Путята незаметно переправился ночью на лодках, захватил Угоняя и других главных зачинщиков беспорядков и отправил их на расправу к Добрыне. После этого народ вступил с Путятой в жестокую сечу и разметал церковь Преображения Господня, принадлежавшую новгородским христианам, кои давно находились в городе в малом числе.

В помощь Путяте на другой день с рассветом прибыл Добрыня со своими людьми и велел зажечь некоторые дома на берегу. Тогда новгородцы испугались, побежали тушить пожар, и сеча перестала, а самые знатные люди пришли к Добрыне просить мира. Добрыня, конечно, тотчас же согласился на мир, но приказал немедленно сокрушить всех идолов: деревянных пожечь, а каменных, изломав, побросать в реку. Мужчины и женщины, видя это, с воплями и слезами просили за них, как за своих богов. Добрыня с насмешкой отвечал им: “Нечего вам жалеть о тех, кто себя защитить не может; какой пользы вам от них ждать?” — и послал всюду с объявлением, чтобы шли креститься. Вместе с тем посадник Воробей, воспитанный в детстве с Владимиром, человек, отлично владевший словом, пошел на торг и стал сильно уговаривать народ креститься. Многие пошли к реке сами собой, а кто

не хотел, того войны тащили силой; говорившим же, что они уже крещены, приказано было надеть на шею кресты, а у кого креста не было, того вели в воду. Так крестились новгородцы. Память в народе о насильном крещении сохранилась надолго, и много лет спустя нельзя было больше рассердить новгородцев, как сказать, что их “Путята крестил мечом, а Добрыня огнем”.

<

Приняв христианство, Владимир не только ревностно насаждал его среди народа, но и сам преобразился духовно до неузнаваемости. Со времени своего крещения в свою боярскую думу, кроме городских старцев, он стал всегда приглашать и епископов, которые оказывали на все дела большое влияние.

Особенно усердно творил Владимир милостыню. Слушая однажды, как читали в церкви Евангелие, Псалтырь и книгу Премудрости Соломона, он, по рассказу преподобного Нестора, был более всего поражен следующими местами этих священных книг:

В Евангелии: “Блаженны милостивые, яко тии помилованы будут. Продайте имение ваше и отдайте нищим. Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют, и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребят”. В Псалтыре царя Давида: “Блажен муж, который милует и дает”. В книге Премудрости Соломона: “Дающий нищему, Богу взаймы дает”. Слышавши все это и желая жить по Писанию, Владимир приказал каждому нищему и убогому приходиться на княжий двор и брать все, что им нужно, платье и еду, и деньги из казны своей. После этого он вспомнил, что есть и такие, которые вследствие дряхлости и болезни не могут добрести до двора его; и вот Владимир велел устроить особые возы, складывать на них хлеб, мясо, рыбу, всякие овощи, мед в бочонках, а в других квас, возить все это по городу и везде спрашивать: “Нет ли где больного и нищего, который не может идти к князю во двор”, и раздавать, кому что нужно.

Став христианином, Владимир стал настолько жалостлив к людям, что прекратил казнить и наказывать преступников; вследствие этого вскоре развелось огромное множество воров и убийц, которые заняли все дороги и начали немилосердно убивать и грабить всех путников, так что одно время не было безопасного прохода и проезда к Киеву.

Тогда сами епископы пришли к Владимиру и сказали, что “умножились разбойники, отчего не казнишь их?” — “Боюсь греха”, — отвечал Владимир. “Ты поставлен от Бога, — сказали ему на это епископы, — казнить злых, а добрых миловать; поэтому разбойников следует казнить, но по правде, с испытанием”. Тогда Владимир стал казнить разбойников; впоследствии же он нашел возможным отменить эти казни и стал наказывать преступников одной денежной пеней — вирую.

Будучи истинно благочестивым и в точности исполняя евангельские веления о милосердии, Владимир вместе с тем был гостеприимным и ласковым хозяином; он со своей княгиней постоянно задавал веселые пиры

— как по случаю особых церковных торжеств, так и вообще, в каждый воскресный день. На эти пиры приглашались: во-первых, дружина, а затем сотские, десятские и другие выборные мужи от города. Было за княжескими столами всего во множестве: было мясо и от скота, и от зверей, и всего было в великом изобилии.

Народ прозвал своего ласкового и щедрого князя Красным Солнышком.

Особенно любил князь свою дружину и ничего не жалел для нее. Однажды подпили его гости и начали роптать на своего князя: “Горе нашим головам, дает нам есть деревянными ложками, а не серебряными!” Услышав это, Владимир тотчас велел сковать серебряные ложки и промолвил при этом: “Серебром и золотом не соберу дружины, а дружиной сыщу и серебро, и золото, как и дед мой, и отец мой дружиной доискались и золота, и серебра”.

Насаждая Христову веру и устраивая порядки на Русской земле, Владимиру и после своего крещения немало приходилось заниматься ратным делом. Он удачно воевал с дунайскими болгарами, посылая на помощь русские войска своим новым родственникам, греческим царям.

Однажды он послал отряд русских воинов, в шесть тысяч человек, своему зятю — царю Василию. Этот Василий, около 1000-го года, взял их с собой в Армению, куда он приходил с миром и делал дружеский прием владетелям Грузии и Кавказа. Тут произошел такой случай. Как-то раз из отряда русских какой-то воин нес сено для лошади. Подошел к нему один грузин и отнял у него сено. Тогда на помощь русскому прибежал другой русский. Грузин крикнул своих, которые, прибыв, убили первого русского. Тогда все русские, бывшие там, как один человек, поднялись на бой и побили всех находившихся здесь грузинов. “В этот день не уцелел ни один благородный грузин; все заплатили немедленно смертью за свое преступление”, — рассказывает один армянский писатель по этому поводу. Это показывает, почему Русь всегда была грозной; она всюду жестоко платила за полученные обиды и никогда не оставляла их без отмщения; даже и после принятия христианства обычай кровавой мести существовал еще весьма долгое время и был даже узаконен.

Самыми главными и тяжелыми походами для Владимира были его походы против ближайших соседей — печенегов. С тех пор как их навел на Русскую землю, чтобы отомстить за смерть Ярополка, его верный дружинник Варяжко, они постоянно тревожили Владимира и часто подходили к самой границе, которая проходила тогда близко от Киева.

В 992 году печенеги двинулись на Киев от реки Сулы; Владимир же встретил их на реке Трубеже, на броне, где стоит город Переяславль. Каждая рать стала на своем берегу, и никто не решался переходить реку. Наконец печенежский князь подъехал к реке, крикнул Владимира и сказал ему: “Выпусти своего мужа, а я своего; пусть борются. Если твой муж ударит моим, то не будем воевать три года; если же мой муж ударит твоим, то будем воевать три года”. Владимир согласился и, возвратясь в свой стан, приказал кликать клич по всем палаткам: “Нет ли кого, кто бы взялся биться с

печенегом?” Но никто не отозвался. А на другой день уже приехали печенеги и привезли своего бойца. Стал тужить Владимир, что нет у него никого против печенежского силача, и вот пришел к нему один старик и говорит: “Князь! Есть у меня один сын меньшей дома; с четырьмя сынами вышел я сюда, тот дома остался; с детства никому еще не удавалось им ударить; однажды я его журил, а он мял воловью кожу, так в сердцах он разорвал ее руками”. Князь обрадовался, послал за меньшим сыном старика и рассказал ему, в чем дело; тот отвечал: “Не знаю, могу ли я сладить с печенегом; пусть меня испытают; нет ли где быка большого и сильного?” Нашли быка, разъярили его горячим железом и пустили; когда бык бежал мимо силача, тот схватил его рукой за бок и вырвал кожу с мясом, сколько мог захватить. Тогда обрадованный Владимир сказал: “Можешь бороться с печенегом”.

На другой день пришли печенеги и стали кликать: “Где же, наконец, ваш боец; наш уже давно готов”. Владимир велел вооружиться нашему молодцу, и оба выступили друг против друга. Выпустили печенеги своего великана страшного, и когда выступил боец Владимиров, то печенег стал смеяться над ним, потому что тот был среднего роста. Затем измерили место между обоими полками и пустили борцов; они схватились и стали крепко жать друг друга; русский, наконец, сдавил печенега в своих могучих руках до смерти и ударил им о землю; раздался крик в полках; затем печенеги побежали, а русские погнались за ними. Обрадованный Владимир заложил на том месте, где стоял, город и назвал его *Переяславлем*, потому что русский богатырь перенял славу у печенежского; отца же вместе с сыном князь пожаловал в знатные бояре. Звали нашего славного кожемяку *Ян Усмошвец*.

По истечении трех лет после этого единоборства, в 995 году, печенеги, согласно уговору, открыли военные действия и подошли к городу Василеву. Владимир вышел им навстречу с малой дружиной и едва не погиб; дружина была разбита, а сам он с несколькими человеками еле спасся, укрывшись где-то под мостом. Это было в самый день Спаса Преображения, 6 августа. В благодарность за свое избавление от неминуемой смерти Владимир построил в Василеве обетную деревянную церковь и затем праздновал Преображение целых восемь дней; он сварил триста провар меду, созвал бояр, посадников, старейшин со всех городов и множество простых людей и богато одарил всех убогих. К Успеневу дню великий князь воротился в Киев и опять устроил великий праздник, созвавши бесчисленное множество народа.

Через два года, в 997 году, печенеги опять в огромном количестве появились у наших границ. Владимир пошел в Новгород собирать конных людей, а печенеги, узнав, что великого князя нет, пришли и стали вокруг Белгорода, отчего в нем скоро наступил большой голод. Наконец, съевши почти все запасы и видя перед собой голодную смерть, белгородцы, рассказывает летописец, собрались на вече и сказали: “Нам приходится помирать с голоду, а от князя помощи нет; что же, разве лучше нам помирать? Сдадимся печенегам: кого убьют, а кого и в живых оставят, все равно умираем уже с голода”. На том и порешили.

Один старик не был на вече; когда он спросил, зачем собирались, и ему сказали, что на другой день люди хотят сдаться печенегам, то он послал за городскими старейшинами и спросил их: “Что это я слышал, вы уже хотите передаться печенегам?” Те отвечали: “Что же делать, не стерпят люди голода”. Тогда старик сказал им: “Послушайте меня, не сдавайтесь еще три дня и сделайте то, что я велю”. Те обещали с радостью его слушаться, и он приказал: “Соберите хоть по горсти овса или пшеницы, или отрубей”. Когда все это сыскали, старик велел женщинам сделать кисельный раствор; потом он приказал выкопать колодец, вставить туда кадку и налить в нее раствору; кроме того, велел выкопать еще один колодец и вставить в него тоже кадку; потом приказал искать меду; лукошко меду нашли в княжеской медуше; из него старик велел сделать сыту и вылить в кадку, что стояла в другом колодце.

На другой день он послал за печенегами; горожане пошли и сказали им: “Возьмите к себе наших заложников и пошлите человек десять своих к нам в город, пусть посмотрят, что там делается”. Обрадованные печенеги, думая, что белгородцы хотят им сдаться, взяли у них заложников и послали своих лучших мужей в город посмотреть, что там делается. Когда они вошли в Белгород, то люди сказали им: “Зачем вы себя губите; можно ли перестоять нас? Хоть десять лет стойте, так ничего нам не сделаете, потому что у нас корм от земли идет; не верите — смотрите своими глазами”. Затем привели их к одному колодцу, почерпнули раствора и сварили кисель; кисель этот понесли к другому колодцу, почерпнули сыты и начали есть, прежде сами, а потом дали отведать и печенегам. Те удивились и сказали: “Не поверят наши князья, если сами не отведают”. Горожане налили корчагу раствора и сыты и дали печенегам; они пришли в свой стан и рассказали все, что видели. Печенежские князья сварили кисель, отведали, подивились, обменялись заложниками и, отступив от города, пошли домой.

Беспрерывные нападения печенегов на русские владения заставили Владимира укрепить границы и строить города по рекам Десне, Остру, Трубежу, Суле и Стугне.

В города эти Владимир посылал дружины из лучших и храбрейших мужей, от новгородцев, кривичей, чуди и вятичей, которые постоянно должны были быть готовы отражать нападения печенегов.

О князе Владимире и печенегах сохранился рассказ немецкого епископа Бруна, который был послан папой проповедовать христианство печенегам в 1000 году. Брун, чтобы попасть к печенегам, приехал в Киев; Владимир принял его очень ласково, отговаривал ходить к ним, а когда Брун настаивал, то проводил его до границы и поручил ему быть посредником при переговорах о мире с печенегами.

Вот как доносил об этом сам Брун германскому императору: “После того как я напрасно пробыл год среди венгерцев, я направился к самым диким из всех язычников, к печенегам; князь руссов, Владимир, хозяин обширной страны и больших богатств, задержал меня на месяц, пытался отговорить от моего намерения и хлопотал обо мне, как будто я из тех, кто добровольно

бросается на гибель... Когда, однако, он ничего не мог со мной поделаться, и его, сверх того, напугало видение, касавшееся меня, недостойного, то он в течение двух дней провожал меня со своим войском до самой крайней границы своего государства, которую он окружил чрезвычайно крепким и сильным частоколом. Там он спешился; я и мои товарищи шли впереди, а он с знатнейшими своими воинами следовал за нами. Так мы прошли ворота.

Князь остановился на холме. Я сам понес крест, который обнял руками, и запел известный стих: „Петр, если ты меня любишь, то паси моих овец“. Когда окончилось пение, то князь послал к нам одного из своих сановников со следующим предложением: „Я тебя проводил до того места, где кончается моя земля и начинается неприятельская. Прошу тебя, ради Бога, не терять, к моему бесчестию, твоей молодой жизни: я знаю, что ты завтра еще до трех часов испытаешь горькую смерть без всякой причины и выгоды“. Я послал сказать ему в ответ: „Пусть Господь откроет тебе рай, как ты открыл нам дорогу к язычникам“. Так расстались мы с ним и шли два дня без того, чтобы кто-либо обидел нас. На третий же день — то была пятница — мы трижды: утром, в полдень и в девять часов, были с согнутыми шеями приводимы на казнь и все же каждый раз выходили невредимыми из рук врагов”.

Пробыв пять месяцев у печенегов, среди ужасных опасностей, Бруну удалось крестить тридцать человек и заключить мир между ними и русскими, причем Владимир послал одного из своих сыновей заложником к печенегам.

Из замечательных событий на Руси во время княжения Владимира следует указать также на начало чеканки при нем золотой и серебряной монеты вследствие увеличившихся оборотов по разного рода торговым сношениям.

Всех сыновей у Владимира было двенадцать.

Они сидели на княжении в следующих городах: 1) старший, *Вышеслав*, от варяжской жены Оловы,— в старшем после Киева городе, в Новгороде; 2) *Изяслав*, от Рогнеды—в Полоцке; 3) *Святополк*, от Ярополковой грекини-черницы,— в Турове на Припяти; 4) *Ярослав*, от Рогнеды,— сначала в Ростове, а по смерти Вышеслава — в Новгороде; 5) тогда в Ростове сел *Борис*, родившийся от греческой царевны Анны; 6) в Муроме брат его от той же матери — *Глеб*; 7) у древлян — *Святослав*, от Малфриды; 8) во Владимире-Волынском,— *Всеволод* от Рогнеды; 9) в Тмутаракани, близ пролива из Азовского моря в Черное — *Мстислав*, от Рогнеды же; 10) *Станислав*, от чехини,— в Смоленске; 11) *Судислав*, от Адели,—в Пскове и 12) где сидел *Позвизд* и кто была его мать — сведений не имеется.

Любимыми сыновьями Владимира были младшие — Борис и Глеб, от царевны Анны.

К концу своей жизни престарелому великому князю пришлось пережить много огорчений: в 1011 году умерла нежно любимая им княгиня Анна, а затем много горя доставили ему двое старших сыновей— Святополк и Ярослав.

Мы видели, что Владимир в начале своего княжения воевал с поляками и отнял у них города Червонной Руси — Перемышль, Нервен и другие. Это было в 981 году.

Вражда с поляками закончилась тем, что сын Владимира, Святополк, женился на дочери польского короля Болеслава Храброго. Однако, выдав свою дочь замуж за православного князя, Болеслав стал действовать на Святополка через дочь с целью склонить его к принятию католичества. Скоро Святополк очень поддался этому, что ему было особенно удобно, так как он сидел в Ту-рове, городе, близко лежавшем к Польской земле. Тогда Болеслав стал подучивать Святополка восстать против отца. Владимир заключил за это Святополка с женой в темницу, в которой они и провели некоторое время.

По поводу этого заключения в темницу Болеславовой дочери у нас в 1013 году началась с поляками война, которая, однако, скоро окончилась, так как Болеслав поссорился с печенегами, которых навел на Русь, и ушел к себе в Польшу.

Ярослав, как мы знаем, был сыном Рогнеды и унаследовал от матери ее гордость и независимость нрава. Когда он прибыл в Новгород, то очень пришелся по душе новгородцам. У него было много тяжелых воспоминаний из-за матери о Киеве, а новгородцы, как мы знаем, тоже очень не любили все киевское: Олег перенес от них столицу в Киев; из Киева пришли их крестить огнем и мечом Добрыня и Путята, и, наконец, новгородцы должны были платить киевскому же великому князю дань в две тысячи гривен в год на нужды всего государства. Дань эта особенно не нравилась им, и они часто подумывали, что хорошо было бы получить себе в князя смелого и гордого человека, который объявил бы себя независимым от Киева. Таковым именно человеком и оказался Ярослав. Уже с молоком матери он всосал вражду ко всякой зависимости, а помня, что вытерпел он с ней от отца, когда тот был язычником, Ярослав, конечно, не мог питать к нему особенно нежной и глубокой привязанности.

И вот, уговариваемый своими новгородцами, он решил в 1014 году отказаться платить дань Киеву. Старый великий князь очень разгневался.

“Теребите (прочищайте) путь, мостите мосты”, — приказал он и стал готовить войска к походу.

Узнав об этом, Ярослав тоже стал готовиться к войне и послал за море призвать себе на помощь варяжскую рать. Но поход отца и сына не состоялся.

Владимира постигла болезнь. В то же время он услышал, что идут на Русь печенеги, почему должен был послать на них своего нежно любимого сына Бориса, а при себе оставил нелюбимого Святополка, недавно вышедшего из заключения.

Болезнь его между тем усиливалась, и 15 июля 1015 года князя Владимира не стало.

Он скончался в селе Берестовом близ Киева. Святополк, не давая огласки, ночью, разобравши потолок между клетями\* и завернув тело в ковер, спустил

его вниз, положив, как тогда был обычай относительно покойников, в сани, и свез в Киев в Десятинную церковь Святой Богородицы. Хотя Святополк и скрывал смерть отца, но наутро бесчисленное множество народа собралось в слезах к соборной церкви.

Все плакали — бояре о защитнике земли, бедные и сирые о своем заступнике и кормителе. С плачем положили тело в каменный гроб и опустили в землю.

Так почил великий Владимир, крестивший Русь, славный и своим государственным умом, и своей христианской добротой и смирением. Православная церковь причислила благочестивого князя к лику святых и дала наименование равноапостольного. Мощи его, покоившиеся в Десятинной церкви рядом с телом великой княгини Анны, умершей на четыре года раньше, были при нашествии татар скрыты вместе с гробом и затем обретены под развалинами храма в 1631 году; при этом были взяты из гроба некоторые части мощей; ныне честная глава равноапостольного князя находится в великой церкви Киево-Печерской лавры, челюсть—в московском Успенском соборе, а ручная кисть—в соборе Святой Софии в Киеве.

1. Огромный зверь из породы кошек, несколько меньше тигра. Отличается своими быстрыми прыжками (*Прим автора*).
2. Они, главным образом, металы камни (*Прим автора*).

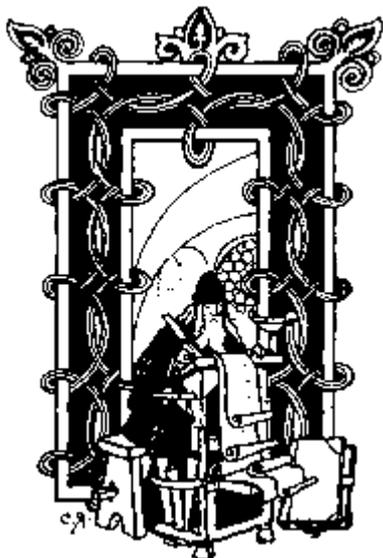


193 Святые Борис и Глеб на конях

Древняя икона старообрядческого Рогожского кладбища в Москве.

## ГЛАВА ПЯТАЯ

Убиение Святополком Бориса, Глеба и Святослава. Борьба его с Ярославом Княжение Ярослава. Состояние Руси ко времени кончины Ярослава Богатыри. Духовенство. Киево-Печерская лавра. Заключение.



осле кончины отца Святополк, как старший, сел на его место в Киеве и сейчас же стал раздавать жителям подарки — богатые одежды и деньги; он чувствовал, что сердце киевлян не лежало к нему, и старался их задобрить. Действительно, киевляне не могли забыть Святополку его приверженности к католичеству и восстание против отца. Общим любимцем киевлян, так же как и покойного князя Владимира, был прекрасный своей внешностью и истинно христианской душой князь Борис, едва вышедший из юношеского возраста.

Воспитанный матерью христианкой вместе с нежно любимым младшим братом Глебом, он с юности прилежно читал книги, особенно же Жития Святых. По преданию, читая о страданиях мучеников, Борис обливался слезами и молился: «Господи Иисусе Христе! Удостой меня участвовать в Святом произволении Святых Твоих; научи меня идти по их следам. Молю Тебя, Господи, да не увлечется душа моя суетой мира сего; просвети сердце мое, чтобы оно знало Тебя и Твои заповеди; даруй мне дар, какой даровал Ты угодникам своим».

Вызванный из Ростова, своего удела, состарившимся и больным отцом, он, как мы знаем, был им направлен против печенегов и, возвращаясь после напрасной погони, остановился для отдыха на берегу реки Альты. Здесь узнал он о смерти блаженного родителя. Известие это поразило его тяжкой скорбью; он горько оплакивал отца, говоря: «Свет очей моих, не буду уже я больше наслаждаться благим учением и мудростью твоею». Бывшая с ним отцовская дружина, узнав о кончине великого князя, обратилась к Борису со следующим словом: «Здесь с тобою дружина отца твоего и войско; иди в Киев и садись на отчий стол, так как все тебя желают» На это Борис ответил своей дружине: «Не могу я поднять руки на старшего брата. Пусть будет он мне вместо отца».

Затем, чтобы отнять у старшего брата всякий повод к опасению, а также чтобы еще более показать дружине, что он ничего не намерен предпринимать против Святополка, Борис тут же на реке Альте распустил ее вместе с войском по домам и остался один со своими слугами.

Не так действовал Святополк. Не доверяя брату и ожидая от него какого-либо коварного шага, Святополк решил сам его известить. Для этого он послал сказать Борису, что хочет иметь с ним любовь и придаст ему еще волостей против тех, что наследовал Борис от отца; пославши с этими словами к брату, Святополк между тем пришел ночью в Вышгород и, тайно позвав вышгородских боярцев — Тальца, Еловита, Лешька и какого-то Путшу, спросил их: привержены ли они ему всем сердцем? Путша с вышгородцами отвечали: «Можем головы свои сложить за тебя». Тогда он сказал им: «Не говоря никому ни слова, ступайте и убейте брата моего Бориса».

Путша с товарищами пришли ночью на Альту и, подошедши к шатру Борису, услышали, что князь слушает заутреню. Это было в субботу вечером, 24 июля 1015 года. Несмотря на осторожность, Святополк не мог утаить своих замыслов, и Борис знал, что его собираются погубить. Он велел священнику петь утреню, а сам читал шестопсалмие и канон. По окончании

заутрени он стал еще перед иконой и молился: «Господи! Ты пострадал за грехи наши; удостой и меня пострадать за Тебя. Умираю не от врагов, а от брата; не поставь ему того в грех». Затем, причастившись Святых Тайн и простясь со всеми, Борис спокойно лег в постель.

Убийцы дождались, пока князь, помолившись, лег; тогда они бросились на шатер и начали тыкать в него копьями, которыми и пронзили Бориса. Вместе с князем они пронзили и его верного слугу, родом венгра, по имени Георгия; этот доблестный юноша хотел прикрыть своим телом любимого господина и принял смерть вместе с ним.

Борис, который, со своей стороны, тоже очень любил своего слугу, подарил ему большую золотую гривну; так как убийцы не могли скоро снять ее с шеи, то они тут же отрубили голову Георгию и ограбили его тело, а затем убили и много других отроков. Бориса же, еще дышавшего, завернули в полотно от шатра, положили на воз и повезли, дав знать Святополку об успехе своего дела. Свято-полк, узнав, что брат еще дышит, сейчас же послал двух варягов прикончить его; они убили его близ киевского бора, пронзив мечом в сердце, а затем тело его принесли тайно в Вышгород и положили в церкви Святого Василия.

За этим братоубийством последовало и другое: меньшей брат Бориса, Глеб, сидел в Муроме. «Бориса я убил, как бы убить мне и Глеба»,— сказал Святополк, по рассказу летописца; но Глеб был далеко, и потому Святополк послал сказать ему: «Приезжай поскорее сюда, отец твой зовет тебя; он очень болен». Глеб немедленно сел на коня и пошел с малой дружиной.

Когда он пришел на Волгу, около нынешней Твери, то конь его споткнулся во рву и намял ему немного ногу. После этого князь поплыл уже водой на Смоленск, чтобы спуститься в Киев Днепром.

Вскоре как Глеб проехал Смоленск и остановился для отдыха, его настиг посланный от Ярослава из Новгорода, который передал от брата: «Не ходи; отец наш умер, а брата твоего убил Святополк».

Глеб оплакал смерть отца, но еще больше горевал о брате, которого нежно любил. «Не услышу я больше кротких наставлений твоих, брат мой любимый,— говорил Глеб.— Если получил ты милости у Господа, моли Его, чтобы и я пострадал, как ты; лучше мне быть с тобой, чем в этом злом мире».

Затем встретили его убийцы, посланные Святополком.

Отроки Глеба увидели их и схватились за оружие; скоро двое из них были убиты; тогда Глеб сказал остальным: «Братцы, если мы не будем драться с ними, они возьмут меня и поведут к брату; если же мы вступим в бой, они всех нас убьют. Плывите к берегу, а я останусь на середине реки». Убийцы, приблизившись к лодке, схватили Глеба, и главный из них, по имени Горясер, приказал сейчас же зарезать юного князя; это было исполнено его же поваром по имени Торчин. Тело Глеба было затем вынесено из лодки и брошено между колодами в глухом лесу.

Узнав о злодейской расправе Святополка с младшими братьями, ближайший к Киеву князь Святослав, сидевший в стране Древлянской, не стал спокойно дожидаться такой же участи, а бежал в Венгрию. Но Святополк послал за ним погоню, и Святослав был убит в Карпатских горах.

Тогда, по словам летописца, Святополк начал думать: «Перебью всех братьев и приму один всю власть на Руси». Но он встретил грозного врага в лице Ярослава.

Мы оставили Ярослава в приготовлении к войне с отцом, для чего он собрал войско от Новгородской земли и призвал из-за моря варяжскую дружину.

Эти варяги, живя пока в Новгороде без дела, стали пошаливать и заводить всюду буйства и драки, творя насилие не только жителям, но и их женам. Гордые новгородцы никогда никаких обид не сносили и решили, что варяжскому насилию пора положить конец. Когда варяги были на каком-то Парамоновом дворе, то новгородская дружина ворвалась на этот двор и перебила всех озорников.

Этим, конечно, была нанесена кровная обида Ярославу, не только тем, что избili призванных им воинов, но также и тем, что избili его гостей; особа же гостя, как мы знаем, была неприкосновенной, и за всякую обиду гостю полагалась жесточайшая месть. И вот Ярослав решился мстить.

Правда, он был христианином, но христианином еще недавним, а обычай кровавой мести сидел еще так глубоко в сердцах всех, что очень долго и после принятия христианства допускался тогдашними законами.

Скрыв свою обиду и притворившись равнодушным к гибели варягов, Ярослав сказал по делу этому: «Так и быть, уж мне не воскресить убитых», — а потом пригласил новгородцев, виновных в убийстве варягов, к себе на загородный двор; здесь на них неожиданно напали его слуги и иссекли всех лучших людей новгородской дружины. Кто же спасся, тот в ужасе бежал из города.

Окончив это вероломное побоище, Ярослав в ту же ночь получил важную весть из Киева: сестра Ярослава, Предслава, извещала брата, что отец умер, а Святополк, севши в Киеве, уже убил Бориса и послал теперь убийц и к Глебу. Каково было Ярославу получить эту весть!

Во-первых, сведение о смерти Владимира не могло не возбудить в нем глубокого раскаяния, что он поднялся на старого отца. А затем убиение Святополком кроткого Бориса и посылка убийц к Глебу ясно показывали Ярославу, что очередь скоро дойдет и до него.

А между тем та верная дружина, которая именно и была нужнее всего в наступившее опасное и тяжелое время, была вчера избита из мести самим же князем.

«О, моя любимая дружина,— воскликнул при этих обстоятельствах Ярослав,— вчера в своем безумии я изгубил тебя, а ныне ты была бы надобна!»

На следующий день Ярослав созвал оставшихся новгородцев за город, в поле, и на вече в слезах объявил им: «Други мои и братья! Отец мой умер, а Святополк сидит в Киеве и избивает братьев. Хочу идти на него, помогите мне».

И славные новгородцы помогли своему князю, которого горячо любили за большой ум и решительный нрав. Они, сами недавние язычники, понимали, конечно, что избивая вчера их дружину, он платил долг священному чувству мести за убитых гостей-варягов. «А мы, княже, за тебя идем,— слышал он себе в ответ.— Если и погибли наши братья, то мы можем за тебя бороться».

Конечно, тронутый до глубины души, Ярослав на этом же вече дал много таких льгот Новгороду, которых не имел ни один город. Впоследствии льготы эти были им подтверждены так называемыми Ярославовыми грамотами, к сожалению, утерянными и до нас не дошедшими, но до сих пор еще сохранилось в Новгороде место — Ярославов двор, где много веков подряд собиралось новгородское вече и решало свои дела на основании этих грамот.

Собрав к 1016 году три тысячи новгородцев и одну тысячу варягов, Ярослав двинулся на Святополка, отдавши успех своего предприятия на Божий суд. «Не я стал избивать братию, но Святополк,— сказал он.— Да будет Бог отмстителем невинной крови моих братьев. Ведь та же участь готовится и мне. Пусть судит Господь по правде и скончает злобу грешного».

Святополк, узнав, что Ярослав идет на него, стал собирать множество войска из Руси и, чтобы усилить себя, пригласил и печенегов. Затем он двинулся к Любечу на Днепре. Здесь он стал по одну сторону берега, а по другую расположился Ярослав. Три недели стояли братья друг против друга, и каждый не решался переправиться через Днепр и напасть. Был в то время обычай — поддразнивать врагов, чтобы побудить их начать дело к своей невыгоде; видя, что главная сила Ярослава состояла из новгородцев, горожан и сельчан, воевода Святополков, по прозванию Волчий Хвост, тот самый, который в 984 году победил радимичей, ездя по берегу, бранил новгородцев, называя их ремесленниками, а не воинами. «Эй вы, плотники,— кричал он им,— зачем пришли сюда с хромым своим князем? Вот мы вас заставим рубить нам хоромы».

Сильно обиделись новгородцы на эту насмешку и, придя к Ярославу, сказали ему: «Завтра же переведемся на них, а если кто не пойдет с нами, того сами убьем».

Видя намерение своих новгородцев, Ярослав в ту же ночь послал в лагерь Святополка к одному приятелю, которого имел в нем, спросить: «Что делать? Меду мало варено, а дружины много». Приятель послал такой ответ: «Если меду мало, а дружины много, то к вечеру дать!» Ярослав понял, что ночью надо начать битву. Новгородцы стали перевозиться на другой берег уже с вечера, а чтобы не вздумал кто воротиться, оттолкнули все ладьи и стали строиться в полки; для того же, чтобы узнавать своих, повязывали головы полотенцами. Была заморозь. Святополково войско стояло между двумя озерами, причем за одним из них были расположены печенеги. Сам

Святополк пировал и пил со своей дружиной всю ночь и не знал о готовящемся нападении.

После переправы новгородцы напали на Святополка, и произошла жестокая сеча; в ней Святополк с дружиной был притиснут к одному из озер и вынужден был вступить на лед; лед обломился, и люди Святополка стали гибнуть; печенеги, стоя по другую сторону озера, не могли ему оказать помощи, а потому победа досталась на долю Ярослава.

После битвы Святополк бежал в Польшу к тестю, а Ярослав сел в Киеве на столе отцовском и дедовском.

Новгородцы же были отпущены домой и очень щедро награждены: все горожане получили по 10 гривен каждый, все люди от земли — по одной гривне, а их старосты — по десяти.

Но Святополк был жив и скоро дал о себе знать. Он сейчас же соединился с тестем своим, Болеславом Польским, и они объявили войну Ярославу. Прежде всего они навели на Киев печенегов; злая сеча была вокруг самого города; погорело множество домов, и едва к вечеру удалось Ярославу одолеть этих степных хищников.

Затем сам Ярослав, заключив союз с недругом Болеслава — немецким императором Генрихом Вторым, пошел осаждать город Брест в Польше; но осада эта была неуспешна.

В это же время немецкий император так же неудачно воевал с Болеславом и скоро заключил с ним мир, после которого уже сам стал советовать полякам идти против русских.

В 1017 году Болеслав выступил в поход, усилив себя немцами, венграми и печенегами.

Он встретился с Ярославом 22 июля того же года на реке Западный Буг, отделявшей польские владения от русских. Так же, как под Любечем воевода Волчий Хвост дразнил новгородцев, так здесь, на Буге, воевода Ярослава — Будый, который был ему дядькой и кормильцем, едзя по берегу, тоже начал смеяться над Болеславом, стоявшим со своим войском на другом берегу. Будый называл его самыми бранными словами и кричал ему: «А вот подожди, уж мы проткнем спицею брюхо твое толстое».

«Болеслав,— говорит летописец,— был велик и тяжел и с трудом сидел на лошади; но зато был смышлен. Не вытерпел он Будыевой брани и, обратившись к дружине своей, сказал: „Если это вам ничего, то я один погибну“,— сел на коня и бросился в реку». Воодушевленная этими словами и примером короля дружина бросилась за ним, перешла Буг и напала на застигнутых врасплох воинов Ярослава, которые не ожидали нападения. Победа поляков была полная. Ярослав спасся только с четырьмя человеками и ушел с ними в Новгород; Болеслав же и Святополк подошли к Киеву.

Киевляне затворились и не пожелали принять Святополка и ляхов, причем в город собралось много народу из окрестных сел, искавших в нем защиты.

Болеслав хотел сперва взять Киев голодом, но затем, 14 августа, пошел на приступ и через несколько часов въехал в него победителем на коне. По рассказу польских летописцев, Болеслав сделал будто бы при въезде на Золотых воротах, чтобы зарубить новую границу своих владений, зарубку мечом, причем ударил им так сильно, что на мече осталась щербина, отчего меч этот стал прозываться с тех пор поляками щербец и наследственно передаваться польским королям.

Однако Болеслав, несмотря на будто бы сделанную зарубку на Золотых воротах (в действительности ворота эти тогда еще вовсе не существовали, а были сооружены позже) и на свой знаменитый меч- щербец, сидел в Киеве недолго.

Войдя в Русскую землю, он вздумал распорядиться в ней, как победитель в покоренной стране. Застав в Киеве мачеху, жену и сестер Ярослава, он одну из них, Предславу, за которую прежде сватался, но получил отказ, теперь, в отмщение, взял себе в наложницы.

Затем он захватил все имущество Ярослава. Хитрый грек Настас, пустивший из Корсуня стрелу с запиской в стан Владимира перед крещением князя и проживавший с ним в Киеве, где был в большой чести и заведовал Десятинной церковью, вошел теперь в большую милость к Болеславу.

Уверенный в себе, польский король одну часть своих дружин отпустил домой, а другой приказал разойтись по русским городам для кормленья.

Вот тут-то он и ошибся в своих расчетах.

Русские отнюдь не были склонны переносить наглое отношение к себе поляков и начали всюду беспощадно их избивать. В этом им помог и Святополк, которому наскучило гощенье тестя. Он послал сказать кому следует: «Сколько есть ляхов по городам, избивайте их».

Видя погибель своих поляков, Болеслав бежал из Киева, причем дочиста ограбил город, забрал с собой церковное и княжеское имущество, захватил двух сестер Ярослава — Предславу и Мстиславу, его бояр и множество пленных. При этом к награбленному имению он приставил своего нового друга, ловкого Настаса, а по дороге в Польшу взял назад отобранные у него святым Владимиром чешские города. Святополк же после бегства тестя стал княжить в Киеве.

Обратимся теперь к Ярославу.

После неожиданного для себя разгрома на реке Буге он прибежал сам-пять в Новгород и решил бежать дальше, за море — к варягам.

Но доблестные новгородцы опять не оставили в несчастье своего любимого князя и не позволили ему бежать за море. Под предводительством посадника Константина, сына Добрыни, они рассекли княжеские ладьи, приготовленные для бегства, и объявили ему: «Хотим еще биться с Болеславом и Святополком». После этого сейчас же начали собирать деньги на войну: с простого человека брали по 4 куны, со старост по 10 гривен, а с бояр — по 18 гривен. На деньги эти наняли варягов и пошли на Киев.

Услышав про поход Ярослава, Святополк побежал к печенегам и привел оттуда огромную рать. Оба войска встретились на реке Альте, у того самого места, где был убит князь Борис. «Братья мои,— воскликнул Ярослав перед боем,— если вы уже далеки от меня телом, то молитвой помогите мне на этого гордого и супротивного убийцу». Сеча была злая, какой еще не было на Руси. Три раза сходились обе рати биться; секлись, схватываясь руками; кровь текла по долинам реками. Наконец к вечеру Ярослав одолел.

Потрясенный своим поражением, Святополк бежал, несомый на носилках, так как у него ослабели все члены и кости, и постоянно твердил: «О, бегите, бегите, догоняют нас».

Так пробежал он всю Польскую землю и погиб в пустыне между ляхами и чехами. Это было в 1019 году. Народ прозвал его Окаянным.

После сего Ярослав сел в Киеве, где «утер пот с дружиною», по выражению летописца.

Первым его делом было отдать последний долг своим братьям-страстотерпцам— Борису и Глебу. О месте погребения Бориса он узнал скоро, но целый год искал напрасно останки Глеба. Только весной 1020 года тело его было случайно найдено звероловами. Священники со свечами и кадилами перенесли его в лодку, и затем оно было перенесено в Вышгород, где его погребли рядом с братом.

При этом всеобщее внимание было обращено на то, что тело Глеба, пролежав пять лет в лесу, нисколько не повредилось от погоды; также звери и птицы не тронули его; оно было бело и нетленно, как живое. Скоро у могилы мучеников начали являться знамения и чудеса.

Ярослав, после совещания с митрополитом Иоанном, решил открыть мощи новоявленных святых, прославленных нетлением и даром чудотворения. Для этого приступили к постройке нового храма, и 24 июля 1021 года храм этот был освящен, и мощи открыто поставлены в правой стороне церкви. Во время литургии, при бесчисленном стечении народа, хромой, ползавший у раки святых, встал и стал ходить на виду у всех.

С памятью святого страстотерпца Бориса неразлучно связана память о верном слуге его Ефреме Новоторжском. Ефрем, родом венгр, пришел на службу к князю Борису вместе с двумя своими братьями — Моисеем и Георгием. Георгий, как мы знаем, был при своем господине на берегу реки Альты и погиб от копий убийц, когда хотел прикрыть своим телом Бориса. Узнав о смерти князя и любимого его брата, Ефрем искал тело Георгия на месте убийства, но нашел только голову, которую злодеи отрубили, чтобы снять с шеи золотую гривну, подаренную ему Борисом. Ефрем взял с собой голову брата и затем принял иночество, удалившись на берег реки Тверцы, в селение Новый Торжок. Там он построил странноприимный дом, а когда открылись мощи святых князей Бориса и Глеба, то в честь их он соорудил каменный храм и основал монастырь. Мощи преподобного Ефрема, обретенные в 1872 году, почивают открыто в соборной церкви Новоторжского

Борисоглебского монастыря. При них нетленная глава брата его Георгия, которая, по завещанию преподобного Ефрема, была положена с ним в могилу.

Сев в Киеве на княженье и заботясь об отдаче последнего долга погибшим братьям, Ярослав, вместе с тем, должен был перенести еще немалые огорчения от других своих родственников.

В 1020 году племянник Ярослава, полоцкий князь Бречислав, сын того Изяслава, который, будучи малюткой, с большим мечом в руках спас свою мать Рогнеду от гнева Владимира, напал на Новгород, ограбил город, полонил множество жителей и с богатой добычей пошел обратно к Полоцку. Узнав про это, Ярослав собрался против него и совершил поход, по примеру деда своего Святослава, с поражающей быстротой, сделав в семь дней от Киева до речки Судомы, впадающей в Шелонь, около семисот верст; здесь он отобрал у Бречислава весь его полон и прогнал обратно к Полоцку; впрочем, он вскоре примирился с ним и прибавил к его уделу еще две волости.

Расправившись с Бречиславом, Ярослав через два года вынес гораздо более упорную борьбу с родным братом своим от Рогнеды — Мстиславом. Этот Мстислав, получив от отца далекую Тмутаракань, усилил свои владения, победив хазар и касогов, живших в степях, примыкающих к Северному Кавказу. По природе богатырь, дебелый телом, черный волосом, светлый лицом, храбрый, милостивый и долготерпеливый ко всем, Мстислав больше всего на свете любил свою дружину, для которой ничего не жалел.

В 1016 году, помогая грекам, он окончательно разрушил Хазарское царство и взял в плен хазарского хагана. В 1020 году, когда Ярослав расправлялся с Бречиславом, Мстислав покорил касогов.

Это случилось так. Когда Мстислав и его дружина сошлись с касожскими полками, то их князь Редедя, богатырь по своей силе, предложил Мстиславу: «Для чего будем губить свою дружину, лучше сойдемся сами и поборемся. Если ты одолеешь, то возьмешь все мое: именье, жену, детей и всю землю. Если я одолею, то возьму все твое». — «Да будет так», — ответил ему Мстислав. Тогда Редедя добавил, что бороться будут не оружием, а борьбой. Крепко схватились два богатыря. Редедя был силен и велик, и Мстислав стал уже изнемогать. «Пресвятая Богородица, помоги мне», — воскликнул он в молитве и помыслил: — Если одолею, построю церковь во имя Твое». Как только он это сказал, то в ту же минуту ударил Редедю о землю, после чего вынул нож и заколол его. Затем, согласно уговору, Мстислав вошел в Касожскую землю, забрал ее и наложил дань, а вернувшись к себе в Тмутаракань, заложил обещанную церковь Святой Богородице.

Вот этот-то Мстислав, получивший прозвище Удалого, усилившись касожскими полками, решил в 1023 году искать себе лишних волостей после умерших братьев и вторгся в русские пределы. Он уже раньше требовал их себе, и Ярослав давал ему Муром, но Мстислав нашел, что этого мало.

В то время как Мстислав шел к Киеву, Ярослав был в Новгороде, где работал на пользу народа. Дело в том, что в суздальской стороне случился в

это время голод; языческие волхвы волновали народ, уверяя, что гнев богов происходит от старых людей, и научали убивать их. Все это вызвало великий мятеж по всей стране, и было убито несколько старых женщин. Ярослав поспешил на помощь к взволнованному народу, переловил волхвов, одних казнил, других заточил и успокоил народ, говоря, что Бог по грехам наводит на землю бедствия и казни и что человек знать этого не может; старые же бабы тут ни при чем. В то же время он отправил людей по Волге и к болгарам за хлебом, получив который все ожили и успокоились.

Узнав о вооружении Мстислава, Ярослав стал собирать в Новгороде рать и послал за море нанять варягов. Эти варяги пришли к нему под начальством воеводы Якуна Слепого, носившего на глазах повязку из золотой ткани.

Тем временем Мстислав подошел к Киеву; но киевляне заперлись и отказались его принимать. Тогда он сел в Чернигове.

Собрав своих новгородцев, Ярослав вместе с варягами пошел против брата; Мстислав тоже вышел ему навстречу, и полки сошлись в Листвене, в 40 верстах к северу от Чернигова. Мстислав построил свое войско с вечера. Ночью разразилась страшная гроза, засверкала молния, загредел гром, полил дождь. Тогда удалой князь сказал своей дружине: «Пойдем на них; это наша добыча». Однако Ярослав тоже не дремал; по-видимому, его новгородцы и варяги также хотели напасть врасплох на Мстислава. Оба войска встретились, и наступила страшная сеча. Великая гроза тоже не уменьшалась. Наконец Мстислав ударил со своей дружиной на варягов; те подались и побежали; слепой Якун второпях потерял даже свою золотую повязку с глаз и бежал прямо домой за море. Ярослав тоже вынужден был отступить и направился в свой Новгород. Тогда Мстислав послал ему вдогонку посланных, чтобы они сказали Ярославу от него: «Садись в своем Киеве, ты старейший брат, а мне будет эта черниговская сторона». Но Ярослав, искушенный своей борьбой со Святополком, не пошел на этот зов сразу, а послал в Киев своих посадников. Только через год, собрав в Новгороде большое войско, пошел он на Киев и заключил с Мстиславом мир; братья съехались у Городца близ Киева и разделили Русскую землю по Днепру: Мстислав взял себе восточную часть со столом в Чернигове, а Ярослав — западную, с Киевом. Это было в 1025 году, «и начали они жить мирно и братолюбиво, — говорит летописец, — перестала усобица и мятеж, и была тишина великая в земле».

После примирения с братом Ярослав начинает усердно трудиться над приведением в порядок дел государственных и над защитой границ от соседей, поднявших было голову во время братских усобиц.

Прежде всего надо было наказать поляков за их хозяйничанье в Киеве с Болеславом и Святополком.

Как только в 1025 году умер Болеслав, во всей Польше начался мятеж. При этом поднялись также и червенские города — Перемышль, Червен и другие, не желавшие больше сносить польское иго. Ярослав с Мстиславом пришли им на помощь и в 1030 году отобрали их обратно у ляхов, а затем прошлись и по Польской земле, где забрали множество пленных.

В том же 1030 году Ярослав утвердил свою власть на западном берегу псковского озера и построил город Юрьев в честь своего христианского имени.

В 1036 году Мстислав поехал на охоту, простудился и умер. Все его волости достались Ярославу, который стал с тех пор единовластным в Русской земле [1](#).

В том же 1036 году великий князь ходил в Новгород, где посадил княжить старшего сына своего Владимира, а епископом поставил знаменитого проповедника Луку Жидяту. Находясь в Новгороде, Ярослав узнал, что печенеги в огромном количестве подошли к самому Киеву. Он тотчас же выступил против них с варягами и новгородцами, которых по прибытии соединил с киевлянами. Битва с печенегами произошла на том месте, где ныне в Киеве стоит собор Святой Софии.

Сеча была жестокая, но к вечеру Ярослав наголову разгромил печенегов, которые в ужасе бежали во все стороны.

Поражение печенегов было настолько полное, что с той поры они навсегда прекратили всякие нападения на Русь.

На следующий год Ярослав заложил в Киеве кремль и соборный храм Святой Софии Премудрости Господней на месте своей славной победы над печенегами. Тогда же он построил в Киеве церковь Святой Ирины и монастырь Святого Георгия. Наконец, в том же 1037 году соорудил он и Золотые ворота с церковью Благовещенья над ними, те самые Золотые ворота, на которых, по рассказу поляков, их король Болеслав сделал будто бы еще в 1018 году зарубку своим мечом-щербцом

Особенно много труда и забот было положено на сооружение храма Святой Софии для этого были призваны греческие зодчие и художники Храм сей и до настоящего времени сохранился, несмотря на позднейшие переделки, в сравнительно большой целости В первоначальном своем виде это было продолговатое каменное здание, сложенное из огромных кирпичных плит и отчасти дикого камня, длина была пятьдесят два аршина и ширина около семидесяти шести аршин, а высота доходила до семидесяти аршин На северной, западной и южной сторонах сделаны были каменные хоры, поддерживаемые толстыми столбами, алтарь троечастный, полукруглый, с окнами, а рядом с ним два придела Храм освещался пятью куполами, из которых самый большой приходился над его серединой. Снаружи была устроена паперть, с которой на двух сторонах — северной и южной — идут две лестницы на хоры

Внутренность храма была богато отделана живописью и особой стенописью, так называемой мусией, или мозаикой Эта мусийная стенопись заключается в том, что стена выкладывается мелкими разноцветными камешками, подобранными так, чтобы получались желаемые изображения. Хорошая мусия чрезвычайно прочна, и в Софийском храме до сих пор сохранились мусийные изображения: на Славном алтарном своде — Божьей

Матери с поднятыми руками, так называемая «Нерушимая стена»; под ней — часть Тайной Вечери; а еще ниже — некоторые другие изображения; на алтарных же столбах — картина Благовещения: Ангел с ветвью и прядущая Богоматерь. Затем уцелела и часть мусии в куполе.

Стены лестниц, ведущих с паперти на хоры, были покрыты обыкновенной живописью с изображением разных случаев княжеской жизни: суда, увеселений, охоты и других. Изображения эти, несколько подправленные, существуют и поныне; на рис. 212 изображены скomorохи, пляшущие и играющие на флейтах, сопелях, гусях, медных тарелках и на чем-то вроде большой бала-дайки. Тут же один из них поддерживает спиной в равновесии столб, до которого карабкается вверх скomorох-подросток. На рис. 213 изображены различные виды охоты. К сожалению, точно (16 известно, в каком именно месте храма имелось замечательное изображение семьи Ярослава, показанное на рис. 214.

Кроме Киева, по повелению Ярослава, сын его Владимир воздвиг и в Новгороде храм Святой Софии, по образцу киевского, но поменьше, на месте первоначальной дубовой церкви, сгоревшей в 1045 году. Этот храм подвергся впоследствии величайшим разорениям от нашествия врагов и пожаров, но до сих пор еще в нем уцелела часть его старинной замечательной мусийной живописи, а также и редчайшие ворота на западной стороне церкви, так называемые Корсунские.

В Чернигове, еще в 1031 году, Мстислав Удалой заложил собор Спаса Преображения, стоящий нерушимо и поныне. В недавние времена собор этот особенно прославился открытием нетленных и чудотворных мощей святого Феодосия Углицкого, архиепископа Черниговского.

После разгрома печенегов Ярославу пришлось вести еще несколько войн; он послал воевать финское племя ямь, жившее в нынешней Финляндии, и распространил русские владения по течению реки Северной Двины.

Затем были при нем походы на Литву и ятвягов, чтобы наказать их за набеги на наши границы.

Наконец, в 1043 году Ярослав предпринял поход и на Царь-град. Причина этого похода заключалась в следующем. После крещения святого Владимира греки жили с русскими очень мирно и свято соблюдали договоры, писанные при Олеге и Игоре. Но однажды случилось, что русские с греками поспорили на торгу; произошла драка, и один русский был убит. Ярослав, горячий и неукротимый, несмотря на свои преклонные годы, пришел за эту обиду в большой гнев и, собравши большое войско, посадил его на ладьи и отправил к Царьграду под начальством сына своего Владимира, при двух воеводах: Вышате и Иване Творимириче.

Греческий царь Константин Мономах, узнав о приготовлениях русских к войне, послал тотчас к Ярославу послов с предложением мира, говоря, что из-за такой маловажной причины не следует нарушать добрый и старый мир и вводить в войну два больших народа.

Но Ярослав, рассказывают греки, прочитав царское послание, прогнал послов с бесчестьем и послал Константину гордый и презрительный ответ. Греки, конечно, почитали убийство русского маловажным делом и хотели отделаться дарами и деньгами, но Русь дешево не отдавала свою кровь и никаких обид не прощала, особенно льстивым грекам. Русская голова, погибшая в Царьграде, всегда волновала всю Русскую землю, и вся земля, не разбирая опасностей, собиралась, как один человек, мстить за свою кровь.

Получив такой ответ от Ярослава, Константин стал готовиться к защите: он прежде всего захватил находившихся в Царьграде русских, опасаясь от них возмущения, и разослал их по отдельным областям. Затем он вооружил свои корабли и войска и выслал их к входу из Черного моря в Босфор, где обычно останавливалась Русь—в небольшой гавани, у маяка Искреста. Греческие и русские суда стали друг против друга, но боя не начинали. Царь Константин снова послал своих приближенных просить мира. Князь же Владимир отослал их назад с посрамлением, сказав, что примет мир не иначе, как получив на каждого русского воина по три фунта золота. Конечно, царь Константин столько золота дать не мог и начал битву.

Вот как рассказывает про эту битву грек Псел, состоявший в то время, как она шла, при императоре Константине: «Царь ночью с кораблями приблизился к русской стоянке и потом наутро выстроил корабли в боевой порядок. Русские, со своей стороны, снявшись, как будто из лагеря и окопа, от противоположных нам пристаней и выйдя на довольно значительное пространство в открытое море, поставив потом все свои корабли по одному в ряд и этой цепью перехватив все море от одних до других пристаней, построились так, чтобы или самим напасть на нас, или принять наше нападение. Не было ни одного человека, который, смотря на происходящее, не смутился бы душой; я сам стоял тогда,— говорит Псел,— около императора и был зрителем совершающегося. Однако никто не двигался вперед, и обе морские силы стояли неподвижно.

Когда прошло уже много дней, тогда император подал знак двум из больших кораблей и приказал понемногу двигаться вперед против русских ладей. Большие корабли ровно и стройно вышли вперед, а сверху копьеносцы и камнеметатели подняли военный крик; метатели же огня построились в порядке, удобном для бросания его.

Тогда большинство русских лодок, высланных навстречу, быстро гребя, устремились на наши корабли, а потом, разделившись, окружив и как бы опоясав каждый из отдельных больших кораблей, старались пробить их снизу балками, а греки бросали сверху камни и весла. Когда против русских начали метать огонь и в глазах у них потемнело, то одни из них стали кидаться в море, как бы желая проплыть к своим, а другие не знали, что делать, и в отчаянии погибали.

Затем император подал второй знак, и уже большее число больших кораблей двинулось вперед; за ними пошли другие корабли, следуя сзади или

плывя рядом. Наша греческая сторона уже ободрилась, а русские стояли неподвижно.

Когда, разрезая воду, большие корабли очутились против самых русских лодок, то связь их была разорвана, и строй их рушился; однако некоторые из них осмелились стоять на месте, но большая часть повернула назад.

Между тем солнце, уже высоко поднявшись, стянуло в себе густое облако снизу и изменило погоду: сильный ветер поднялся с востока, возмутил море вихрем, который и устремил волны на русских и потопил часть их лодок тут же, а другие, загнав далеко в море, разбросал по скалам и утесистым берегам; иные из них были настигнуты греческими большими кораблями, которые и предали их пучине со всеми гребцами и воинами; другие, будучи рассечены пополам, были выкинуты на ближайшие берега. Произошло большое избиение русских, и море было окрашено поистине убийственным потоком, как бы идущим сверху, из рек».

Так рассказывает грек Псел про это морское сражение, причем сам же указывает, что больше всего помогла грекам поднявшаяся буря. Выкинутые этой бурей тела русских собирались греками, после чего они обирали с покойников одежду и вещи.

Корабль князя Владимира был также разбит бурей, и сам он чуть не погиб. Воевода Иван Творимирич еле успел посадить его на свою лодку. Оставшиеся в живых русские пошли домой — одни пешком по берегу, другие на оставшихся судах. Всего на берегу после бури собралось шесть тысяч человек; они были наги, голодны, без припасов и без начальства, так как никто из старших княжеской дружины не хотел идти с ними, предпочитая вернуться на ладьях.

Тогда доблестный Вышата, воевода Ярославов, видя столько воинов, брошенных без вождя на произвол судьбы, воскликнул от жалости: «Не поеду я к Ярославу, а пойду с ними», — и высадился из своей лодки на берег. «Если я жив буду, то с ними, — сказал он, прощаясь с князем Владимиром, — а если погибну, то с дружиной», — и после этого принял начальство над нагими и голодными воинами.

Между тем греки выслали погоню за русскими ладьями. Узнав про это, Владимир повернул назад, вступил в бой с греческими кораблями и разбил их со славой: четыре из них взял в плен со всеми людьми и убил самого греческого воеводу. После этого он с большой честью вернулся в Киев к отцу.

Не такова была судьба благородного Вышаты. Он благополучно добрал со своими больными, увечными и еле одетыми и обутыми воинами до Варны. Здесь их поджидал греческий воевода. Наши вступили в бой, но были разбиты; при этом восемьсот человек и сам Вышата попали в плен, после чего были приведены в Царьград и ослеплены.

Неудачное окончание описанного похода несколько не уменьшило значения Руси в Царьграде: слишком силен и могуществен был русский князь Ярослав, и слишком храбры и неустрашимы были русские войска. Да, кроме

того, греки и не могли существовать без русских товаров: хлеб, меха, мед, рыба, воск, янтарь, золото — все это получалось из Руси, а потому греки и были, конечно, крайне рады, когда через три года им удалось восстановить с Ярославом прежний мир.

По этому миру Вышата со слепой дружиной был отправлен на родину, где был, несомненно, встречен с большим почетом; на Руси же после этого можно было видеть много слепцов.

Впоследствии, чтобы укрепить еще больше мир с Русью, Константин Мономах выдал свою дочь замуж за Всеволода, любимого сына Ярослава.

Кроме греческого императора, все знаменитые короли и владетельные князья того времени искали высокой чести породниться с русским великим князем.

Сам Ярослав был женат на Индигерде, дочери шведского короля Олафа; сестру свою Доброгневу он выдал замуж за короля Казимира, занимавшего польский стол после Болеслава Храброго; а сестра самого Казимира была женой сына Ярослава — Изяслава. Одна дочь Ярослава, Елизавета, была замужем за норвежским королем Гаральдом. Ярослав долго не соглашался выдавать за него дочь, так как он сватался к ней во время изгнания из своей родины, но своей храбростью и доблестной службой Ярославу, а также и византийскому императору, которому он завоевал много городов, Гаральд склонил наконец русского великого князя отдать за него дочь. До сих пор еще норвежцы распевают славные песни, которые сложил Гаральд в честь горячо любимой жены своей — красавицы Елизаветы Ярославны. Другая дочь, Анна Ярославна, была женой французского короля Генриха Первого и матерью французского же короля Филиппа, за малолетством которого она долго правила Францией. Французы до настоящего времени берегут ее собственноручную подпись «Королева Анна» на одной государственной грамоте. «На ней королева Анна,— говорит французский ученый, описывавший грамоту,— не удовольствовалась, по обычаю тех времен, за общей безграмотностью, поставить крест рядом со своим именем, написанным рукой писца, но собственноручно подписала ее своим именем на русском языке». В городе же Реймсе, где венчались на царство французские короли, до сих пор хранится Евангелие, которым, вероятно, благословил свою дочь, отправляя во Францию, Ярослав Мудрый. Французские короли при своем помазании давали обет Господу на этом Евангелии, причем, ввиду незнакомства французов со славянским языком, оно считалось ими написанным на каком-то совершенно неведомом языке. 22 июля 1717 года, когда император Петр Великий проезжал через город Реймс и осматривал соборную ризницу, то Евангелие это было ему показано с пояснением, что никто не знает, на каком оно написано языке. К величайшему удивлению присутствующих, великий русский царь, взяв его в руки и увидев церковно-славянское письмо, начал его тотчас же бегло читать. Третья дочь Ярослава — Анастасия, была женой венгерского короля Андрея Первого, а из сыновей Ярослава двое были женаты на немецких графинях очень знатных родов.

Двор Ярослава, окруженный блеском величия, служил убежищем и для несчастных государей и владетельных князей: Олаф Святой, король норвежский, лишенный престола, проживал одно время у нас. Ярослав принял его с особым дружелюбием и хотел дать ему в управление область, но он скоро выехал опять в Норвегию, оставив у нас своего юного сына Магнуса; затем у нас же проживали Эдвин и Эдуард, дети английского короля Эдмунда, изгнанного из Англии датским завоевателем Канутом Великим. Далее, принцы венгерские Андрей и Левента искали одно время также убежища у Ярослава, и, наконец, им же был принят на службу варяжский князь Симон, изгнанный из своего отечества дядей своим, Якуном Слепым, который потерял, как мы знаем, свою золотую повязку с глаз под Лиственном.

Так блистательно поставил Русь к концу своего княжения мудрый Ярослав. Дела его славились по всем странам Европы, а заведенные им на Руси порядки служили многим примером. Так, вычеканенная им монета — «Ярославле сребро» — послужила образцом для монет северных государств — Швеции, Норвегии и других.

В 1054 году, чувствуя приближение смерти, Ярослав собрал своих детей и для предупреждения всякой распри между ними держал им следующее слово: «Вот я отхожу из этого света, дети мои! Любите друг друга, потому что вы — братья родные, одного отца и одной матери. Если будете жить в любви между собой, то Бог будет с вами. Он покорит вам всех врагов, и будете жить в мире; если же станете ненавидеть друг друга, ссориться, то и сами погибнете, и погубите землю отцов и дедов, которую они приобрели трудом своим великим. Так живите же мирно, слушаясь друг друга; свой стол — Киев, поручаю вместо себя старшему сыну моему, Изяславу [21](#). Слушайтесь его, как меня слушались; пусть он будет вам вместо отца. Святославу даю Чернигов, Всеволоду — Переяславль, Игорю — Владимир, Вячеславу — Смоленск; каждый да будет доволен своею частью; если же кто захочет обидеть брата своего, то ты, Изяслав, помогай обиженному».

Вскоре после этого великий князь, уже совершенно больной, но не перестававший заниматься государственными делами, поехал по какой-то надобности в Вышгород и там скончался 19 февраля 1054 года на руках своего любимого сына Всеволода; он умер семидесяти шести лет от роду, окруженный всеобщим почетом и любовью и горько оплакиваемый народом.

Тело его было положено в гробницу из светлого мрамора, в которой оно покоится и поныне, в приделе, по правую руку от алтаря, в соборном храме Святой Софии в Киеве.

Благодарный русский народ почтил память своего великого князя, наименовав его Мудрым.

Действительно, немало мудрости и трудов положил Ярослав для создания великой и могучей Руси.

Длинные междоусобные войны с братьями заняли у него многие годы. При этом военное счастье далеко не всегда было на его стороне. Тяжкие

поражения пришлось ему испытать и от поляков при борьбе со Святополком, и от брата Мстислава под Лиственном. Наконец, не удался и его греческий поход. Но все эти тяжкие времена мудрый Ярослав преодолел своим твердым нравом и ясным умом, и к концу его жизни все устроилось так, как лучше он и желать не мог.

Кроме войн, веденных для защиты и усиления русской мощи и славы, не меньше трудов положил Ярослав и на устройство внутренних дел и порядков в Русской земле. За свою любовь к сооружению церквей, монастырей, палат и других зданий киевляне признали его «хоромцем», то есть охотником строить. Еще с большей любовью и усердием относился Ярослав к народному просвещению.

Время его ознаменовалось распространением православной веры почти по всей Русской земле и постройкой множества церквей и монастырей.

Как глубоко верующий христианин, Ярослав смущался, что дяди его Ярополк и Олег умерли некрещеными; поэтому он вырыл их кости и, крестивши их, предал опять погребению.

Детей своих он воспитывал в вере Христовой с самым большим старанием. Особенной ревностью к вере отличалась супруга его Индигерда, в крещении Ирина, и старший сын Владимир Ярославич, сидевший в Новгороде, в котором он положил очень много трудов на сооружение собора Святой Софии; почив тридцати трех лет от роду, Владимир был погребен в корсунской паперти собора, рядом с матерью, принявшей перед смертью пострижение с именем Анны. Мощи князя Владимира и княгини Анны прославились своим нетлением и ко дню празднования тысячелетия России, в 1862 году, были положены в серебряных раках в самом соборе. Православная церковь причислила их к лику святых.

Во время княжения Ярослава выросло уже поколение тех детей, которых святой Владимир отдал в книжное ученье и матери которых оплакивали их при этой отдаче, как умерших. Теперь эти дети ставились всюду священниками и церковниками. Ярослав продолжал дело своего отца: в Новгороде он тоже собрал 300 детей у старост и попов и отдал учиться книжному и церковному просвещению.

Великий князь, пристрастившийся к книжному учению, сам читал священные книги и днем, и ночью. Он неутомимо всюду отыскивал их и, конечно, собрал все, что можно было найти на славянском языке у болгар. Но не довольствуясь этим, он посадил у себя в терему множество переводчиков и заставил их переводить и переписывать в большом числе книги с греческого языка, чтобы рассылать их потом по церквам. Этим рвением к книжному делу великий князь положил основание и древнейшему русскому книгохранилищу при Новгородском Софиевском соборе.

Руководимые Ярославом, как семья его, так и все русское высшее общество, усердно просвещали себя чтением и наукой; переписка книг, так как книгопечатание не было тогда еще известно, считалась настолько

почетным занятием, что первейшие духовные лица, князья и княгини посвящали свое свободное время этой переписке. Любимый сын Ярослава, Всеволод, по собственной охоте изучил пять иностранных языков, а другой сын, Святослав, собирал где мог книги и заваливал ими свои покои. До сих пор сохранилась написанная по его приказанию и украшенная драгоценными рисунками книга «Изборник Святослава». К тем же временам относится также сохранившееся до сей поры Евангелие, с великолепными рисунками и украшениями, написанное для новгородского посадника Остромира. Оно носит название «Остромирова Евангелия».

По поводу так сильно развившейся любви к книжному просвещению в Ярославово время летописец говорит: «Подобно тому, как если б кто распахал землю, а другой посеял, а иные стали бы пожинать и есть пищу обильную, так и князь Владимир распахал и умягчил сердца людей, просветивши их крещением; сын его, Ярослав, насеял их книжными словами, а их теперь пожинают, принимая книжное ученье. Велика бывает польза от него; из книг учимся путем покаяния, в словах книжных обретаем мудрость и воздержание; это реки, напоющие вселенную; в книгах неисчетная глубина, ими утешаемся в печали, они узда воздержания».

Кроме распространения православия и просвещения, Ярослав оставил по себе память также и тем, что он был государь, которому приписывается составление первого писанного свода законов под названием «Русская Правда».

В эту «Русскую Правду» вошли все порядки для производства княжеского суда, а также и правила для взимания взысканий и государственных доходов.

Сборник этот весьма любопытен, так как по наказаниям, указанным в нем, можно судить о нравах, господствовавших тогда на Руси.

Из законов, помещенных в «Русской Правде», мы видим, что несмотря на принятие христианства, родовая месть при Ярославе считалась еще вполне законной; так сильны, значит, были древне-арийские языческие обычаи. «Русская Правда» делает лишь то ограничение, что мстит за обиду не весь род обиженного, а только его ближайшие родственники: брат за брата, отец за сына, сын за отца и племянник за дядю. В случае, если почему-либо мести не было, то за убийство или увечье князю платилась вира, имевшая разные размеры, смотря по свойству обиды и званию обиженного; так, за убийство свободного человека платилось сорок гривен, а за княжеского мужа — восемьдесят гривен. Если же на земле какого-либо селения находили мертвое тело, причем убийца не был обнаружен, то все селение платило князю виру; эта вира называлась дикой. По «Русской Правде» особенно сильно карались поджигатели и конокрады — самые злые враги сельского населения и в настоящее время. Виновные в этих преступлениях выдавались князю на поток, то есть на изгнание, а дома их и имущество разграблялись.

Исследование дела производилось всегда очень тщательно: вызывались свидетели, выслушивались стороны, и только тогда постановлялось решение. Если же свидетелей не было и дело почему-либо представлялось неясным, то

обвиняемые в убийстве или в краже не менее чем на полгривны золота подвергались испытанию железом: они должны были произносить присягу либо стоя на раскаленном железе, либо держа на нем два пальца; при менее важных преступлениях производилось испытание водой: обвиняемый должен был сделать несколько шагов в глубину реки; если он при этом робел или мешкался, то проигрывал дело. Главнейшим наказанием была денежная пеня различного размера, смотря по вине осужденного; причем продажа в рабство применялась в том случае, когда у него не было средств заплатить наложенную на него по суду пеню.

Мы видели, что ближайшим помощником русских князей во всех делах была его дружина. Дружина эта разделялась на старших мужей, или бояр, и на младших, называемых также гридями (от этого слова произошло и название гридница, то есть палата, где в княжеских теремах собирались люди его дружины). Бояре были те старшие мужи, с которыми совещался князь о всех важных делах как ратных, так и земских; мы видели также, что святой Владимир совещался с боярами же и тогда, когда задумал принять христианство. Князя посылали бояр посадниками в города, послами к иноземным государям и назначали их тысяцкими или воеводами над ратными людьми от земли, которые приходили со своими старостами, сотскими и десятскими.

При построении полков для боя дружина обычно ставилась на обоих крыльях большого полка, или чела, который состоял из воинов от земли. Таким порядком обычно большой полк вел бой, а дружина на крыльях своими решительными действиями довершала победу. Конечно, дороже всего для дружины должен был ^ быть ее князь, а для князя его дружина. И действительно, мы видели, насколько всегда были преданы своим князьям их дружины в самых трудных делах, а также как и князья любили свои дружины. Олег, возвращаясь из царьградского похода, не пожалел наделать из драгоценных паволок парусов для кораблей своей дружины. Доблестный Святослав не хотел креститься, чтобы не смеялись его мужи; дружина же его всегда была готова лечь костями за своего князя. Святой Владимир, услышав, что его подвыпившие дружинники жалуются на деревянные ложки, сейчас же приказал выковать их из серебра. Наконец, Мстислав Удалой надолго оставил по себе память именно тем, что беспредельно любил свою дружину.

Все мужи дружины были совершенно свободны и всегда могли оставить службу у князя и переехать к другому; но в действительности случаи эти в описываемое время были чрезвычайно редки.

Кроме князей, и княгини тоже имели свои дружины, особенно те, которые по складу своей души любили принимать участие в делах Русской земли.

Содержание дружин обходилось князьям вообще очень дорого, почему они и не были многочисленны; 800 человек считалось уже очень большой дружиной. Но если дружины были невелики, то состав их подбирался с особой заботой. Во главе ее всегда стоял сам князь, поступая в ее ряды с раннего детства. Мы видели малютку Святослава, уже с четырехлетнего

возраста идущего во главе дружины в бой. Вообще в те времена жизнь князей начиналась рано: они нередко женились одиннадцати или двенадцати лет от роду, на восьми- или девятилетних невестах, и в том же возрасте начинали принимать участие в делах управления и переносить все тягости боевой жизни. К двадцати годам из них вырабатывались настоящие мужи по своему зрелому уму в делах земских и по умению не только лично вести бой с врагом, но и искусно водить на него свои войска.

Таковыми же молодцами были и молодые товарищи князя, с которыми он вместе рос, боярские дети; да и все остальное население, по примеру князей, с раннего возраста отличалось большим мужеством и деловитостью. Стоит только вспомнить того замечательного отрока, который пробрался через стан печенегов с уздой в руках к воеводе Претичу во время осады печенегами Киева в княженье Святослава. И до сих пор среди русского народа, когда случается война, всегда находятся славные отроки, иногда не старше тринадцати или четырнадцати лет, которые не только проявляют чудеса храбрости, но также, следуя примеру этого киевского молодого героя, отличаются необыкновенным хладнокровием и рассудительностью при величайшей опасности; что же касается нашей молодежи, из которой ныне состоит русское войско, то всем известно, какими отважными героями наравне со старыми воинами они всегда себя держат перед врагом.

В княжескую дружину принимались люди всякого рода и племени и всех возрастов и состояний. Единственное требование, которое им предъявлялось, это чтобы они были мужами добрыми, храбрыми и смышленными. Каждый самый простой человек мог рассчитывать занять в княжеской дружине самое почетное место — исключительно благодаря своим личным доблестям.

Мы видели, что у Святослава первым вельможей после него был великан Икмор, вышедший из простого звания только вследствие своих необыкновенных воинских подвигов; мы видели также во время борьбы святого Владимира с печенегами, что он тотчас же возвел в бояре, даже вместе с отцом, простого крестьянина Яна Усмошвеца за его славную победу над печенежским силачом.

Этим братством и равенством военных людей перед своими государями вне зависимости от того, из какого звания они происходят, всегда отличались только русские войска, причем у нас так осталось и до настоящего времени.

Особенно ценили князья, когда в ряды их дружин поступали знаменитые богатыри, славные своими доблестными делами.

В древних наших песнях мы находим, что князь встречал прибывающих неизвестных ему богатырей следующими словами:

«Гой вы еси, добры молодцы! Скажите ж, как вас по имени зовут; А по имени вам можно место дать, По изотчеству можно пожаловать».

Такое отношение князей к боярам еще яснее выражено в одной из былин про Илью Муромца:

Приехал Илья Муромец во Киев-град

И вскричал он громким голосом:  
«Уж ты, батюшка, Владимир князь!  
Тебе надо ль нас, принимаешь ли  
Сильных, могучих богатырей,  
Тебе, батюшка, на почесть-хвалу,  
Твоему граду стольному на изберець!..»  
Отвечает батюшка Владимир князь:  
«А и как мне вас не надо-то!  
Я везде вас ищу, везде спрашиваю».

Богатырями в старые времена назывались те добрые молодцы, знаменитые своей отвагой, исполинской силой и христианскою душой, которые всегда готовы были помочь своему меньшому брату в беде и защитить его от обиды. А обиды тогда было от кого терпеть. В степях рыскало Идолище Поганое, каковым именем народ называл печенегов и других хищников; в лесах же сидели лютые люди— Соловьи-разбойники, чудно перекликавшиеся между собой разными звериными и птичьими голосами, когда давали друг другу знать о приближении путников; был и Жидовин Проклятый — с хазарской стороны, были и другие злые враги, называвшиеся в народе Змеями Горынычами, Тугаринами Змеиновичами и другими мудреными прозвищами. Все эти враги Русской земли нападали внезапно на отдельных людей или на целые селения, подстерегали в лесах и оврагах путников, грабили, убивали, жгли и уводили в полон беззащитный народ — стариков, женщин и детей. Княжеская дружина была невелика да и почти всегда занята войной. Кроме того, Русь была так обширна, а дорог в ней было так мало, что много нужно было времени, чтобы княжей дружине дойти до того места, где свершался разбой или набег хищников; поэтому, конечно, воры и разбойники могли всегда уйти вовремя. Мы видели, что даже большую печенежскую силу иногда было невозможно догнать и найти в степях; князь Борис, посланный святым Владимиром с дружиной против печенегов, возвращался назад, не встретив их, когда узнал на реке Альте о смерти отца.

Вот защитниками бедного люда в их округах против этих воров и разбойников и являлись в Древней Руси наши славные богатыри, которые вместе с тем были и верными княжьими слугами. Они посылались или самими князьями, или приглашались местными жителями для защиты от лютых врагов; здесь они совершали свои подвиги, иногда очень трудные, и делались, конечно, народными любимцами и героями.

Наряду с богатырями в те же времена водились и поленицы.

Поленицами прозывались в народе те добрые девицы, обычно дочери или сестры богатырей, которые, обладая всеми лучшими свойствами женской души, были вместе с тем так сильны и смелы, что могли заткнуть за пояс любого молодца; они тоже, как и их отцы и братья, служили святому делу народной защиты и вступали в отважные бои с разбойниками и прочими

лихими людьми. Носили поленицы обыкновенные женские платья, но ездили на конях и были вооружены копьями, щитами и булатными мечами.

Удалые поленицы, будучи бесстрашными и грозными воинами пока оставались в девицах, по выходе замуж превращались в самых верных и добрых жен и хозяек.

Так рисуют их народные сказания.

Летописи почти не говорят о подвигах богатырей и не говорят потому, что составлялись они, чтобы заносить на память потомству важные государственные дела, имевшие значение для всей Руси; при этом они составлялись всегда кратко, без лишних слов. Славные же дела богатырей и полениц относились обыкновенно к отдельным событиям той или другой местности, а не ко всей Русской земле, а потому они в летописи и не заносились. Из летописных известий мы знаем только, что богатыри водились на Руси вплоть до нашествия татар, при котором они в первой же битве все легли костями за Русскую землю.

Познакомиться же подробно с богатырями и поленицами можно по народным песням-былинам.

Былины — это предания о подвигах богатырей, созданные народной любовью к ним; они переходят местами в сказку и наделяют своих любимцев совершенно несуразной силой и невероятными подвигами. Но как в сказочных преданиях древних греков о кентаврах и амазонках заключалось много истинного смысла, так и в наших былинах о богатырях находится много настоящей правды.

Читая былины, мы знакомимся не только с именами наших славных богатырей и их чудесными делами, но как бы переносимся в те времена, когда они жили,— так живо и правдиво составлены эти былины; в них показаны и нравы каждого богатыря, и счеты их между собой, и насмешки, которыми они осыпали иногда друг друга; читая былины, как бы присутствуешь на богатырских пирах, видишь их одежду и оружие и тех добрых коней, которые их носили.

Все рассказы киевских былин связаны между собой так, что одна служит как бы продолжением другой.

Богатыри в них выводятся двух родов — старшие и младшие.

Из старших богатырей особенно знамениты были двое: Святогор-Богатырь, такой страшный силач, что «грузно ему было от силушки как от тяжелого бремени», и еще сильнее его — богатырь-пахарь Минула Селяннович. По былинному сказанию, Микула Селянинович пахал такой тяжелой сохой, что ее не могла вытянуть из земли вся дружина мимоезжего князя Вольги Всеславьевича, а он, Микула, брал ее одной рукой и кидал за ракитов куст.

Рассказ о силе Микулы Селяниновича явно сказочный, но вся былина о нем глубоко поучительна и показывает нам, каким почетом и уважением издревле пользовалось у предков наших земледелие, почему они и

возвели доброго и искусного хлебопашца в своего самого старшего и славного богатыря. В этом сказывается глубокая мудрость наших прародителей, так как тогда только русский народ может быть велик и славен, когда кормильцы его — земледельцы будут добрыми, сильными и искусными хозяевами в своем деле.

Вот как изображен в былине доблестный Микула Селянинович

Орет в поле оратай [31](#), понукивает,  
У оратая сошка поскрипывает,  
Омешики по камушкам почиркивают;  
Орет в поле оратай, понукивает,  
С края в край бороздки пометывает;  
В край уедет — и другого не видать;  
Из земли дубья колодья вывертывает,  
А великие каменья все в борозду валит;  
Только кудри у оратая качаются,  
Скатным жемчугом по плечам рассыпаются.  
Сошка у оратая дубовая,  
А омешики на сошке чиста серебра,  
На омешиках присошек красна золота.

Идя за своей сохой, Микула встречает Вольгу Всеславьевича, тоже старшего богатыря и славного охотника на всякого зверя; между ними завязывается разговор, после которого Микула и предлагает дружине Вольги вытянуть его соху из земли, и когда та не может этого сделать, то он забрасывает ее легко за кусты; изумленный его силой, Вольга спрашивает:

«Ай же ты, оратай-оратаюшко!  
Как тебя, скажись-ка, именем зовут,  
Как величают по отчеству?»  
На это ему отвечает Микула:  
«Я как ржи напашу, да в скирды сложу,  
В скирды сложу, с поля выволочу,  
С поля выволочу, дома вымолочу,  
Драни надеру да пива накурю,  
Пива накурю да гостей соберу, —  
Станут гости пить, станут кушати,  
Станут здравствовать меня да похваливати:  
Ай ты здравствуешь, Микула Селянинович!»

Таков был наибольший из богатырей — крестьянин-кормилец Микула Селянинович.

У Микулы Селяниновича были три дочери, все славные поленицы. Старшая из них, Василиса Микулична, кроме силы отличалась необыкновенным умом и вышла замуж за богатого черниговского купца Ставра Годиновича. В одной из былин рассказывается, как она выручила мужа своим умом из большой беды. Случилось это так: однажды Ставр Годинович приехал в Киев к князю Владимиру и во время пира начал нахваливать свою жену:

«Разве мне похвастать молодой женой,  
Василисой, дочерью Микуличной?  
Как во лбу-то у нее светел месяц,  
По косицам — звезды частые,  
Бровушки чернее черна соболя,  
Очушки яснее ясна сокола,  
Всех вас, князей-бояр, продаст да выкупит,  
А тебя, Владимира, с ума сведет».

На то слово на пиру все призамолкнули,  
А Владимиру то слово не слюбилось,  
И спроговорил Владимир таковы слова:  
«Гой вы, слуги мои, слуги верные!  
Вы берите-ка Ставра Годинова  
За его за ручушки за белые,  
За его за перстни за злаченные,  
Отведите-ка во погреба холодные,  
За его за речи неучтивые,  
Посадите на овес да на воду,  
Не на много, не на мало, ровно на шесть лет.  
Пусть-ка там Ставер да обдумается,  
Пусть-ка там да образумится.  
Поглядим-ка, как Ставрова молода жена  
Муженька из погребов повыручит,  
Всех вас, князей-бояр, продаст да выкупит,  
А меня, Владимира, с ума сведет».

Когда Василиса Микулична узнала про беду, стряснувшись над мужем, она сейчас же поняла, что сможет выручить его отнюдь не силой, а только «своей догадочкою женскою». Для этого она оделась в мужское платье и богатырские доспехи, снарядила с собой сорок молодцев и отправилась прямо в Киев будто бы послом от какого-то царя Калина требовать от Владимира платежа дани, которую он должен был, конечно, только по былинному сказанью, уплатить этому грозному Калину за целых двенадцать лет.

Явившись к Владимиру, она грозно потребовала уплаты долга и назвала себя Василием Микуличем — послом царя Калина. При этом Василий Микулич стал засматриваться на молодую племянницу Владимирову, на Забаву Путятичну, и объявил князю, что просит ее руки.

На это:

Говорит Владимир Столько-Киевский:

«Ай ты, молодой Васильюшка, Микулич сын!

Я пойду с племянницей подумаю».

Выводил племянницу из горенки,

Спрашивал племянницу, выведывал:

«Ай же ты, моя любезная племянница!

Ты пойдешь ли за того грозна посла,

За млада Василия Микулича?»

Говорит ему племянница тихохонько:

«Ай же ты, мой дядюшка возлюбленный!

Что-то у тебя теперь затеяно,

Что-то у тебя задумано?

Не отдай ты девицы за женщину,

Не наддай смеху по Святой Руси!»

Говорит Владимир Стольно-Киевский:

«Как же не отдать мне за грозна посла,

За грозна посла — собаки царя Калина?»

«А не быть же то грозну послу — быть женщине.

Знаю я приметы все по-женскому:

Как по улочке идет — что уточка плывет,

А по горенке ступает почастенечко;

Как на лавочке сидит — коленца вместе жмет,

С поволокою глаза поваживает.

Речь с провизгом у ней по-женскому,

Бедра крутеньки у ней по-женскому,

Ручки беленьки у ней по-женскому,

А и пальчики-то тоненьки по-женскому,

Даже дужки от колец не вышли все,

Двое на двое нам будет хоть с тоски пропасть!»

Тогда Владимир, чтобы испытать посла, предложил ему по-бороться с княжескими молодцами, думая, что если посол — женщина, то она откажется. Но Василиса Микулична, как бывшая поленица, на это и рассчитывала. Она быстро поборола всех молодых и легко уложила их на землю.

Плюнул князь Владимир да и прочь пошел.

«Глупая Забава, неразумная!

Долог волос у тебя, ум короток:

Женщиною назвала богатыря —

Экаго посла здесь и не видано!»

Позаспорилась Забава с князем-дядюшкой:

«Ай же ты, мой государь свет-дядюшка!

А не быть же то грозну послу — быть женщине:

Все приметы у него по-женскому».

Тогда, чтобы еще раз испытать посла, Владимир предлагает ему пострелять из тугого лука с его молодцами. Посол не только соглашается, но велит еще принести свой лук, который был так тяжел, что его еле снесли десять молодцев; при этом он одной стрелой изломал громадный дуб на ножевые черенки. Тогда Владимир окончательно убедился, что это настоящий мужчина и посол царя Кали-на; он предложил ему сыграть с ним в заморские шашки, причем со своей стороны ставил стольный град Киев, а посол должен был по-ставить неуплаченную дань за двенадцать лет. Согласились и сели играть. Через три хода Владимир уже проиграл всю игру, и посол сказал ему:

«Ай ты, князь Владимир Стольно-Киевский!

Проиграл ты мне твой стольный Киев-град».

Говорит ему Владимир князь:

«Ты изволь меня, посол, взять головой с женой».

Посол на это ответил:

«А не надобно же мне тебя с княгинею,

Да не надобно и вашего мне Киева;

Ты отдай-ка за меня замуж племянницу

Молоду Забавушку Путятичну».

На великих радостях Владимир князь

Не пошел Забаву больше спрашивать,

Стал любимую племянницу просватывать

За грозна посла Василия Микулича.

Когда наступил день свадьбы, то молодой посол закручинился и попросил прислать веселых загусельщиков, чтобы развлечься их игрой. Достал Владимир загусельщиков, да все не могут они развеселить посла, который просит уже выпустить из тюрьмы заключенных, умеющих играть на гусях. Выпустили и этих, но и они играют невесело.

Тогда, наконец, посол спросил, нет ли здесь черниговского гостя — Ставра Гоудиновича, который отлично может играть на гусях. Призадумался над этим Владимир и говорит себе: «Мне как выпустить Ставра, так не

видать Ставра, а не выпустить Ставра, так разгневить посла». Наконец Ставра выпустили, и он стал играть на гусях. Когда посол спросил, не узнает ли Ставр его, то Ставр ответил: «Неоткуда ж мне и знать тебя».

Тогда посол обратился к Владимиру и сказал ему: «Мне твоих не надо даней-выходов, ты пожалуй-ка меня веселым молодцем, молодым Ставром Годиновым».

Опять призадумался Владимир, но потом опять решил исполнить желание посла и отдал ему Ставра. Тогда посол предложил Ставру поехать с ним в поле, посмотреть его храбрую дружину из сорока молодцев.

Сели на добрых коней, поехали.

Приезжали ко дружинушке хороброей.

Шел посол Василий во белый шатер,

Сокрутился Василий в платья женския;

«Здравствуешь, Ставер Годинович:

А теперь-то ты меня не знаешь ли?»

Отвечает тут Ставр Годинович:

«Здравствуешь, моя любимая семеюшка,

Молодая Василиса, дочь Микулична!»

«А за что же ты, Ставер Годинович,

Засажен был князем в погреба холодные?»

«Я тобой похвастал, молодой женой,

Что всех князей-бояр продашь да выкупишь,

Самого Владимира с ума сведешь.

А теперь скорей посядем на добрых коней,

В свою сторону уедем, во Чернигов град».

Говорила Василиса, дочь Микулична:

«А не честь же, не хвала нам молодецкая

Воровски уехати из Киева;

И Мы поедем свадебку доигрывать.

Князья-бояре-то проданы, выкуплены,

Солнышко Владимир князь с ума сведен».

Когда они вернулись в "Киев, то Василиса сказала Владимиру:

«Я, грозен посол, Ставрова молода жена,

Василиса, дочь Микулична,

Воротилась свадебку доигрывать.

Да отдашь ли за меня еще племянницу?»

Говорит Забава, дочь Путятична:

«Ай же ты, мой дядюшка, Владимир князь!

Чуть ведь смеху не наделал ты по всей Руси,

Что не отдал девицу за женщину!»  
Солнышко Владимир Стольно-Киевский  
Сам проговорил да таковы слова:  
«Благодарствуешь, Ставер да сын Гоудинович.  
Знал похвастать молодой женой!  
Всех сумела здесь она продать да выкупить,  
А меня, Владимира, с ума свести.  
За твою за похвальбу великую  
Ты торгуй-ка век во Киеве,  
Век торгуй и по веку беспошлинно».

Вот какова была славная Василиса Микулична, старшая дочь старшего и наибольшего богатыря Микулы Селяниновича.

Из младших богатырей особенной известностью пользовались: Добрыня Никитич, боярского рода, Алеша Попович — сын священника и Илья Муромец — простой крестьянский сын. Среди этих трех богатырей по былинным сказаниям опять первое место принадлежало прямому сыну земли — славному Илье Муромцу.

Илья Муромец, по этим сказаниям, был прямодушным и неподкупным человеком, честно и верно служившим князю Владимиру. Как крестьянский сын, он был несколько грубоват в своих речах, невоздержан в пировании и не прочь пошуметь и подраться во хмелю. Но при этом он всегда был и высокосправедлив — даже и в порыве гнева. Он был сильнее всех киевских богатырей и старше их годами; свою могучую силу Илья Муромец получил от трех вещей старцев, которые предсказали ему, что «смерть ему на бою не писана». И Илья бесстрашно до конца своих дней боролся с врагами земли русской, не щадя ни пота, ни крови.

Добрыня Никитич, сын дружинного боярина, кроме мужества и храбрости, в противоположность Илье Муромцу, отличался еще особым вежеством, умел говорить красиво и умно и славно пел с гуслиями в руках былины про старших богатырей. Затем он обладал еще необыкновенно благородным и глубоко христианским сердцем, что мы увидим, когда речь пойдет о его жене.

Третий славный богатырь, Алеша Попович, был опять совсем другой человек. Очень храбр, остер, умен и красен на язык, но зато хвастлив, завистлив и не тверд в своем слове. «Не возьмет силою, так возьмет лукавством», — говорил про него старый Илья Муромец.

Из этих трех богатырей Добрыня и Алеша были много моложе Ильи Муромца, но свою богатырскую службу они начали раньше его, так как Илья Муромец смолоду тридцать лет сидел сиднем вследствие болезни и не мог двинуть ни рукою, ни ногою. Будучи в таком беспомощном состоянии, Илья усердно молил Бога и просил исцелить его, с тем, что он тогда убьет Соловья-разбойника, занявшего в лесах дорогу на Киев и творившего много

зла проезжему народу. По этой молитве во двор к его отцу зашли однажды прохожие старцы — калики-перехожие; они исцелили его от болезни, дали вдобавок силу могучую и предсказали, что он в бою смерти своей не примет.

Обрадованный Илья сел тотчас же на коня и отправился на Соловья-разбойника, которого взял в полон и привязал себе к седлу после многих, чисто сказочных приключений. С привязанным Соловьем Илья отправился прямо в стольный град Киев, где, отстояв обедню, предстал пред ясные очи самого князя Владимира Красно Солнышко, в гриднице у которого шел в это время, как всегда по воскресным дням, пир горой. Владимир, по своему обычаю, ласково встретил прибывшего витязя и спросил его, откуда он и чем занимается. Илья Муромец ответил, что приехал прямой дорогой в Киев и поспел к поздней обедне. На это Алеша Попович сказал Влади-миру:

«Гой ты, ласковое солнышко, Владимир князь!

Во глазах детина завирается,

Во глазах над нами насмехается!

Уж ему ли, деревенщине, проехати

Прямохожею дорожкой, прямоезжею?

Во лесах во Брынских грязь топучая...

Вор сидит на трех дубах, да на семи суках,

Соловей-разбойник, сын Рахманович

Как засвищет он по-соловьиному,

Зашипит, разбойник, по-змеиному,

Закричит, собака, по-звериному —

Все-то травушки-муравы уплетаются,

Все лазуревы цветочки осыпаются,

Темны лесушки к земле все приклоняются,

А что есть людей, то все мертвы лежат».

Говорит удалый Илья Муромец:

«Гой ты, солнышко, Владимир Столько-Киевский!

Соловей-разбойник на твоём дворе:

Выбил я ему, злодею, правый глаз,

Приковал его ко стремячку булатному».

После этого князь с княгиней и все богатыри сошли на двор смотреть Соловья-разбойника, который так всех насмерть напугал своим страшным свистом и шипением, что Илья Муромец вывел его в поле и убил стрелой. Когда Илья вернулся после этого в гридницу, то Владимир держал ему такую речь:

«Благодарствуешь, удалый Илья Муромец,

Что избавил нас от смерти от напрасныя!

Нареку тебе я имячко по-новому:

Будь ты первый богатырь во Киеве,  
Старый Илья Муромец, да сын Иванович,  
Да живи у нас во стольном Киеве,  
Век живи отныне до веку!»

И пошли они к обеду княженецкому.  
Говорит Владимир Стольно-Киевский:  
Говорит Владимир Стольно-Киевский:  
«Гой еси ты, первый богатырь наш киевский,  
Старый Илья Муромец, да сын Иванович!  
Жалую тебя тремя местами я:  
Первое место — в ряд со мной садись,  
Друго место — в ряд с княгинею,  
Третье место — куда сам захочешь».

Заходил Илья с оконничка,  
Пожал всех князей да бояров,  
Сильных, могучих богатырей:  
Очутился против самого Владимира.  
Смелому Алеше за беду пало,  
Взял Алеша со стола булатный нож,  
Кинул во Илью во Муромца;  
На лету поймал Илья булатный нож,  
Да воткнул его в дубовый стол.  
Говорит Илье Добрынюшка Никитич млад:  
«Гой ты, первый богатырь наш киевский,  
Старый Илья Муромец Иванович!  
Держим все мы на тебя надежду крепкую:  
Уж прими-ка ты меня, Добрынюшку,  
А со мной и моего ли братца менынаго,  
Смелого Алешеньку Поповича,  
Во свои во братья во крестовые;  
Будешь ли, Илья, нам братцем большим,  
Я, Добрыня, буду братцем средним,  
А Алеша — братцем меньшим».

Говорит ему Алешенька Попович млад:  
«Во своем ли ты уме, Добрынюшка,  
Во своем ли, братец мой, во разуме?  
Сам из роду ты, Добрыня, из боярского,  
Я, Алешенька, из старого поповского,

А ему никто не знает роду-племени,  
Принесло его невесть откудова,  
Назвался крестьянским сыном из-под Мурома,  
Да чудит у нас во Киеве, юродствует».  
Был тут славный богатырь Самсон Самойлович,  
Говорит Илье Самсон Самойлович:  
«Гой ты, мой возлюбленный племянничек,  
Первый богатырь наш Илья Муромец!  
На Алешку больно ты не гневайся:  
Роду он поповского, захлыщева  
И каков он трезв, таков и пьян,  
Лучше всех бранится, лучше ссорится!»  
Говорит Алешенька Попович млад:  
«Ай ты, дядюшка Самсон Самойлович!  
Не во гневе же и тебе будь сказано:  
Сам доселе слыл ты старшим богатырем,  
А теперь кого в племянники пожаловал,  
Над собою набольшим кого признал?  
Деревенщину, засельщину!»  
Говорит Самсон Самойлович:  
«Ай же ты, Добрынюшка Никитич млад:  
Ты горазд играть во гусельцы звончатя,  
Петь про времена про стародавния...  
Спой Алеше на послушанье старинушку  
Про того про деревенского богатыря,  
Про Микулу Селянинова».

Добрыня взял после этого гусли и спел в поучение зазнавшемуся Алеше былинку про славного Микулу Селяниновича и про встречу его с Вольгой Всеславьевичем, уже рассказанную нами, когда вся Вольгина дружина не могла поднять Микулиной сохи.

Как замолкнул молодой Добрынюшка,  
Воспроговорил Владимир Стольно-Киевский:  
«Ай ты, славный загусельщик наш Добрынюшка!  
Пил допреж ты чарочку заздравную,  
А теперь повыпей-ка забавную,  
Во-первых, за то, что распотешил нас,  
Во-вторых, за то, что ко стыду привел  
Смелого Алешеньку Поповича;

Во скамье сидит Алешка, не сворохнется,  
Утопил глаза завидливы в дубовый стол».

После этой речи Владимира Добрыня выпил чару зелена вина, а один из богатырей, Бермята Васильевич, стал упрекать Добрыню, что в своей песне про Микулу Селяниновича он забыл сказать про трех его славных дочек:

«Поленицы молодые все, удалые,  
Все в родителя и силою, и мудростью;  
Старша — Василиса, дочь Микулична,  
Средняя — Мария, дочь Микулична,  
И менына — Настасья, дочь Микулична».

К Бермяте Васильевичу присоединился и Алеша Попович и начал выговаривать Добрыне:

«Ай ты, славный загусельщик наш Добрынюшка!  
Полениц удалых и забыл как раз!  
Ты поди-ка, сослужи-ка Богу молебен,  
Что Микула твой уже преставился:  
За твою за память молодецкую  
Наградил бы он тебя из рук своих  
Теми же грошами подорожными —  
Шелепугой [4](#) подорожною.  
Хоть и живы дочери Микулины,  
Да вот та, что поумнее, старшая,  
Василиса, дочь Микулична,  
За Ставра Годинова замуж пошла,  
Во Чернигове за муженьком живет,  
На печи лежит да калачи жует;  
Всех сумела здесь продать да выкупить,  
А Владимира-то князя и с ума свела;  
И тебя не обошла бы благодарностью.  
Но вот сестры у нее еще на выданье,  
Обе поленицы же удалыя,  
Во раздольице чистом поле полякуют [5](#);  
Вы седлайте-ка скорей добрых коней,  
Ты, Добрыня, со своим со братцем большим,  
С первым ли богатырем Ильею Муромцем,  
Выезжайте во раздольице чисто поле,  
Во чистом поле порыскайте, покликайте,  
Может, выкличите полениц удалых;

Тут побить их во бою вам, добрым молодцам,  
Уже дело не великое — последнее;  
А кто поленицу во бою побьет,  
За того ведь и замуж идет.  
Прямо в церковь Божью ко злату венцу,  
От венца честным пирком ли и за свадебку!  
Только буде, как Ставра Годинова,  
Приберут вас ко белым рукам —  
Не взыщите, братцы, не прогневайтесь!»

Илья Муромец отказывается ехать воевать полениц, говоря, что «старому жениться — не ко младости». Но Алеша не унимается и настаивает, чтобы Илья и Добрыня ехали бы воевать с дочерьми Микулы Селяниновича.

Тогда Добрыня говорит ему следующее: Илья Муромец отказывается ехать воевать полениц, говоря, что «старому жениться — не ко младости». Но Алеша не унимается и настаивает, чтобы Илья и Добрыня ехали бы воевать с дочерьми Микулы Селяниновича.

Тогда Добрыня говорит ему следующее:  
«Ай же смелый ты, Алешенька Попович млад!  
Любо всякому могучему богатырю  
По чисту полю порыскать, пополяковать,  
Силой с супротивником померяться,  
А с неверным за Святую Русь  
Прозакладывать и буйную голову,  
Простоять хоть век свой на заставушке  
За сирот, за вдов, да за бедных людей.  
Да не честь же, не хвала богатырю  
Для ради утехи молодецкия  
Проливать безвинну человечесью кровь,  
Обездоливать семейку богатырскую,  
Молод у жену да малых детушек.  
А мужик Микула Селянинович  
И не тянется за славой богатырской:  
Он проходит в поле век за сошкою,  
С края в край распахивает землю-матушку,  
Напасает хлебушка на всю Святую Русь —  
И на нас с тобой, могучих богатырей;  
Всю земную тягу, во поту лицу,  
Носит он, кормилец, на плечах мужицких,  
А земную тягу на плечах носить

Не под силу и сильнейшему богатырю».

После этого, видя усмешку Алеши, Добрыня берет гусли и начинает петь былинку про то, как оба старших богатыря — Святогор и Микула встретились, и при этой встрече силач Святогор никак не мог поднять малой сумочки Микулиной, в которой вся земная тяга была понагружена. При этом Добрыня закончил свою былинку так: Святогор, сисясь поднять сумочку, так и увяз в землю, на которой она лежала, и тут же и отдал Богу душу. Бермята же Васильевич опять поправил Добрыню и сказал, что Святогор живет теперь на Святых горах.

Тогда неугомонный Алеша Попович предложил князю Владимиру послать Илью Муромца к Святым горам, чтобы проверить, кто говорит правду — Добрыня или Бермята. На это предложение Илья тотчас же согласился, сказав, что «не довлеет сильному богатырю на покое дома жить, живот кормить». Князь Владимир отпускает его и дает в товарищи Добрыню Никитича, с которым Илья Муромец братается по пути, и они меняются золочеными крестами. В этой поездке Илья доехал до самых Святых гор, видел Святогора, похоронил его и получил в благословение часть его силы и славный Святогоров меч. Добрыня же расстался с Ильёю в пути, так как им встретилась удалая поленица — младшая дочка Микулы Селяниновича— Настасья Микулична. Добрыня начал с ней борьбу и два раза ударил ее своей палицей, но она и бровью не повела, а когда он ударил ее в третий раз, то промолвила:

«Я-то думала, комарики покусывают,  
Ан-то русские богатыри пощелкивают!»  
Ихватила за желты кудри Добрынюшку,  
Сдернула Добрынюшку с коня долой  
И спустила во глубок мешок во кожаный.

Но добрый конь Настасьин отказался везти двух богатырей — ее и Добрыню, и тогда она вынула его из мешка и промолвила:

«Если стар богатырь — голову срублю,  
Если млад богатырь — в полон возьму.  
Если мне в любовь придет — замуж пойду,  
Не прилюбится — в ладонь складу, другой прижму,  
Сделаю богатыря в овсяный блин».  
Как взглянула на млада Добрынюшку,  
Прилюбился ей Добрынюшка, понравился:  
«Здравствуй, душенька, молоденький Добрынюшка!»  
Говорил на то Добрыня, спрашивал:  
«Ай же, поленица ты удалая!  
Ты почем узнала молода Добрынюшку?»  
«А бывала я во стольном Киеве,

Там видала молода Добрынюшку.  
Как возьмешь меня, Добрыня, во замужество,  
Сделаешь со мною заповедь великую—  
Отпущу тебя, Добрыня, я по живности;  
Не возьмешь меня — в ладонь складу, другой прижму,  
Сделаю тебя в овсяный блин!»

Добрыня, конечно, тотчас же согласился жениться на славной поленице, поехал с нею в Киев и, спросив благословение у своей матери — честной Афимьи Александровны, принял с Настасьей по злату венцу, после чего устроил большой пир для всех богатырей, не позвав на него лишь братца меньшего — пересмешника Алешеньку Поповича.

Затем молодые супруги стали жить в большом счастье и согласии.

Как-то раз на пиру у князя Владимира все его богатыри крепко выпили и стали хвастаться друг перед другом:

Умный хвастает отцом да матерью,  
Неразумный — золотой казной,  
А Добрыня — молодой женой.  
В это время встает сам батюшка Владимир князь и говорит им:  
«Все вы, добры молодцы, расхвастались;  
Мне-то, князю вашему, чем будет хвастати?  
Как уж далече-далече во чистом поле,  
Как летает там Невежа [б](#) черным вороном.  
Пишет мне Невежа с угрозою,  
Кличет-выкликает поединщика,  
Супротив себя да супротивника.  
Уж кого бы мне послать с Невеж ой ратиться,  
Очищать дороги прямоезжия,  
Постоять на крепких на заставушках...»

На это встает из-за стола Илья Муромец и говорит, что он сам недавно с дороги, так как простоял двенадцать лет на заставе, и никогда ему Невежа глаз не казал, а теперь советует послать против него Добрыню Никитича.

Добрыня, выпив чару зелена вина, сейчас же отправляется домой, прощается со своей матерью и женой и говорит Настасье Микуличне следующее слово:

«Ожидай Добрыню с поля три года,  
Три года пождешь — другие три пожди,  
Как исполнятся тому все шесть годов,  
И Добрыня твой не возвратится —  
Поминай тогда Добрынюшку убитого,

А тебе, Настасье, воля вольная:  
Хоть вдовой живи тут, хоть замуж поди,  
Хоть поди за князя, за боярина,  
За богатыря, за гостя за торгового,  
Или за простого за крестьянина,  
Не ходи ты только за единого —  
За того за бабьего насмешника,  
За Алешеньку Поповича:  
Он, собака, мне названный брат,  
А названный брат ведь паче родного».

После этого Добрыня уехал и шесть лет не давал о себе никаких вестей; все это время мать его и жена сидели вместе дома и ежедневно ожидали его возвращения. Когда же минуло шесть лет, то им привез Алеша Попович недобрую весть, что Добрыня убит и лежит непохороненным в чистом поле.

Сильно горевала о муже Настасья Микулична вместе со своей свекровью, но затем князь Владимир и княгиня решили ее выдать замуж, причем лукавый Алеша Попович подстроил дело так, что в женихи ей князь с княгиней прочили именно его.

Но Настасья Микулична не поддавалась на все эти уговоры и объявила, что будет ждать мужа еще шесть лет. Когда прошли и эти шесть лет, и Алеша уверил ее, что косточки Добрынины уже порастасканы в чистом поле, то Настасья Микулична, уговариваемая

Владимиром и его женой, решила наконец выйти замуж за Алешу Поповича.

Был назначен день свадьбы, и венчание должно было произойти вечером после большого пира у князя Владимира.

В это время как раз возвращается Добрыня. Узнав, что его жена выходит замуж за Алешу Поповича, он никому не говорит о своем приезде, а одевается скоморохом, берет гусли в руки и идет в княжеский терем, где шел свадебный пир. Когда он вошел, то никто его не узнал, а Владимир приказал ему сесть у печки, на скоморошном месте. Добрыня так и сделал и, настроив гусли, начал петь. Пел он настолько хорошо, что Настасья Микулична припомнила, что так только играл и пел ее покойный муж, а Владимир пригласил его с печки к своему столу и позволил выбрать любое место. Тогда Добрыня сел против своей жены и просил разрешения князя поднести чару вина тому, кого сам он, Добрыня, пожалует ею. Владимир разрешил. Налив чару и опустив в нее свое обручальное кольцо, Добрыня поднес ее новобрачной и просил выпить до дна. Как только она увидела это обручальное кольцо, то тотчас же пала мужу в ноги и просила у него прощения:

«Ты прости, прости меня, моя державушка,  
Во вине меня прости, во женской глупости,

Что наказа твоего я не послушалась,  
За Алешку за Поповича замуж пошла.  
Не охотою берут меня, не честию,  
Силою берут меня, неволею».  
Говорит Добрынюшка Никитич млад:  
«Не дивуюсь разуму я женскому:  
Волос бабий долог, ум-то короток;  
Я дивуюсь братцу своему названому:  
От жива мужа жену берет;  
Я в других дивуюсь князю солнышку,  
Со княгинею его Апраксией:  
Я за них с Невежой в поле ратился,  
Все очистил им дороги прямоезжия,  
На заставе простоял двенадцать лет,  
А они мою жену законную другому сватают».

Тогда князь Владимир с княгиней смутились, а заводчик всего этого дела, Алеша Попович, пал Добрыне в ноги и просил простить его.

На это Добрыня сказал ему, что не может простить его, но не за то, что он хотел жениться на Настасье, а за ложную весть о его смерти, чем он доставил много горя Добрыниной матери; затем, взяв блудливого Алешу за кудри одной рукой, Добрыня ударил его несколько раз гусями по спине.

Тут вступился в дело старый Илья Муромец и скоро помирил обоих богатырей. Добрыня же простил жену, поцеловал ее и отправился с ней порадовать свою старую мать счастливым возвращением после долгой разлуки.

Вот каковы были, по былинным рассказам, киевские младшие богатыри.

Из этих рассказов мы видим, что былины чрезвычайно важны для изучения быта наших славных предков. Может быть, удалой Добрыня Никитич никогда не спорил с завистливым Алешей Поповичем; может быть, даже оба они на свете вовсе и не жили, а были другие богатыри, с другими именами. Но вполне несомненно, что сказания о богатырях рисуют нам картины действительной жизни и нравов, почему они, в отличие от сказок, и называются былинами, то есть такими рассказами, в основании которых лежит правда — быль.

Русский богатырский быт, как он рисуется в былинах, весьма замечателен. В Западной Европе и в Польше в те времена было тоже много знаменитых богатырей; они носили название рыцарей и также совершали, как и у нас на Руси, славные дела и даже предпринимали ряд так называемых крестовых походов в Святую Землю, чтобы отвоевать Гроб Господень от арабов, покоривших Иерусалим.

Однако большая разница была между этими рыцарями и нашими русскими богатырями. На Западе рыцарем мог быть только человек высшего сословия, которое одно почиталось благородным; все же другие сословия представлялись этим гордым рыцарям настолько низкими и презренными, что они и за людей их не считали. Особенно отличались гордостью польские рыцари, которые были под сильным влиянием немцев и старались подражать их обычаям; несмотря на то, что польский король Земовит был из крестьянского рода, польские рыцари глубоко презирали крестьян — пахарей.

У нас же богатырями могли быть люди всех сословий, но зато они обязаны были заслужить это звание своей личной доблестью; при этом славнейшим из старших богатырей почитался именно крестьянин-пахарь Микула Селянинович.

Точно так же, когда прибыл на княжий пир неизвестный крестьянский сын Илья Муромец, то все остальные богатыри во главе с самим князем Владимиром признали его первым из всех присутствовавших, как только убедились, что он полонил страшного Соловья-разбойника. Один только завистливый Алеша Попович стал было кичиться перед Ильёю, но его сейчас же начал стыдить Добрыня, старый богатырь Самсон Самойлович, а затем и князь Владимир Стольно-Киевский.

Хотя западные рыцари и ходили освобождать Гроб Господень, а также хотя некоторые из них и были замечательно благочестивыми людьми, но все же главным и постоянным занятием этих рыцарей было, выстроив себе на неприступных скалах крепкие каменные замки, выходить из них закованными с ног до головы в железо, с тем чтобы совершать хищные набеги на окрестное население, обирая и грабя его. Эти рыцари постепенно настолько усилились на Западе своими грабежами и насилиями, что стали очень буйными и непочтительными даже относительно своих королей.

Все же без исключения наши богатыри употребляли всю свою удаль и силу только на служение великому христианскому делу — защищать свою страну, сирот, вдов и старцев от степных врагов и лихих людей; при этом они всегда были первыми слугами своих князей и для несения службы бескорыстно сидели по многу лет на пограничных заставах, в разных глухих местах. Если же кто-нибудь из них вздумал бы когда-либо напасть на мирных жителей с целью ограбить их, то, конечно, сейчас же лишился бы высокого наименования богатыря и превратился в обыкновенного вора и разбойника.

Рыцари на Западе из тщеславия постоянно мерялись друг с другом силой и вступали для этого между собой в смертные поединки на глазах народа, королей и других рыцарей, только чтобы почваниться своей силой и заслужить одобрение главным образом дам, то есть чужих жен, присутствовавших на таких поединках; со своими же собственными супругами эти знаменитые рыцари часто обращались весьма круто и, случалось, бивали их железными перчатками по щекам.

Не таковы были наши богатыри: они считали большим грехом обнажать оружие с целью померяться силой против таких же добрых молодцев, как они сами, полагая, что своей жизнью следует жертвовать только против врагов веры и государства и воров и разбойников, обиравших сирых людей.

При этом поглядывать на чужих жен у нас считалось зазорным делом, за что и был наказан Алеша Попович. Зато своих жен наши богатыри любили очень крепко и нежно. Если бы на Западе случилась у какого-нибудь рыцаря такая беда с женой, как у Добрыни, то, несомненно, западный рыцарь убил бы и Алешу, и свою жену и, может быть, только в лучшем случае посадил бы ее в темное подземелье своего замка, а потом насильно постриг бы в монастырь.

Наш же Добрыня взглянул на поступок своей жены, как истинный христианин и при этом как умный человек и любящий муж. Он понял, что за двенадцать лет отсутствия Настасью Микуличну могли убедить в его смерти и уговорить выйти за Алешу Поповича, почему он сейчас же и простил своей жене все и поцеловал ее, а выговорил только князю и княгине за сватовство, да задал небольшую трепку Алеше Поповичу.

На Западе было совершенно невозможно, чтобы вдова рыцаря, да еще с благословения покойного мужа, вышла бы за кого-нибудь замуж, не принадлежащего к рыцарскому роду. У нас же Добрыня, отправляясь против Невежи в длинную разлуку, говорит жене, что она может выйти замуж

«Хоть за князя, за боярина,  
За богатыря, за гостя за торгового,  
Или простого за крестьянина».

Таким образом, былины совершенно ясно показывают, насколько тогдашний русский быт был неизмеримо лучше западно-европейского. Там высшее сословие смотрело с несказанным презрением на все остальное. У нас же все считались равными братьями, и каждое сословие уважало другое, отлично понимая, что не могут все люди в государстве заниматься одним делом и состоять поэтому в одном сословии. Такое взаимное уважение русских друг к другу, несмотря на разность занятий, происходило вследствие той весьма важной причины, что все наши предки с самых отдаленнейших времен были всегда людьми благородными по рождению, а потому среди них только и уважались благородные чувства и благородное же отношение друг к другу: вследствие благородства же своих чувств было развито у них и высокое уважение к чужому труду, как бы скромн он ни был.

Наконец, вследствие этого же общего благородства и одинаковости своего происхождения, установилась между нашими предками и необыкновенная простота отношений друг к другу: князья, бояре, дружинники, простые крестьяне — все говорят друг с другом вежливо, но просто, как с родными; старшие по летам называются дедушками и батюшками, равные — братьями, а младшие — детками, ребятами и племянниками. Эта исключительно русская родственная простота отношений на диво всем иностранцам

сохранилась у нас на Руси и по сей день. Каждый крестьянин, если случается ему говорить с государем императором, попросту говорит ему — «ты, батюшка-царь»; в свою очередь, как государь, так и все начальные люди русского войска всегда называют солдат ребятами, братцами. Этого ни в одной другой стране нет и никогда не бывало. Идет же такой порядок у нас, как мы видим, еще с тех давних времен, которые мы здесь описываем.

Христово ученье, просветившее наше отечество при князе Владимире, конечно, еще больше заставляло всех лучших людей тогдашней Руси относиться с чисто братскими чувствами к своему ближнему и употреблять все свои силы и разум на служение общему благу своей страны.

Действительно, дивное время было тогда на Руси. Мудрые князья, доблестные ратные люди, славные богатыри, смелые и смысленные купцы, могучие пахари — кормильцы, все жили полной жизнью среди многих тревог, опасностей, тяжелых походов, но также среди многих великих и славных дел на пользу Родины, дел, освященных недавно принятой верой во Христа Спасителя.

Правда, сильно еще было язычество в нравах и обычаях; даже мудрый Ярослав должен был признать законным обычай родовой мести; так крепко сидела она в крови новообращенных христиан.

Веруя во Христа и Святую Троицу, народ наш долго еще сохранял вместе с тем и свои языческие суеверия и, в случае нужды, часто обращался не к священникам, а к колдунам или волхвам. Но несмотря на эти остатки язычества, Христово учение все более и более просвещало ум и сердце русского народа.

Благодаря мерам Владимира и Ярослава для распространения православия и обучения детей книжному просвещению у нас скоро образовалось уже достаточное количество своих русских священников и епископов.

Управление церковью было основано на правилах, установленных царьградскими патриархами и собранных в так называемой

«Кормчей книге», а также и на церковных уставах святого Владимира и Ярослава. Кроме митрополита, сидевшего в Киеве, были еще епископы — в Новгороде, Ростове, Чернигове, Белгороде, Владимире-Волынском и некоторых других городах.

Способ содержания митрополита и епископов состоял из десятин доходов, отдаваемых князьям в пользу церкви, из судебных пошлин и из доходов с недвижимых имений, пожертвованных благочестивыми людьми. Эти доходы митрополит и епископы употребляли не для себя одних, но и на содержание соборного храма с его причтом, на пропитание нищих, больных, странников, сирот и вдов, на пособие потерпевшим от пожара и неурожая, на возобновление церквей и монастырей. Дома епископские были домами призрения всякой нищеты. Приходские храмы обеспечивались иногда пожертвованиями своих строителей. Так, Ярослав, строя храмы по городам и

села, назначал всегда священникам известное жалованье; больше же всего, как и теперь, священники существовали доброхотными приношениями прихожан.

К великому счастью Руси, среди ее первых митрополитов и епископов было много людей, замечательных по своему уму и христианскому рвению. Они пользовались громадным влиянием и уважением у князей, и без них не решалось ни одно важное государственное дело, так как они постоянно принимали участие в княжеской думе вместе с боярами и городскими старцами.

Михаил, первый митрополит, присланный патриархом из Царь-града вслед за крещением Руси при святом Владимире, прославился при жизни ревностным распространением христианства, а после смерти нетлением своих мощей, которые почивают в Великой Киево-Печерской церкви.

Таким же нетлением прославились и почивающие в Феодосиевых пещерах мощи блаженного Иллариона, первого митрополита из русских людей, поставленного Собором русских епископов, когда Ярослав после войны с греками хотел им показать полную независимость от них своего государства во всех отношениях. Илларион был ближайшим и деятельнейшим сотрудником великого князя по укреплению веры и насаждению просвещения.

Помимо святости жизни, многие из наших епископов были и замечательными проповедниками; им всем приходилось не только утверждать свою паству в недавно принятой Христовой вере, но также защищать православие от католической и иудейской пропаганды, уже сильной и в те отдаленные от нас времена. Из этих поучений и проповедей до нас дошли три «Слова» митрополита Иллариона, одно поучение новгородского епископа Луки Жидяты и целый ряд поучений неизвестных святителей, не пожелавших из смирения сохранить для потомства свои имена.

В этих поучениях проповедовалась необходимость твердо держаться православия, любовь к ближнему, преимущества вечной жизни пред скоропреходящей земной и христианское смирение. Наиболее проникновенной была проповедь христианского смирения. Она находила отклик в душе каждого. Это показывало, конечно, что русский человек сердечно понял истину христианского учения, сердечно ей отдался и только в смирении находил истинную силу, способную смягчить его грубое языческое сердце.

«Не будьте буйны, горды; помните, что, может быть, завтра будете смрад, гной, черви. Будьте смиренны и кротки; у гордого в сердце дьявол сидит, и Божье слово не прильнет к нему», — учил свою паству епископ Лука Жидята.

А в поучениях неизвестных святителей находим мы и такую притчу: «Два конника были — мытарь и фарисей. Запряг себе фарисей два коня, один конь — добродетель, другой конь — гордость, и пересилила гордость над

добродетелью, и разбилась колесница, и погиб всадник. И запряг мытарь два коня, один — злые дела, а другой — смирение, и не отчаяние получил, но оправдание, сказавши только: Боже, очисти меня, грешного!»

Светлым источником, откуда истекали в те времена на всю Русскую землю лучи Христовой веры, истинного просвещения, горячей любви к ближнему и славные примеры святой подвижнической жизни, была основанная у самого Киева иноческая Печерская обитель.

По поводу основания этой обители летописец говорит следующее: «Много монастырей поставлено от царей и бояр на богатом иждивении, но не таковы эти монастыри, как те, которые поставлены слезами, постом, молитвою и бдением».

Основание Печерского монастыря было положено блаженным митрополитом Илларионом, когда он был еще простым священником в великокняжеском селе Берестове, славившемся, особенно при князе Владимире, своей веселой и шумной жизнью.

Чтобы уединиться на несколько часов от этой шумной жизни, Илларион ходил в дремучий лес, расстилавшийся по холмам над Днепром близ самого Киева. Здесь выкопал он себе небольшую пещеру около двух сажень и тайно подвизался в ней, пребывая в псалмопении и молитве.

В то же самое время проживал и другой замечательный русский подвижник — по имени Антиппа. Антиппа родился в Любече, близ Чернигова, и с детства имел страх божий и стремление к иноческим подвигам. Будучи еще очень молодым, он уединился в пещеру у Любеча, существующую и поныне, предавался в ней усердному посту и молитве. Здесь Господь положил ему на ум идти в греческую страну, на Святую Афонскую гору.

Афонская гора составляет одну из самых великих святынь для всякого православного человека, так как с первых же дней христианства она была, по преданию, избрана Пресвятой Богородицей себе в жребий и с тех пор до нынешнего дня служит местом уединения и великих подвигов для множества православных святителей и иноков.

Гора эта расположена на узком полуострове, с трех сторон омываемом морем и имеющем в длину до 80, а в поперечнике местами до 20 верст. Высоты ее поднимаются до двух верст над уровнем моря. Растительность на горе скудная, зверей и птиц мало, и все располагает к уединению и созерцанию. В языческие времена на Афоне было главное капище греческого бога Аполлона. Но свет евангельский воссиял на ней вскоре по Воскресении Господнем. Вот как об этом рассказывает святой Дмитрий Ростовский в составленной им Четьи-Минее, или книге Жития Святых. Когда святые апостолы в Иерусалиме с Божьей Матерью кинули жребий, кому какая страна достанется для Евангельской проповеди, то Богородице досталась Иверская земля, иначе называемая Грузией, на Кавказе; но ангел Господень тогда же возвестил ей, что Иверская земля просветится в другое время. «А Тебя,—

сказал ей ангел,— ожидают попечения об иной земле, в которую Сам Бог проведет Тебя». Между тем Лазарь, друг Господень, которого Иисус Христос воскресил после четырех дней смерти, был в это время епископом на острове Кипре и усердно желал видеть Божью Матерь; однако он опасался тогда прибыть в Иерусалим вследствие сильного гонения от иудеев, и поэтому, по ее соизволению, Лазарь прислал за нею корабль, на котором она отправилась на Кипр.

Во время этого пути сильный ветер отнес корабль от Кипра и прибил его на пристань горы Афона. Здесь в это время было много народа, пришедшего поклониться идолам, сооруженным в честь бога Аполлона. По приближении корабля Богоматери вдруг раздались со стороны идолов крики: «Люди, оболыщенные апостолом, ступайте в Климентову пристань и примите Марию, Матерь Великого Бога Иисуса». Услышав эти необычайные крики, изумленный народ устремился к пристани. Увидев подошедший корабль, все пришедшие приняли с большим почтением сошедшую с него

и не оскудеет милость Сына Моего отныне и до скончания века; я же буду заступницей этому месту и теплой ходатаицей о нем пред Богом».

Сказав это, она вторично благословила народ и отправилась на остров Кипр для посещения Лазаря.

С тех пор и до сего дня, несмотря на разные грозные бедствия, обрушивавшиеся не раз на Греческую землю, на Афоне не переводятся высокое христианское благочестие и православные иноки, которые ныне только одни его и заселяют; сюда же постоянно удаляются кончать жизнь в строгих подвигах многие патриархи и другие знаменитые отцы церкви.

Через восемьсот лет после своего первого посещения Афона Божья Матерь явилась в тонком сне одному из афонских пустынножителей, святому Петру, и снова нарекла Святую гору своим жребием и подтвердила свою постоянную милость к ней.

Вот на эту-то Святую гору, особенно прославленную в те времена дивными подвигами святого Афанасия Афонского, и прибыл молодой Антиппа; здесь он стал ревностно подвизаться, под руководством опытного старца Феоктиста, в существующей и в настоящее время пещере при греческом монастыре Есфигмене, в котором он принял затем монашеский образ с именем Антония.

После того как Феоктист увидел Антония совершенно окрепшим в иноческой жизни, он сказал ему: «Антоний, иди в Россию; ты будешь там благословением Святой горы, так как много монахов пойдут от тебя на Руси». Антоний повиновался и, прибыв в Киев, поселился на почти неприступном берегу реки, в пещере, вырытой варягами, разбойничавшими по Днепру. Это было в 1013 году. Скоро после того преставился равноапостольный князь Владимир и началось княжение Святополка Окаянного, вызвавшего кровавые смуты на Руси. Огорченный и встревоженный Антоний отбыл опять на Святой Афон. Здесь он провел много лет в строгом подвижничестве и,

наконец, получил вторично благословение игумена вернуться в Россию, что он и исполнил.

Вторичное возвращение его было в 1028 году, когда на Руси уже наступила полная тишина. Антоний решил остаться отшельником и выбрал себе пещеру, вырытую благочестивым Илларионом на лесистом холме реки Днепра, где и поселился. Он начал со слезами молиться Богу следующими словами: «Господи! Утверди меня в месте этом, и да будет на нем благословение Святой горы и игумена моего, который меня постриг». Начав здесь жить, Антоний питался исключительно сухим хлебом, и то через день, проводя все свое время в бдении, молитве и трудах. К его утешению, пещера была далеко от людных мест, так как Берестовский холм был покрыт густым лесом. Однако слава о его необыкновенных подвигах разнеслась по всей Киевской стране, а потом и далеко за ее пределы, и скоро он прослыл под именем великого Антония, к которому стали все более и более обращаться за благословением. г ,

Вместе с тем, к Антонию начали собираться и люди, также искавшие, как и он, уединения и высоких подвигов. Первый, который изъявил желание с ним жить и разделить труд, был преподобный Никон, уже бывший иеромонахом; он долго исправлял обязанности игумена зарождавшейся пещерной обители, так как Антоний, по своему крайнему смирению, отказывался не только от игуменства, но и от священства.

В 1032 году к Антонию пришел молодой человек, пал к его ногам и просил пострижения. Это был Феодосии.

Жизнь Феодосия замечательна с первых же дней его юности. Он родился близ Киева, в городе Василеве, но еще в детстве стал жить с родителями в Курске. Благочестивое настроение души обнаружилось в нем с первых же годов. Он не любил ни детских игр, ни шалостей, а каждый день ходил в церковь и с вниманием слушал чтение священных книг. Затем он сам упросил своих родителей отдать его к какому-нибудь учителю для обучения чтению. Он учился быстро и отличался при этом необыкновенной кротостью — «был послушен не только учителю своему, но и всем учащимся с ним». Обладая отличными способностями, Феодосии, конечно, весьма быстро постиг всю преподанную ему науку, так что все дивились этому необыкновенному по кротости и по разуму дитяти. Тринадцати лет он лишился своего отца. С тех пор Феодосии начинает постигать горечи жизни. Душа его всецело стремилась к Господу и подвигам во Имя Его, а мать его была не такова. Она страстно любила сына, но готовила его к тщеславной светской жизни, почему глубоко возмущалась его наклонностями и по вспыльчивости и резкости своего нрава была часто несправедлива и жестока к сыну. А он, между тем наследник значительного имущества, носил самую простую и худую одежду и больше всего любил помогать домашним слугам в их работах. Мать же, видя это, осыпала его побоями и постоянно попрекала, что он позорит свой род, не живя так, как должны жить его равные.

При таких затруднительных обстоятельствах Феодосии убеждался все более и более, что для спасения души своей ему надо уйти из дому: Однажды ему привелось видеть странников, шедших в Палестину на поклонение Гробу Господню. Он упросил их взять его с собой и тайно покинул дом. Однако мать догнала его и тут дала полный простор своему гневу: она с большой яростью накинулась на него, крепко избила, а затем заперла в горницу и на два дня лишила пищи; потом, накормив его, еще на несколько дней оставила со связанными ногами, чтобы он не ушел. Перейдя затем от гнева к ласкам, она всеми силами упрашивала сына не уходить от нее. Феодосии послушался, но по-прежнему продолжал усердно посещать церковь. I.

Заметив, что обедня совершается редко за недостатком просфор, он стал сам печь просфоры. Матери его не нравилось и это занятие сына, и она ласково просила его оставить печение просфор. «Ты наносишь,— говорила она,— бесчестие своему роду; не могу слышать, как смеются над тобой за это занятие». Смысленный и добрый сын почтительно объяснил матери высокое назначение просфор, и она успокоилась на время. Но на следующий год, видя, что Феодосии почернел от печи и огня, она опять стала запрещать ему печение просфор с угрозами, а иногда и с побоями. Не зная, что делать, Феодосии решил опять тайно уйти из дому и отправился в соседний город к одному священнику, где продолжал свои занятия по выпеканию просфор. Мать, конечно, вскоре отыскала его, привела опять домой и решительно запретила печь просфоры. Обо всем этом узнал, наконец, сидевший в Курске боярин и пригласил Феодосия к себе, вероятно, чтобы служить причетником в домово́й церкви.

Привязавшись к кроткому и смиренному Феодосию, боярин не раз дарил ему хорошую одежду, но тот постоянно отдавал ее нищим, а сам ходил в рубище. Однажды у доброго градоправителя давался большой пир знаменитостям города. Феодосию для служения гостям необходимо было явиться в чистом платье. Когда он переменял белье, то мать увидела кровь на его рубашке. Это открыло ей, что сын носил на теле железные вериги. Она опять пришла в большую ярость, сорвала с него эти вериги и жестоко избила его. Но все было напрасно: Феодосии все более и более стремился отдать себя всецело на служение Господу.

Стоя один раз в храме, он услышал следующие слова Евангелия от Матфея: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня, и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и не следует за Мной, не достоин Меня».

На этот раз слова эти сильно подействовали на Феодосия, и он решился следовать им. Вскоре мать его на некоторое время отлучилась из города, а он поспешил уйти в Киев, где, как слышал, есть монастыри. Не зная дороги, он наткнулся на обоз, шедший в стольный город, куда и прибыл с ним через три недели. Здесь он обошел все монастыри и просил, чтобы его приняли. Но видя простого юношу, никому не известного, одетого в худые одежды, его нигде не хотели принять. К своему счастью, Феодосии во время этих

странствований по киевским монастырям услышал о великом Антонии-пещернике; он «окрылатил духом» и поспешил к нему. Увидя святого старца, Феодосии пал к его ногам и со слезами просил принять его. «Дитя мое,— сказал ему Антоний,— видишь ли, какая эта пещера мрачная и тесная! Ты молод и должен будешь терпеть много лишений». х

На это Феодосии ответил ему: «Ты знаешь, честный отец, Всевидящий Бог привел меня к твоей Святыне, чтобы я был спасен тобою. Поэтому все, что прикажешь, то и буду исполнять». Тогда блаженный Антоний сказал: «Благословен Бог, укрепляющий тебя, дитя мое, на такой подвиг!» И затем Никон, по повелению святого старца, постриг Феодосия. Ему было тогда 23 года. Получив давно желанное пострижение, Феодосии предался со всем пылом своего сердца трудам подвижничества, посту, молитве, послушанию и смирению, так что преподобный Антоний и Никон только дивились ему. Однако Феодосию пришлось вынести еще одно сильное испытание. В 1036 году, через четыре года после того как он покинул Курск, мать его, тщетно всюду искавшая пропавшего сына, узнала от приехавших из Киева людей, что Феодосия видели там в одном из монастырей. Она тотчас же отправилась в Киев и стала обходить все монастыри, но нигде не находила сына. Наконец ей указали на пещеру Антония. Приказав сказать старцу, будто она пришла издалека, наслышавшись о его святости, мать Феодосия хитростью вызвала его на беседу. Старец, ничего не подозревая, вышел к ней. Тогда она стала расспрашивать о своем сыне, говоря: «Я столько сокрушалась о нем, не зная, жив ли он». Антоний же, будучи прост душою и не подозревая ее хитрости, сказал: «Сын твой здесь; не сокрушайся о нем; он жив. Если хочешь видеть его, то иди сегодня домой, а я пойду и уговорю его, иначе он ни с кем не желает видеться».

Но уговоры Антония были напрасны, и старец на другой день вынужден был объявить матери: «Много просил я его, чтобы вышел к тебе; но он не хочет». Тогда мать Феодосия начала уже с гневом говорить Антонию и кричать на него: «Ты меня обидел, старец! Взял сына моего, спрятал в пещере и не хочешь мне показать его. Выведи мне сына моего, иначе я умру от скорби: сама себя погублю пред дверями этой пещеры, если не покажешь мне его».

Антоний, сильно смущенный этим порывом, стал опять просить Феодосия, и тот наконец вышел к матери. Она же, увидав сына в большом изнеможении, так как лицо его изменилось от трудов и воздержания, обняла его и горько заплакала; потом, несколько успокоившись, стала просить сына вернуться домой, добавляя: «Делай в доме своем по воле своей, только не разлучайся со мной». Феодосии на это сказал ей твердо: «Матушка, если хочешь меня видеть каждый день, то иди и постригись в одном из киевских женских монастырей. Тогда приходи сюда, и ты будешь меня видеть. Если же ты не сделаешь этого, то никогда не увидишь моего лица».

Мать долго не соглашалась, но наконец решила посвятить себя Богу в общине Святого Николая, сооруженной на Аскольдовой могиле. Феодосии благодарил Господа за мать и с радостью обратился к подвигам своим.

Жизнь пещерная была, вообще, строга.

Отшельники питались одним ржаным хлебом; в субботу и воскресенье они ели сочиво (вареный горох или бобы). Чтобы иметь это пропитание, они занимались простым рукоделием, которое продавали; на полученные деньги покупали рожь и, разделив ее, сами мололи на ручных жерновах. По окончании утрени копали землю в огороде; после обедни трудились в подземных своих кельях. Феодосии трудился более обоих старцев. Крепкий телом, он всегда брал на себя часть их работ: носил за них воду, рубил дрова, молот рожь. Иногда, в знойную ночь, обнажая плечи и грудь, он отдавал тело свое в пищу комарам и мошкам; кровь текла по нему, а он спокойно пряд волну и пел псалмы. В маленькой церкви, устроенной в пещере, он являлся прежде других и, став на место, не сходил с него до конца службы.

Тогда, по словам летописца, три светила сияли в пещере: Антоний, Никон и Феодосии.

Вскоре присоединился к ним еще один-подвижник — преподобный Моисей Угрин, венгерец по происхождению, родной брат святого Георгия, доблестного слуги блаженного князя Глеба, погибшего с ним на Альте, когда он хотел своим телом прикрыть своего господина, и родной же брат святого Ефрема Новоторжского. Моисей также служил у князя Бориса и был с ним на Альте; из всех слуг князя он один уцелел и скрылся у сестры его, княжны Предславы. После этого, во время захвата Киева Болеславом, он попал в плен к полякам и пять лет провел в оковах. Статный и красивый лицом, он невольно обратил на себя внимание одной знатной и богатой польки, которая почувствовала к нему сильную любовь. Выкупив его из оков, она объяснила ему свои чувства и всячески старалась привлечь к себе, объявив, что готова выйти за него замуж. Но Моисей, уже бесповоротно решив посвятить себя Богу, ответил ей отказом.

Тогда взбешенная полька перешла от ласки к жестокости: она заключила его в темницу и стала морить голодом. Затем она жаловалась на него и королю Болеславу, но ничего не помогло. Моисей оставался и в темнице непреклонным и вскоре получил возможность исполнить свой обет Богу: к нему пришел афонский черноризец и тайно постриг его.

Узнав, что ее пленник уже инок, неистовая полька, чтобы отомстить за оказанное пренебрежение ее красоте, приказала жестоко изуродовать Моисея, так что несчастный страдалец, истекая кровью, едва остался жив. Затем, в своем негодовании на афонского черноризца, постригшего Моисея, она уговорила Болеслава, на которого имела большое влияние, выгнать всех черноризцев из Польши. Однако суд Божий не замедлил наказать их: Болеслав умер внезапно, а в Польше поднялся мятеж, причем была убита и нечестивая жестокая полька, изуродовавшая праведника. Это было около 1027 года. Спустя несколько лет, собравшись мало-помалу с силами,

многострадальный Моисей пришел в пещеру к преподобному Антонию. Здесь он провел десять лет в посте и молитве, но постоянно больной, так что еле мог ходить с помощью посоха. Преподобный Моисей Угрин обладал даром исцеления некоторых страданий и предвидел блаженную кончину свою. Он преставился 26 июля, вероятно, в 1043 году; мощи его почивают в Антониевой пещере.

В 1054 году умер великий князь Ярослав.

Вскоре после его кончины занявший отцовский стол великий князь Изяслав посетил вместе со своей дружиной Антония и просил у него благословения и молитвы; вслед за этим прибыл к Антонию юноша, сын тысяцкого Яна Вышатича и внук того знаменитого воеводы Вышаты, который, вследствие своего нежелания оставить в несчастье русских воинов, был пленен и ослеплен греками; юноша этот усердно просил принять его в число иноков. Видя его необыкновенную ревность, Антоний согласился и поручил Никону произвести обряд пострижения, наименовав его Варлаамом.

После Варлаама явился к Антонию самый доверенный и любимый из слуг Изяслава и тоже, по своей горячей просьбе, был пострижен под именем Ефрема.

Эти два пострижения вызвали, конечно, сильнейшее неудовольствие против Антония.

Боярин Ян Вышатич прибыл к нему со множеством слуг, разогнал всех монахов, а сына своего вытащил насильно и, сорвав с него одежду чернеца, облек в прежние светлые боярские одеяния и отправил домой.

Сильно разгневался на Антония и великий князь Изяслав, узнав о пострижении своего любимого слуги. Он приказал взять блаженного Никона, совершившего пострижение, и угрожал отправить его вместе с Антонием и остальной братией в заточение, а сами пещеры раскопать. «Делай, что хочешь,— отвечал преподобный Никон,— а я не могу отнимать воинов у Царя Небесного». Видя такой гнев князя, Антоний решил оставить пещеры и вовсе уйти с братией в другую страну. Однако, узнав о намерении преподобного, супруга Изяслава, полька по рождению, стала умолять князя, чтобы он своим гневом не изгнал таких подвижников из страны, и при этом рассказала про бедствие, постигшее Польшу, когда Болеслав поступил там подобным же образом. Ей удалось утишить гнев Изяслава, и он послал просить Антония возвратиться на старое место. Послы князя еле нашли Антония на третий день поисков и умоляли его именем Изяслава вернуться. Преподобный послушался и пришел в свою пещеру, непрестанно молясь. Затем собралось и все его разогнанное стадо. Вернулся и молодой Варлаам, который провел три дня дома, не принимая пищи и питья; он смягчил, наконец, своего отца, который сжалился над ним и разрешил вернуться к Антонию. Мало того, Ян Вышатич, тронутый до глубины души подвижничеством сына, сам сделался усердным посетителем обители, причем особенно почитал он Феодосия.

Понемногу число братии увеличилось до двенадцати; они выкопали большую пещеру и поставили в ней церковь; они также выкопали кельи и для себя. Затем прибыло еще несколько братии, а некоторые из старых оставили пещеры, чтобы основывать обители в других местах. Так ушел преподобный Никон, удалившись в Тмутаракань, где основал Богородицкий монастырь. По удалении Никона Феодосий был посвящен в священники и отправлял богослужение в пещерной церкви.

Число братии в монастыре увеличилось уже до 15 человек, когда преподобный Антоний в присутствии их всех однажды сказал: «Бог собрал вас сюда, братия, и над вами почивает благословение Святой Афонской горы, данное мне постригим меня игуменом, а от меня перешедшее на вас. Я назначу вам игумена, а сам пойду в другое место жить наедине, как привык издавна». Затем он назначил игуменом Варлаама, а сам выкопал себе новую пещеру, которая и поныне называется Антониевой или Ближней, в расстоянии ста саженей от прежней.

Поселившись в этой пещере, Антоний прожил в ней сорок лет в строгом подвижничестве. Но предаваясь таким образом самым высоким иноческим подвигам, сердцу его всегда были близки дела основанной им пещерной обители, почему обитатели ее имели с ним постоянное общение и всегда обращались за советом и благословением. Любовь его к истинным подвижникам простиралась до того, что он сам носил пищу каждый день принявшему затвор иноку Исааку, и это продолжалось семь лет.

Когда стало прибывать все более и более братии в пещеру, то они обратились к Антонию за благословением начать постройку монастыря на горе. Антоний не только одобрил это желание, но послал от себя к великому князю с такой просьбой: «Князь мой! Бог умножил братию, а место у нас тесное; не подаришь ли ты нам ту гору, что над пещерою?» Изяслав охотно исполнил просьбу Антония, и на горе построили малую деревянную церковь Успения Богородицы; но братия все же оставалась еще жить в пещерах. Это было в 1057 году. В это же время Изяслав основал в честь покровителя своего, святого Димитрия, великолепный монастырь и взял туда в игумены Варлаама.

Тогда пещерная братия выбрала себе игуменом Феодосия. Святой Антоний избрание это утвердил, и с той поры начинается для Феодосия новая высокая деятельность.

Приняв начальство над братией, он не переменял своего смирения и образа жизни: на труд и на службу в храме выходил он раньше всех.

Первым его делом было устройство нагорного монастыря, а затем и сооружение более обширного деревянного храма Успения Богородицы. Окончательно устроив братию, уже значительно увеличившуюся в числе, Феодосий стал вводить устав общежительного жития по образцу заведенного преподобным Феодором Студитом в царьградском монастыре его имени. Этот устав Феодосий перешел из Печерского монастыря и во все прочие русские обители.

Братия разделена была на четыре степени: одни еще не были пострижены и ходили в мирской одежде; другие, хотя еще и не были пострижены, но ходили уже в монашеской одежде; третьи были уже пострижены и носили мантию; наконец, четвертые были облечены в великую схиму.

Все в обители совершалось не иначе, как с благословения игумена, и освящалось молитвой. В кельях не позволялось братии держать никакой собственности: ни пищи, ни излишней одежды. Феодосии сам строго наблюдал за исполнением всех этих правил и кротко выговаривал виновным; затем раскаивающихся прощал, а на других налагал епитимьи.

Он часто говорил со слезами на глазах поучения, но больше всего он действовал на братию примером собственной жизни.

За братской трапезой он вкушал только сухой хлеб и вареную зелень без масла и не пил ничего, кроме воды; одежду носил ветхую и худую, а под ней колючую власяницу. Для сна никогда не ложился, но после повечерия засыпал сидя. Часто проводил он всю ночь напролет без сна, в молитве за себя и за обитель, что много раз замечали церковные будильники, слыша плач его и стук земных поклонов, когда приходили за благословением к утрени. Когда наступал Великий пост, он удалялся в пещеру, известную доньше под именем Феодосиевой или Дальней, а иногда переходил из нее в другую, близ монастырского села, возвращаясь в обитель накануне Лазаревой субботы.

Феодосии каждый день трудился наряду с братией. Часто ходил он в пекарню вместе с пекарями и, веселый духом, месил тесто и пек хлеб.

Раз, перед праздником, келарь сказал, что некому носить воду.

Феодосии поспешно встал и начал носить воду из колодца. В другой раз некому было рубить дров. «Я празден и пойду»,— сказал игумен; прочим велел идти на трапезу, так как было уже время для обеда, а сам стал рубить дрова.

Не менее деятельна была его жизнь и за монастырской стеной. Он посещал всегда лиц, нуждавшихся в его помощи и советах, и, кроме того, ходил поучать православия и защищать его от нападков разных вредных лжеучений.

По ночам, когда братия спала, Феодосии часто ходил к городским воротам и горячо спорил с иудеями, доказывая им преимущество христианской веры.

Смирение его было изумительно. Раз, сердечно любивший и высоко уважавший Феодосия великий князь Изяслав, у которого Феодосии был в гостях, приказал, по случаю позднего времени, отвезти его в обитель в покойной тележке. Слуга, назначенный для этого, видя инока в худой одежде, сказал ему: «Ты, чернец, каждый день без дела, а я живу в хлопотах и труде, садись на лошадь, а я лягу на твоём месте и сосну». Феодосии, не говоря ни слова, обменялся местом со слугой. С рассветом бояре, ехавшие к князю, при встрече с Феодосием слезали с коней и кланялись ему. Видя это, слуга сильно оробел, но Феодосии предложил ему только сесть опять на коня. Перед воротами обители иноки встретили своего игумена с положенной ему честью,

и бедный слуга совсем растерялся. Феодосии же приказал угостить его как можно лучше. Столько же замечательно было и милосердие преподобного Феодосия. Он был истинным заступником притесняемых и обиженных. Особенно же он любил бедных; он построил при монастыре особый двор для увечных, слепых, хромых и отдавал им десятую часть монастырских доходов. Каждую субботу отсылал он возы хлеба в тюрьмы. Однажды привели к нему воров, пойманных в монастырском селе; увидев их связанными, Феодосии заплакал, велел развязать и накормить их, потом, дав наставление не обижать их и снабдив всем нужным, отпустил с миром.

Сила веры Феодосия обнаруживалась во многих случаях. Собрав множество иноков, он не любил собирать запасов для обители, но заботился прежде всего о помощи бедным и во всем возлагал упование на Бога. Когда недоставало хлеба и других припасов для братской трапезы и угощения бедных, или вина и елея для церковной службы, и иноки докладывали об этом Феодосию, он всегда спокойно говорил им, чтобы они не тревожились, так как промысел Божий не оставит их. И действительно, каждый раз, по молитве Феодосия, все являлось в свое время. То богатый боярин, по внушению Бога, отправит в обитель возы с хлебом, рыбой, сочивом, пшеном и медом, а то ключница великого князя пришлет воз с вином и елеем. Наконец, был случай, когда пред Феодосием предстал однажды никому не ведомый жертвователю именно в то время, когда в монастыре не на что было купить хлеба и неоткуда было ждать помощи; жертвователю, молодой статный воин, войдя в келию Феодосия, молча поклонился, положил перед ним золотую гривну и молча же вышел с поклоном.

Тогда блаженный Феодосии призвал эконома и, отдавая ему золотую гривну, сказал: «Брат Анастасий! Теперь ты не скажешь — не на что купить хлеба; ступай покупай». Рассказав эконому, каким путем явилась эта гривна, Феодосии присовокупил: «Никогда не отчаивайся, будь тверд в вере; возложи на Господа бремя твое. Он печется о нас. Приготовьте же для братии большой праздник».

Нужно ли говорить, как все киевские князья, бояре, дружинники и городские обитатели любили смиренных и ласковых подвижников, обитавших в монастыре, тем более что они не только занимались постом, молитвой и помощью бедным, но, кроме того, горячо распространяли книжное просвещение, говорили проповеди и собирали отеческие предания о делах прежних времен. Вот чтобы послушать этих светильников просвещения, постоянно и посещали киевляне Печерскую обитель и, в свою очередь, считали иноков самыми дорогими гостями, когда они бывали у них на дому.

И монастырь Печерский, как своих детей, любил киевских горожан. Во имя любви и правды он вступался во всякие их дела, домашние и общественные. Особенно любил Феодосии семью тысяцкого Яна Вышатича, отца Варлаама; Ян жил в большой любви и согласии со своей супругой, и оба они отличались необыкновенной набожностью и

благотворительностью. Однажды Феодосии, зайдя к ним, подробно объяснял, что последует с ними после кончины, а также и значение церковного обряда, совершаемого над усопшими.

Слушая его, жена Яна в раздумье спросила: «Кто весть, где это меня положат?» Пророчествуя о ее желании, преподобный ответил: «Поистине, где лягу я, там и ты положена будешь». И так сбылось ровно через 18 лет. Когда в 1091 году мощи святого Феодосия были торжественно перенесены в новый Печерский храм Пресвятой Богородицы и положены в притворе на правой стороне, через два дня там же, на левой стороне, погребена была и скончавшаяся супруга Яна Вышатича.

В обращении с князьями и вельможами Феодосии оказывал то же смирение, простоту и любовь к правде, без всякого лицепрятия, как и в обращении с простым народом. Великий князь Изяслав часто посещал его, причем никогда не позволял себе въезжать в монастырь на коне и не брал с собой многочисленной свиты. Однажды Изяслав пришел в обитель во время послеобеденного отдыха братии, когда Феодосии запрещал впускать кого бы то ни было, чтобы не нарушать покоя иноков; привратник, хотя и узнал князя, но не смел впустить его, не доложив Феодосию. Изяслав у ворот дождался настоятеля и не только не оскорбился строгостью монастырского устава, но еще более полюбил Феодосия.

Феодосии имел обыкновение мирян, приходивших к обедне в монастырь, приглашать после богослужения к братской трапезе.

Однажды, во время такой трапезы, князь Изяслав сказал ему: «Скажи, святой отче, что это значит? Дом мой полон всяких благ мира, но никогда в нем не готовят пищу так вкусно, как здесь». «Оттого,— отвечал Феодосии,— что здесь братия все готовит с молитвой и благословением, а твои слуги ссорятся, клянут друг друга и получают побои от приставников, когда готовят вам трапезу». Будучи смиренным и кротким, Феодосии умел быть в то же время и твердым, когда это повелевала ему его совесть. Когда между сыновьями Ярослава, несмотря на отцовское завещание, возникли усобицы [71](#), и Святослав, соединившись со Всеволодом, изгнал из Киева Изяслава, а сам сел на его место, то Феодосии долго отказывался иметь общение со Святославом, и в церковных молитвах он поминал одно только имя Изяслава. При этом он не переставал обличать Святослава и послал ему даже письмо, в котором уподоблял его Каину, убившему брата своего Авеля.

Святослав сильно разгневался и хотел сослать Феодосия в заточение.

«Я буду очень рад этому,— отвечал Феодосии,— так как это будет самое лучшее в моей жизни. Чего мне бояться? Потери ли имущества и богатства? Лишусь ли я детей или сел? Нагими мы пришли в этот мир, нагими и выйдем из него». Узнав про этот ответ Феодосия, Святослав сильно смутился духом и всеми силами стал искать с ним примирения.

Наконец, по усиленной просьбе братии, Феодосии согласился вслед за именем законного князя поминать во время церковных служб и Святослава за

его действительно большую любовь к церкви. Святослав же, приехав затем в обитель и смиренно выслушав обличения от святого старца, упрашивал его навещать княжеские палаты для своего назидания. Феодосии согласился и, зайдя однажды к Святославу, застал веселое пиршество: пелись песни, играла музыка. Феодосии сел поодаль, опустив глаза в землю, и потом, взглянув на князя, сказал: «Будет ли так на том свете?». Святослав прослезился и велел прекратить игры.

После уже всегда умолкали игры в палатах князя, когда возвещали о приходе Феодосия. «Если бы отец мой встал из мертвых,— говаривал Святослав Феодосию,— я не так обрадовался бы ему, как твоему приходу».

Такой же прямоотой по отношению князей отличался и Антоний, подвизавшийся в своей пещере. После изгнания Изяслава он сейчас же вошел в общение с князем Всеславом Полоцким, который, как мы увидим впоследствии, содержался при Изяславе в темнице, по мнению Антония, несправедливо. Когда Изяслав через несколько месяцев вернулся в Киев и опять сел на свой стол, то он стал очень гневаться на Антония за его сношения с Всеславом. Праведный Антоний удалился тогда в Елецкий монастырь, в город Чернигов, а затем и на соседнюю Болдину гору, покрытую густым лесом, где вырыл себе новую пещеру и где вновь к нему стали собираться иноки. Однако Антонию скоро пришлось опять вернуться в Киев, в свою пещеру, так как Изяслав осознал свою вину перед святым угодником и умолил его вернуться назад.

Кроме распространения света Христова учения, любви к ближнему и книжного просвещения, Киево-Печерской обители принадлежит также слава создания чрезвычайно важного дела: составление первого дошедшего до нас летописного свода событий о том, как произошла Русская земля и какие дела в ней совершались. Творцом этого свода почитается обыкновенно, как мы уже говорили, преподобный Нестор, пришедший семнадцатилетним юношей во времена Феодосиевы в обитель, где нетленные его мощи почивают и поныне в Ближних, или Антониевых, пещерах [8](#)].

Как известно, вместе с Христовой верой первые русские христиане принесли нам и славянскую грамоту, изобретенную святым равноапостольным Кириллом. Они же положили и основание нашей летописи. Сперва это были короткие заметки, делаемые в церковных книгах о том или другом событии, которое желательно было почтить памятью в последующие годы, а именно о блаженной кончине какого-либо праведника, о сооружении нового храма, а также и о важнейших событиях в жизни граждан — христиан. Так попали в эти заметки, между прочим, деяния и кончина киевских витязей Аскольда и Дира Наконец, в заметки эти вносились дни празднования Святой Пасхи и переходящих праздников. Так образовались первые летописные заметки или краткие списки.

Так как все они составлялись исключительно глубоковерующими христианами и притом записывались зачастую на церковных книгах, то они и

представляли одну святую и высокую правду, тем более что в древнее время само слово «книга» обозначало у нас только Священное Писание

Вместе с ростом Русского государства и крещением Руси возросло, конечно, как количество таких отдельных летописных заметок, так и число важных событий в русской жизни, которые в них заносились. Наконец, явилось желание и необходимость иметь общий летописный свод этих отдельных записей, чтобы получить полное описание всех дел земли Русской с начальных времен

Дело это, конечно, могло быть исполнено наилучшим образом в Киево-Печерской лавре, где жили умные, образованные иноки и куда все киевляне ходили делить свои радости и горести, рассказывая о всех своих делах

Таким путем и получился первый летописный свод, названный «Повестью временных лет». Нет сомнения, что при составлении его собраны были не только все отдельные короткие рукописные заметки, бывшие в распоряжении летописца, но также помещены в него и рассказы всех лучших людей Киева о светских и государственных делах, в которых они сами принимали участие или о которых доподлинно знали от близких себе людей

Несомненно также, что упомянутый нами сын славного Вышаты, тысяцкий Ян Вышатич, доживший до 90 лет от роду, много дал сведений летописцу и из событий, очевидцем которых был сам, и из рассказанных его отцом.

Вот почему первоначальная наша летопись рядом с церковными событиями описывает необыкновенно ярко и все светские, государственные дела, имевшие место на Руси.

Так было положено у нас начало летописанию. С тех пор во многих обителях образованные иноки продолжали дело перво-, начального летописца и, переписывая летописный свод, дополняли его вставками и прибавлениями о тех событиях, которые были лично им известны.

Каждый из них оканчивал свой труд обыкновенно следующими словами: «Господа, отцы и братья, если где-либо я описался, или переписал, или недописал, читайте и исправляйте, ради Бога, и не кляните, ибо книги ветхи, а ум молод, не дошел».

Один же из таких переписчиков и дополнителей первоначального свода, простой селянин Ростовской области, заканчивает свой список следующим трогательно-смирным обращением к читателям: «Молю вас, братья, которые будут читать и слушать эти книги: если кто найдет здесь многое недостаточное или неполное, да не позазрит мне, ибо не киевлянин я родом, не из Новгорода, не из Владимира, но селянин Ростовских областей. Сколько нашел, столько и написал. Что силе моей невозможно и чего не вижу перед собой лежащего, то как могу наполнить? Богатой памяти не имею, дохтурскому искусству не учился, как сочинять повести и украшать премудрыми словами...» .

С таким чистым сердцем относились наши летописцы к делу записи сказаний о делах Русской земли. Наши князья помогали им, так как без гнева повелевали заносить в летописи все доброе и дурное. Поэтому-то летописи наши и поражают своей исключительной правдивостью и простотой всех ученых Запада, которые сознают, что у них подобных правдивых сказаний об их минувших делах не имеется.

Здесь можно заметить, что такой высокочистый взгляд на книгу и книжное письмо оставался, к нашему счастью, весьма долгое время в Русской земле, и взгляд этот управлял всем русским книжным делом до весьма еще недавнего времени.

Кроме начала русского летописания, при жизни преподобных Антония и Феодосия получило начало и строение Великой каменной церкви Киево-Печерской лавры, существующей и поныне.

Произошло это, согласно преданию, так.

Один из потомков варяжского князя Африкана, по имени Шимон, изгнанный своими родичами из родной земли, пришел в Россию еще во времена Ярослава, который с почестью принял его и поместил у своего любимого сына Всеволода; Всеволод, в свою очередь, очень скоро полюбил Шимона. Во время княженья Изяслава в южно-русские степи на смену печенегам пришел из Азии новый хищный народ — половцы и стал нападать на наши пограничные области [9\]](#). Против них выступили три князя: Изяслав, Святослав и Всеволод с Шимоном.

Собираясь в поход, Шимон зашел к преподобному Антонию за благословением. Старец откровенно предсказал ему ожидающую их гибель. Тогда Шимон пал к ногам его и просил, чтобы ему спастись. На это преподобный Антоний ответил: «Сын мой, многие из вас падут от меча и обращенные в бегство врагами будут истоптаны, изранены, утонут в воде; ты же будешь спасен и положен в церкви, которая здесь создастся».

Затем русские пришли к реке Альте; ночью на них напали половцы, и наши после жестокой сечи были побеждены; при этом многие воеводы, по предсказанию Антония, были убиты со множеством своих воинов. Шимон же лежал на поле раненным. Посмотрев на небо, он вдруг увидел в воздухе Великую церковь и возгласил: «Господи, избави меня от горькой смерти молитвами Пречистыя Твоея Матери, преподобных Антония и Феодосия Печерских». И молитва его была услышана. Он вскоре нашел в себе достаточно сил, чтобы уйти незамеченным с поля битвы, затем исцелился от ран и благополучно возвратился в Киев Придя к преподобному Антонию и рассказав о случившемся, он прибавил «Отец мой Африкан сделал крест величиной в десять локтей, с изображением распятого на нем Спасителя, и в знак особого почитания этой Святыни он возложил на бедра Распятого пояс с пятьюдесятью гривнами золота, а на голову Его—золотой венец Когда я, изгнанный родными из дому, уходил в Россию, то взял с собой с креста этот пояс и венец, при этом я слышал голос „Не возлагай, человек, этого венца на главу Мою, но неси на приготовленное место, где преподобным созидается

церковь Матери Моей, дай ему в руки, чтобы он повесил над жертвенником Моим" В трепете я упал на землю и лежал, как мертвый Потом, во время моего путешествия по морю, однажды поднялась большая буря, так что все мы уже готовились к смерти Тогда я, вспомнив о поясе, о котором таинственный голос не вспоминал, возопил „Господи, прости меня, я погибаю из-за пояса, который взял с Твоего Святого изображения на кресте" Вдруг я увидел высоко в небе церковь, и подумав, какая это церковь, услышал голос свыше „Та, которая создается преподобным во имя Божьей Матери, и размеры ее определить тем золотым поясом — 20 поясов в вышину, 30 — в длину и 50 — в вышину, и в ней ты будешь положен" Потом море вдруг стихло» Рассказав это, Шимон прибавил «До сих пор я не знал, где создается показанная мне церковь, но ты мне сказал, что я буду положен здесь, в церкви, которая будет строиться» После этого Шимон передал Антонию пояс со словами «Вот мера основания церкви», а затем и венец, сказав «Пусть этот венец будет повешен над престолом» Антоний восхвалил Бога и сказал «Сын мой, пусть отныне будет тебе имя не Шимон, а Симон», — и, позвав Феодосия, рассказывал ему про происшедшее и передал пояс и венец. Это было в 1068 году.

Горячо привязавшись к Феодосию, Симон стал часто навещать его и однажды сказал ему: «Дай мне, отче, слово, что душа твоя благословит меня не только в этой жизни, но и по смерти моей и твоей».

«Это выше силы моей,— отвечал Феодосии.— Но если по моем отсутствии из мира устроится эта церковь, если будут уважаться в ней предания и мои уставы, то это будет тебе знаком, что я имею дерзновение у Бога».

После этого Симон поклонился ему до земли и сказал: «Отче! Не изыду от тебя, дай мне на письме свое благословение».

Тогда Феодосии дал ему молитву, какую теперь влагают в руки покойникам. С этих-то пор и пошел на Руси обычай класть в руки усопшим грамоту с молитвой, которая при отпевании читается над умершим.

После получения молитвы Симон, готовясь строить храм, попросил еще у Феодосия отпустить грехи его родителям.

Феодосии, воздвигнув руки, сказал: «Да благословит тебя Господь от Сиона, и да увидите вы красоты Иерусалима во все дни жизни вашей, в третьем, в четвертом роде — до последнего». »•

Вслед за этим благословением Симон оставил католичество, в котором был прежде, и принял православие.

Через пять лет после передачи Симоном преподобному Антонию пояса и золотого венца, в 1073 году, в Киев прибыли из Царь- града четверо очень богато одетых церковных мастеров-зодчих; явившись к преподобным Антонию и Феодосию, они спросили их: «Где хотите вы строить церковь?» Преподобные отвечали: «Где Господь укажет это место». Мастера на это заметили: «Замечательно, вы узнали время вашей смерти, а до сих пор не

назначили места для своей церкви, дав нам на работу столько золота». Тогда преподобные, в присутствии всей братии, просили греков пояснить, что значат слова их. Те рассказали следующее: «Однажды рано, при восходе солнца, к каждому из нас в дом пришли благообразные юноши, говоря: Царица зовет вас во Влахерн. И мы, собравши всех своих родственников и друзей, пришли во Влахерн одновременно все и при этом из расспросов узнали, что одни и те же юноши одинаковыми словами звали каждого из нас. Вдруг мы увидели царицу и множество воинов вокруг нее, и поклонились ей. И она сказала: „Хочу себе воздвигнуть церковь в России, в Киеве. Повелеваю вам взять золота на три года и идти строить ее. При этом она указывала нам идти к преподобным Антонию и Феодосию, прибавив, что Антоний, благословивши начало постройки, отойдет в вечность, а Феодосии пойдет за ним на второй год. Отправляя нас, царица вручила нам мощи святых мучеников — Артемия, Полиевкта, Леонтия, Акакия, Арефы, Иакова и Феодора, чтобы мы положили их в основание церкви. О размерах церкви царица заметила: „Для меры послала я пояс сына моего; по его же повелению вы выйдете на открытое место и увидите размеры ее“. Вышедши из церкви, мы увидели церковь на воздухе и, вернувшись, поклонились царице и спросили: „Госпожа, в чье имя будет церковь?“. Она сказала «„Хочу назвать ее в мое имя“». Мы не осмеливались спросить царицу о ее имени и смутились, а она, заметив это, сказала прямо: „Богородицына будет церковь“. При этом Она дала нам Святую икону, добавив: „Она да будет наместницей“. Отправляя нас, царица обещала наградить нас за это дело и дать то, „чего око не видело и ухо не слышало, что не вошло и на сердце человека“».

Выслушав этот рассказ, все иноки прославили Бога и Пречистую Богоматерь; при этом преподобный Антоний сказал зодчим, что «никто из нас не приходил никогда к вам», на что зодчие отвечали. «Царицыно золото мы получили от вас при многочисленных свидетелях, и через месяц по получении мы отправились в путь, и ныне десятый день, как мы вышли из Царьграда».

Окончив рассказ, зодчие спросили: «Где же строить церковь?» Антоний сказал «Подождите три дня». Затем он обратился к Богу с пламенной молитвой и испросил чудесное указание места для храма. По молитве его, в одну ночь на избранном месте было сухо, а все окрестности были покрыты росой, в другую ночь — одно оно оросилось, когда все прочие места были сухи.

Благословение места для Великой Печерской церкви было последним земным делом дивного Антония. На девяностом году своей многотрудной жизни, 7 мая 1072 года он мирно предал дух свой Господу. Мощи преподобного Антония почивают под спудом в той пещере, где он подвизался. То глубокое смирение, которое он хранил во всю земную жизнь свою, скрывает его от славы человеческой и за гробом; все до сих пор бывшие попытки открыть его мощи были чудесным образом отстраняемы.

По кончине преподобного Антония вскоре последовала закладка нового храма на предназначенном месте. Земля эта принадлежала князю Святославу, который охотно подарил ее монастырю и сам первый начал копать ров для основания храма.

Главной его святыней является лично переданная, согласно преданию, Божьей Матерью зодчим небольшая икона, изображающая ее и апостолов, собранных при Успении. Замечательно, что, несмотря на все вражеские нашествия с неоднократными разграблениями храма, на пожары и прочие бедствия, икона эта никогда не была исторгнута из церкви. Когда Петру Великому донесли о страшном пожаре в Киево-Печерской обители, бывшем в его время, он прежде всего спросил: «Спасена ли чудотворная икона?» — «Спасена, Государь», — отвечал печальный архимандрит Иоанн, лично доносивший Государю о сем несчастье. «Если спасена икона, — сказал Петр, — то спасена и обитель». Икона эта, как венец всей святыни монастыря, висит над главными Царскими воротами, в серебряно-позлащенном сиянии. Она написана древней греческой живописью, на кипарисной доске шириной в 9 вершков, а вышиною в 6 $\frac{1}{2}$  вершков. Божия Мать изображена на ней почивающей на одре, пред которым стоит Евангелие, покрывающее отверстие в середине доски, где хранились частицы мощей семи мучеников, положенных Ею при передаче иконы зодчим. При главе Богоматери изображены шесть апостолов, из них Петр представлен с кадилом, а при ногах — пять; апостол же Фома не изображен, так как он, по особому устройству Божьему, при Успении Богородицы не присутствовал, а прибыл только на третий день после него. Посередине иконы, с левой стороны, стоит Спаситель и держит в пеленах душу Богоматери, а вверху, около Него, изображены два ангела с белыми убрисами. Вся икона, кроме лиц и рук, покрыта золотой ризой и украшена драгоценными камнями.

Приведенное повествование о чудном участии Божьей Матери в сооружении храма Киево-Печерской обители показывает нам, что Царица Небесная из своего Влахернского храма, из которого Она два раза подавала грекам помощь против нападавших на них язычников-русов, ныне сама простерла свою благодать и благословение над освященным верой Христовой русским народом.

Не оставил своим благословением Русскую землю в те же времена и великий святитель и угодник Божий Николай Чудотворец.

Однажды, когда по случаю наступающего праздника святых Бориса и Глеба православные христиане спешили со всех сторон в Вышгород, туда же отправился по Днепру на лодке один богатый киевлянин вместе с женой своей и младенцем сыном; на обратном пути от Вышгорода мать задремала и уронила из рук младенца, который немедленно утонул.

Огорченные родители стали призывать на помощь святого Николая и в крайней горести прибыли в свое жилище. В ту же ночь, перед заутренею, пономари Киево-Софийского собора, пришедшие отпирать церковь, услышали в ней крик ребенка, а затем нашли в церкви мокрого младенца,

лежащего перед иконой Святителя Николая. Немедленно дали знать об этом митрополиту, а митрополит велел объявить по всему городу. Родители младенца скоро нашлись и узнали в нем, к изумлению всех, своего потонувшего сына. С того времени образ, перед которым найден мокрый младенец, стал называться образом Николая Мокрого, и особенно чтится у православных. Ныне этот образ находится в приделе Киево-Софийского собора, устроенном во имя Святителя Николая.

Через несколько лет после этого объявилась и в Новгороде чудотворная икона Святого Николая, от которого получил чудесное исцеление князь Мстислав Владимирович, сын Владимира Мономаха, с которым мы познакомим читателя во второй части нашего труда. В честь иконы этой был заложен каменный храм во «дворе Ярославовом», и она прозывается потому Дворищенской.

Спустя год после кончины святого Антония, согласно пророчеству Божьей Матери, и преподобный Феодосий приблизился ко дню своего блаженного упокоения.

Он велел собрать всю братию, находившуюся на послушании в селах и других местах. Когда все собрались, он учил их, со слезами, спасению души и богоугодной жизни, пощению, усердию к церкви, братолюбию и покорности. Вскоре заметили, что блаженный игумен лежал в сильном лихорадочном изнеможении: то томил его холод, то огонь сильно жег его, так что он не мог говорить. В течение трех дней он был в таком состоянии, что думали, не умер ли он. Затем он встал и сказал. «Братия и отцы! Вот я знаю, что время жизни моей оканчивается, как открыл мне Господь еще во время поста в пещере». Благословив избранного братией игумена Стефана и простившись со всеми, он лег на ложе, взглянул на небо и с веселым лицом громко сказал: «Благословен Бог! Если так, то я уже не боюсь, а с радостью отхожу из сего света». Затем он предал дух свой Господу 3 мая 1074 года 65 лет от роду. Мощи преподобного Феодосия были сперва погребены в пещере, а через семнадцать лет, когда была окончена постройка и освящена Великая церковь Киево-Печерской лавры, их решили перенести в сам храм.

Преподобному Нестору было поручено выкопать мощи. Они оказались совершенно нетленными, суставы не распались, и только волосы присохли к голове. На следующий день собрались бывшие в Киеве епископы, пришли мужи из всех монастырей с черноризцами и множество народа; святые мощи перенесены были в Великую церковь и поставлены в притворе. Это было 14 августа 1091 года К лику святых преподобный Феодосий был причислен в 1108 году. Мощи его оставались открытыми до нашествия татар; с той же поры они скрыты в основании Великой церкви, а на том месте притвора, где они прежде почивали открыто, поставлена гробница, прикрытая серебряной вызолоченной доской с изображением преподобного.

После кончины преподобного отмечено несколько чудесных исцелений и избавлений от бед усердно обращавшихся к нему лиц, причем он иногда являлся молящимся ему во сне.

Из поучений Феодосия до сих дошли, к сожалению, далеко не все. Но и из тех, которые уцелели, вполне виден душевный склад этого великого подвижника.

«Любовь к Богу может быть выражена только делами, а не словами»,— говорит святой Феодосии в одном из своих поучений, и действительно, вся его жизнь была обращена именно на дела, достойные христианина. «Мы должны от трудов своих кормить убогих и странников, а не пребывать в праздности из келий в келию»,— продолжает он. И при Феодосии в обители все трудились, а сам он больше всех; мы знаем, что он никогда не спал лежа, а ночью, когда братия засыпала, часто уходил к городским воротам, где спорил до утра с иудеями, стараясь убедить их в превосходстве православия над иудейством.

Сильно нападал Феодосии и на пьянство, чем и в те времена были заражены все сословия, несмотря на принятие христианства. По этому поводу он говорил:

«Бесноватый страдает поневоле и может удостоиться жизни вечной, а пьяный страдает по собственной воле и будет предан на вечную муку; к бесноватому придет священник, сотворит над ним молитву и прогонит беса; а над пьяным, хотя бы сошлись священники всей земли и творили молитву, то все же не прогнали бы из него беса самовольного пьянства...»

Из творений Феодосия особенно замечательно «Завещание» его, написанное великому князю Изяславу Ярославовичу, когда того пытались свратить в католичество искусные проповедники папы. Вот его содержание: «Господи благослови! У меня есть слово к тебе, боголюбивый княже! Я — Феодосии, худой раб Пресвятой Троицы, Отца, Сына и Святого Духа,— в чистой и православной вере рожден и воспитан в добром научении православными отцом и матерью. Берегись, чадо, кривоверов и всех бесед их, ибо и наша земдя наполнилась ими. Если кто и спасет свою душу, то только живя в православной вере. Ибо нет иной веры лучшей, чем наша чистая, Святая Православная. Живя в этой вере, не только избавишься от грехов и вечной муки, но и сделаешься причастником вечной жизни, и без конца будешь радоваться со святыми. А живущие в иной вере не увидят жизни вечной. Не подобает также, чадо, хвалить чужую веру. Кто хвалит чужую веру, тот все равно что свою хулит. Если же кто будет хвалить свою и чужую, то он двоеверец, близок ереси.

Итак, чадо, берегись их и всегда стой за свою веру. Не братайся с ними, но бегай от них и подвизайся в своей вере добрыми делами. Твори милостыню не своим только по вере, но и чужеверным. Если увидишь нагого или голодного, или в беду попавшего,— будет ли то жид, или турок, или латинянин,— ко всякому будь милосерд, избавь его от беды, как можешь, и не лишен будешь награды у Бога, ибо Сам Бог в нынешнем веке изливает милости свои не на христиан только, но и на неверных. О язычниках и иноверцах Бог в этом веке печется, но в будущем они будут чужды вечных

благ. Мы же, живущие в православной вере, и здесь получаем все блага от Бога, и в будущем веке — спасет нас Господь наш Иисус Христос.

Чадо! Если тебе нужно будет даже умереть за святую свою веру, со дерзновением иди на смерть. Так и святые умирали за веру, а ныне живут во Христе.

Если увидишь, чадо, иноверцев, спорящих с православным и хотящих лестью оторвать его от Православной церкви,— помоги православному. Этим ты избавишь овца из пасти льва. Если же смолчишь и оставишь без помощи, то это все равно как если б ты отнял искупленную душу у Христа и продал ее сатане.

Если кто тебе скажет: Ваша и наша вера от Бога,—то ты, чадо, ответь так: Кривовер! Или ты и Бога считаешь двоеверным! Не слышишь, что говорит Писание: Един Бог, едина вера, едино крещение...» (Послание к Ефесянам, IV, 5).

Таков был преподобный Феодосии.

Созданная им и святым Антонием обитель, несмотря на грозные и тяжелые времена, которые не раз пришлось пережить Киеву и всей Русской земле, процветает и поныне. Многочисленные паломники круглый год прибывают в Киев, чтобы поклониться чудотворному образу Успения, лично переданному Царицей Небесной во Влахернском храме зодчим-строителям, мощам святых Антония и Феодосия, а также и другим праведникам, покоящимся в Ближних и Дальних пещерах.

В Ближних пещерах находятся три церкви: преподобного Антония, Варлаама и Введения во храм; тут же под спудом почивают мощи самого святого Антония и мощи 49 святых в открытых гробах; в числе этих 49 мощей находятся и мощи святого Иоанна, отрока варяга, убитого разъяренной толпой вместе с отцом при великом князе Владимире до его крещения. Далее в Антониевых пещерах покоятся 10 затворников в своих затворах и 30 мироточивых глав неизвестных святых. Здесь же почивают открыто, без гробов, двенадцать греков, строивших Великую лаврскую церковь, а именно: четыре зодчих, присланных Божьей Матерью из Влахернской церкви, и восемь живописцев, также чудесно посланных Богородицей окончена вчерне. Все эти двенадцать греков по окончании работы приняли пострижение, и мощи их до сего дня открыто пребывают в нетлении [10](#).

В Дальних, или Феодосиевых пещерах, где первоначально и было положено основание обители, до сих пор находится в целости келия святого Феодосия и при ней малая церковь; затем древнейшая церковь Благовещения Пресвятой Богородицы, устроенная руками первых жителей пещер, церковь Рождества Христова и мощи святых угодников: тридцать три почивают в открытых гробах, а тринадцать в затворах; кроме того, имеется 31 мироточивая глава и одна нетленная голень неизвестных святых.

Из покоящихся в обеих пещерах праведников, к величайшему сожалению, остаются совершенно неизвестными, даже по именам, шестьдесят один святой, коим принадлежат мироточивые головы, а также и святой, от которого осталась нетленная голень.

К большому сожалению, также далеко не о всех остальных святых, которые почивают в пещерах и имена коих известны, сохранились их жития. Об иных же из них жития хотя и имеются, но они так кратки, что почти не дают понятия о благочестивых подвигах праведников, про которых они написаны. Однако, к счастью, относительно некоторых святых сохранились более подробные жития, и по ним мы можем весьма ясно себе представить жизнь обитателей пещер, их подвиги и искушения, которым они порой подвергались.

Вот краткие выдержки из некоторых сохранившихся житий киево-печерских угодников.

Преподобный Исаакий был богатым торопецким купцом. Пожелав иноческой жизни, он, по Евангельскому Завету, раздал все свое имение и пришел в пещеру к преподобному Антонию, прося пострижения; Антоний принял его и постриг. Исаакий наложил на себя тяжелые подвиги: надел власяницу и сверх ее покрылся козлиной кожей, которая на нем высохла; затворился в тесной пещере и молился Богу со слезами. Семь лет провел он таким образом; пища его была — просфора, и то через день; воду он пил в меру; Антоний, как мы уже указывали раньше, приносил ему и то и другое, подавая в малое окошко, куда едва проходила рука. В течение всех семи лет Исаакий ни разу не выходил из затвора, не ложился на бок, но только сидя засыпал ненадолго; с вечера до полуночи он пел псалмы и клал поклоны.

Однажды он сел отдохнуть после ночных поклонов. Вдруг его посетило замечательное видение: пещера озарилась ярким светом, и в нее вошли два лучезарных юноши. «Исаакий,— сказали они,— мы ангелы, и вот идет к тебе Христос, поклонись ему!» Обольщенный затворник, не оградив себя ни крестным знаменем, ни сознанием своего недостойнства, поклонился до земли бесовскому действию, как самому Христу. Бесы воскликнули: «Ты наш, Исаакий; пляши с нами!» Они подхватили его, начали плясать и оставили его полумертвым. Наутро Антоний, по обычаю, подошел к окошку и сотворил молитву; ответа не было. Великий старец подумал, что затворник уже преставился; откопали пещеру и вынесли его, как мертвеца, но тут заметили, что он еще дышит. Опытные в духовной жизни старцы узнали дело бесов. Во время болезни за ним ходил сначала преподобный Антоний, а затем его взял к себе в келью Феодосии и стал служить ему, как мать малому ребенку. Исаакий был в таком расслаблении, что не мог не только встать или сесть, но даже перевернуться с одного бока на другой. Два года пролежал он так, лишенный языка и слуха; Феодосии денно и нощно молился о нем. Наконец, на третий год Исаакий заговорил, начал слышать, и, как младенец, стал учиться ходить. Насильно приводили его в церковь, потом приучили ходить в трапезу. Мало-помалу пришел в себя Исаакий от страшного

потрясения и стал опять вести строгую жизнь. Однако, искушенный в затворе, он не хотел сначала идти в пещеру, но надел власяницу и начал помогать поварам на кухне. Прежде всех приходил он в церковь и стоял неподвижно. Во время зимы ходил он в протоптанных черевьях, так что ноги примерзали к земле, но он стоял на одном месте до конца службы. Укрепившись вполне в силах, он опять затворился; здесь он подвергся вновь бесовским искушениям, но уже успешно отражал их и через двадцать лет трудного вторичного затворнического подвига принял, около 1090 года, блаженную кончину.

Преподобный Иоанн Многострадальный прожил тридцать лет в пещере перед мощами святого Моисея Утрина. Самым ревностным желанием его было походить по чистоте душевной и по помыслам на праведного Моисея; но в выполнении этого желания Иоанн, мучимый лукавым, испытал величайшие искушения. Чтобы побороть их, он то пребывал по шести дней без пищи, то удручал себя тяжкими веригами, то закапывал себя на весь Великий пост в землю почти по плечи, так боролся он все тридцать лет своей пещерной жизни. Под конец его постигло в самое Светлое Христово Воскресенье, когда он стоял закопанным в пещере, совершенно необычное видение огромного огненного змея, взявшего его голову к себе в пасть; когда Иоанн сотворил молитву, то дьявольское видение исчезло, но борода его и волосы на голове были опалены. После этого испытания Иоанн не только получил полное успокоение своей души, но даже и особый дар — видеть в совершенной тьме, так что он мог без помощи светильника совершать в пещере по книге свое молитвенное правило. Перед кончиной своей он опять вкопал себя в землю по перси и так стоит и поныне, как памятник славной победы над врагом человеческого спасения

Преподобный Пимен, прозванный Многоболезненным, родился больным и вырос в болезнях. Много раз просил он родителей, чтобы позволили ему постричься, но им не хотелось отдать в монастырь сына — единственного наследника. Наконец, не видя надежды на выздоровление, они решились отнести его в Печерскую обитель, чтобы молитвы отцов испросили ему исцеление. Но и эти молитвы остались безуспешными, потому что сам больной усердно молил себе не здоровья, а умножения болезни, чтобы остаться в монастыре. Он желал только одного — иночества. И вот в одну ночь пришли к нему невидимые иноки, совершили над ним обряд пострижения и облекли страдальца в иноческую одежду. Никто не слышал, как пришли они; никто не знал, как в запертой церкви, на раке святого Феодосия очутились волосы Пимена, снятые при пострижении. Только звуки пения дошли до некоторых, но обряд был окончен, когда пришли к Пимену и нашли его уже постриженным, с горящей свечой в руках. Более 20 лет пробыл Пимен в тяжелой болезни, так что прислужники тяготились им, нередко оставляя его без пищи и питья; но он все переносил с радостью. В ту же пещеру был принесен другой больной, чтобы слуге было удобнее ходить за двумя вместе, но и после того их часто оставляли без присмотра. «Брат,—

сказал Пимен лежавшему с ним больному,— служащие нам гнушаются нами. Если Господь исцелит тебя, можешь ли ты исправлять эту службу?» Больной обещал посвятить всю жизнь на служение больным. Тогда, по слову блаженного Пимена, он встал здоровым и служил ему; но затем обленился и опять заболел. «Маловерный,— сказал ему Пимен,— разве ты не знаешь, что болящий и служащий ему получают равную награду? Здесь — скорбь легкая, а там веселие веков. Бог, который исцелил тебя, может исцелить и меня, но я не желаю. Пусть я сгнию в этой жизни, но чтобы там я остался без нетления; пусть здесь будет вокруг меня смрадный запах, но чтобы там наслаждаться мне неисчерпаемым благоуханием». Перед смертью добровольный страдалец сделался здоров, обошел все кельи, чтобы проститься с братьями, указал себе место для погребения и скончался в мире.

Преподобный Прохор, уроженец смоленский, отличался удивительным воздержанием. Он лишил себя даже ржаного хлеба, а вместо него собирал лебеду, растирал ее и так и питался. За это он был прозван Лебедником. Кроме просфоры церковной и хлеба из лебеды, он не вкушал ничего — ни овощей, ни вина; никогда не был печален и всегда весело работал для Господа. Когда однажды случился голод, то он удвоил труд свой по собиранию лебеды и всем голодным раздавал хлеб из нее, который казался замечательно сладким, как бы испеченным вместе с медом.

Преподобный Дамиан — пресвитер, отличался необыкновенной кротостью и даром исцеления болезней. Он был такой постник, что, кроме хлеба и воды, не вкушал ничего до самой кончины своей. Если приносили дитя, страдавшее каким-либо недугом, или приходили больные в монастырь, преподобный Феодосии поручал Дамиану сотворить молитву над больным; Дамиан совершал молитву, помазывал освященным елеем, и страждущие получали исцеление. Когда он сам разболелся и приблизился к кончине, то ночью явился ему ангел в образе преподобного Феодосия и обещал царство небесное. Утром пришел Феодосии и сел возле него. Умиравший, взглянув на игумена, сказал: «Не забудь же, что ты обещал мне в эту ночь». Великий Феодосии отвечал ему: «Брат Дамиан, да будет тебе, что обещано мною». Он же, сомкнув очи, предал дух свой Господу, ч , >

Преподобный Агапит был киевским уроженцем и, постригшись, служил безмездным врачом в обители. Когда занемогал кто-либо из братии, Агапит, оставляя свою келью, переходил к больному брату, служил ему и давал вместо лекарства свою пищу — вареную траву. И больной, по молитве его, выздоравливал. Многие из города приходили к нему, и безмездный врач никому не отказывал в благодатной помощи. Однажды заболел внук Ярослава, Владимир Всеволодович, по прозванию Мономах, княживший тогда в Чернигове. Не получая помощи от своих врачей, он послал звать к себе Агапита. «Если пойду к князю,— рассуждал блаженный Агапит,— то должен ходить и ко всем. Для человеческой славы не пойду за ворота монастырские, чтобы не преступить сим обета».

Он не пошел к князю, но послал ему вареную траву, которую употреблял в пищу. Исцеленный князь пришел благодарить чудотворца, но Агапит скрылся. Тогда Мономах отправился в его келью и оставил в благодарность несколько золотых монет; Агапит же, вернувшись, выкинул это золото. Чудесное врачевание безмездного врача печерского возбудило зависть в одном армянине, который славился тогда в Киеве своим врачевным искусством. Убедившись, однако, многократными опытами, что во врачевании Агапита действует сила небесная, армянин вскоре после блаженной кончины Агапита сам сделался иноком и в добрых подвигах кончил свою жизнь.

Преподобный Дионисий, иеромонах и блюститель пещер, по прозванию Щепа, вошел в день Светлого Праздника Воскресения Христова в пещеру преподобного Антония покадить тела усопших святых; придя на место, называемое общиной, или трапезой, Дионисий, покадивши, сказал: «Святые отцы и братия! Сегодняшний день есть день Великий: Христос Воскресе!» И тотчас ответил ему голос от всех мощей, прогремевший, как гром: «Воистину Воскресе!» До глубины души пораженный этим чудом, Дионисий заключился в затворе, где и почил.

Преподобный Николай Святоша, правнук великого князя Ярослава, первый из русских князей добровольно принял иночество, хотя имел жену и детей. Оставив княжество, он проходил разные послушания в Печерской обители: три года работал с братией на поварне, сам рубил дрова, носил из реки воду на плечах своих и приготавливал братскую пищу; еще три года стоял у врат монастырских, как сторож, не отходя никуда, кроме церкви; отсюда был взят служить при трапезе и своим усердием приобрел общую любовь. После таких подвигов послушания преподобный должен был, по совету игумена и всей братии, поселиться в келий и заботиться только о собственном спасении. Он повиновался, и никто никогда не видел его праздным. Своими руками он насадил перед своей кельей небольшой сад и постоянно занимался каким-либо рукоделием, произнося при этом молитвы. Преподобный не вкушал ничего, кроме общей монастырской пищи на трапезе, и не имел у себя никакой собственности, потому что раздавал нищим и на устройство церкви все, что получал от родственников. Братья его долго старались возвратить его в мир, особенно через врача, поселившегося для инока-князя в Киеве. Врач уверял, что такая суровая жизнь очень вредна для здоровья князя. «Да и благочестивые братья твои,— говорил врач,— терпят укоризну от твоей нищеты. Кто из князей поступал так? Кто из бояр пожелал иночества, кроме того Варлаама, который был здесь игуменом?» Блаженный князь отвечал ему: «Много думал я и положил не щадить плоти моей, чтобы она не одолевала меня, пусть она, угнетаемая многими трудами, смирится. Если никто из князей не делал этого прежде меня, то пусть я буду вождем, и кто захочет, пойдет по следам моим. Благодарю Бога моего, что освободил меня от работы мирской и сотворил слугой рабам Своим, блаженным

черноризцам. Братья мои пусть думают о своем спасении, а мне прибыток, если умру для Христа».

Преподобный Мартирий Диакон сподобился при жизни за великие подвиги и чистоту жизни дара чудотворения, так что к нему обращались многие за молитвенной помощью в разных нуждах; и все, за кого он молился, стоя на амвоне, получали просимое: исцеление от болезней, избавление от скорбей, искушений и всяких бед и нужд. После его праведной кончины и до нынешнего времени мощи его тоже обладают даром чудотворения для всех, с верой и молитвой прибегающих к нему.

Преподобный Алипий, выучившись иконописанию от греческих мастеров, которые расписывали Великую лаврскую церковь, принял потом пострижение, трудился неусыпно и бесплатно писал иконы для игумена, для братии и для церквей киевских. За чистую и добродетельную жизнь он удостоился священства и был прославлен от Бога даром чудотворения: он помазывал раны своими красками, как лекарством, и больные исцелялись. Одна из икон, чудесно написанная в его келий, находится и теперь в Ростовском Успенском соборе, где она сохранена невредимой при трех больших пожарах, при падении первого каменного храма и при грабительских набегах татар и поляков. Другая икона была также чудесно написана в последние дни жизни Алипия. Он сказал братии: «Ангел, написавший икону, стоит передо мной и хочет взять меня». С этими словами первый русский иконописец предал дух свой Богу.

Преподобные Спиридон и Никодим занимались печением просфор, трудясь единодушно в течение тридцати лет. Первый из них, будучи неграмотным, выучил наизусть всю Псалтырь и прочитывал ее ежедневно при своей работе. Троеперстное изображение крестного знамения, которым преподобный Спиридон осенил себя в минуту кончины, сохранилось до сих пор на его руке и обращает к православию многих раскольников-староверов, которые думают, что по старине крестное знамение должно быть двуперстным.

Преподобный Евстратий Постник попал в плен к половцам, разорившим в 1096 году Печерский монастырь. Он вскоре с 20 киевскими людьми и 30 монастырскими работниками был продан в неволю в Корсунь одному еврею. Еврей стал принуждать своих пленников голодом к отречению от Христа, но мужественный Евстратий умолял их не отречься и постоянно подкреплял поучениями из Священного Писания. Эти блаженные пленники, славные имена которых, к сожалению, до нас не дошли, подкрепляемые Ев- стратием, решили лучше умереть, чем отвергнуть веру Христову, и действительно, мучимые голодом и жаждой, постепенно умирали, причем по прошествии 14 дней остался жив один только Евстратий, привыкший к посту с юности. Еврей, видя, что благодаря Евстратию он лишился всех своих денег, уплаченных за русских пленных, решил жестоко отомстить ему и в день Святой Пасхи распял его на кресте в присутствии многочисленных других иудеев. Будучи пригвожден к кресту, распятый страдалец благодарил Господа

Иисуса Христа за то, что удостоил его пострадать так, как пострадал Он Сам. «Я верю,— говорил он иудеям,— что Господь скажет некогда и мне, как сказал разбойнику: Сегодня будешь со Мною в раю. Но вас постигнет мщение за кровь христианскую». Раздраженный еврей пронзил страдальца копьем и бросил тело его в море. Это было 28 марта 1096 года. Вскоре казнь Божия постигла убийцу: он был повешен. Многие же из иудеев, присутствовавших при крестной казни Евстратия, крестились. Мощи святого мученика были отысканы верующими и положены в Антониеву пещеру.

Преподобный Кукша был просветителем вятичей, где во времена Феодосия было еще много язычников. Одушевляемый святой ревностью к вере, Кукша с учеником своим оставил Киево-Печерскую обитель, чтобы проповедовать истину Христовой веры грубым язычникам; проповедь его сопровождалась чудесами, которые утверждали веру в сердцах народа; но это, конечно, сильно раздражало языческих волхвов, которые и предали святого Кукшу мучительной смерти вместе с его учеником.

В один день и час с ним в Печерской обители скончался и преподобный Пимен Постник, друг Кукши. Он исцелял недужных, имел дар пророчества и за два года предсказал свое отшествие к Богу. В день убиения Кукши он стал посреди церкви и громко воскликнул: «Брат наш Кукша теперь убит»,— и затем тотчас же преставился сам.

Святой Леонтий, ученик преподобного Антония, прославился просвещением в Ростовской земле, населенной грубым финским племенем — мерю. Он встретил в них упорных и суровых идолопоклонников и подвергся с их стороны побоям и брани. Но святой Леонтий решил не оставлять вверенного ему стада. Поселясь за городом Ростовом, он построил деревянный храм в честь архистратига Михаила и стал приглашать к себе детей: кормил и ласкал их. Дети, конечно, охотно ходили к святителю, и он учил их началам святой веры, а потом и крестил. За детьми крестились и некоторые взрослые. Но застарелые язычники взволновались и бросились однажды к церкви с дубинами и оружием. Причт, окружавший Леонтия, испугался, но святитель был спокоен. Облачившись в ризы, он вместе со священниками и диаконами, также облаченными в ризы, вышел к дикому народу. Спокойная твердость его поразила язычников. Они пали перед ним в страхе, и многие крестились. Святой Леонтий рукоположил много священников и диаконов, но не успел привести ко Христу всю «заблудшую чужь», и окончил свой апостольский подвиг мученической смертью, вероятно, в 1070 году.

Таковы были первые обитатели Киевской пещерной обители.

Среди подвижников, почивающих в Антониевой пещере, обращает на себя внимание открытый гроб с мощами, над которым надпись: «Илья из Мурома». Житие этого праведного Ильи, к сожалению, совершенно неизвестно, но глядя на его честные мощи, вспоминается другой Илья из Мурома, славный богатырь наших былин, и невольно думается, не он ли

окончил здесь свой земной путь, смиренно приняв пострижение, а после праведной кончины прославился нетлением своих мощей.

При этих мыслях каждый русский человек невольно осеняет себя крестным знамением, а сердце его невольно возносит к Богу молитву, чтобы и в настоящие дни жили и не переводились бы могучие богатырским духом и крепкие православной верой верные сыны нашей Родины.

Далеко ушли от нас те времена, когда были живы дивные иноки, прославившие Киево-Печерскую обитель; давно уже и Киев перестал быть стольным городом всей Руси; но благоговейная память о принятии здесь святого крещения русским народом, о славных князьях, в нем сидевших, о великих подвигах наших богатырей и ратных людей, а также и о делах смиренных обитателей его пещер будет жить навсегда в русских сердцах

Всегда с особым чувством сердечного умиления приближается каждый из нас к матери русских городов и киевским святыням.

Эти чувства, волнующие душу русских людей при виде Киева, прекрасно выражены Алексеем Степановичем Хомяковым в его стихотворении

#### КИЕВ

Высоко передо мною  
Старый Киев над Днепром;  
Днепр сверкает под горою  
Переливным серебром.  
Слава, Киев многовечный,  
Русской славы колыбель.  
Слава, Днепр наш быстротечный,  
Руси чистая купель.  
Сладко песни раздалися—  
В небе тих вечерний звон..  
«Вы откуда собралися,  
Богомольцы, на поклон?»  
«Я оттуда, где струится  
Тихий Дон — краса степей».  
«Я оттуда где клубится  
Беспредельный Енисей».  
«Край мой — теплый берег Эвксина»[\[11\]](#),  
«Край мой — берег тех дальних стран,  
Где одна сплошная льдина  
Оковала океан».  
«Дик и страшен верх Алтая,  
Вечен блеск его снегов —  
Там страна моя родная!»

«Мне отчизна старый Псков».

«Я от Ладоги холодной».

«Я от синих волн Невы».

«Я от Камы многоводной».

«Я от матушки-Москвы».

Слава, Днепр, седые волны!

Слава, Киев, чудный град!

Мрак пещер твоих безмолвный

Краше царственных палат!

Знаем мы, в века былые,

В древню ночь и мрак глубок

Над тобой блеснул России

Солнца вечного восток.

И теперь из стран далеких,

Из неведомых степей,

От полночных рек глубоких,

Полк молящихся детей,

Мы вокруг твоей святыни

Все с любовью собраны...

Обозревая тот длинный жизненный путь, который совершили наши предки в течение тысячелетий, прошедших со времени выхода их из арийской родины до создания могучей Руси, нами описанной, мы можем с гордостью сказать, что ростом своей силы и славы они обязаны были исключительно самим себе, основному свойству своей души — благородству.

Действительно, только оно придавало им всегда то беззаветное мужество и бесстрашие перед смертью, которым они славились во все времена. А это мужество и бесстрашие были совершенно необходимы, чтобы не погибнуть в борьбе с грозными и многочисленными врагами, всегда пытавшимися наложить свою руку на Русскую землю. Надо твердо помнить, что каждая пядь Русской земли, на которой мы живем, действительно для нас Родная Земля, так как каждая пядь ее была обильно полита кровью не только наших праотцев, но также и кровью наших храбрых и доблестных праматерей, постоянно жертвовавших за нее своей жизнью.

Вот почему эта земля нам дорога; мы связаны с ней кровью длинного ряда наших великих предков. Вот почему священнейший долг каждого из нас состоит в том, чтобы всеми силами своими — и телесными, и душевными, всегда беречь эту землю, а в случае необходимости бестрепетно полагать для защиты ее свою жизнь.

То самое душевное благородство, которое всегда давало нашим предкам мужество и бесстрашие для победы многочисленных врагов Русской земли, оно же постоянно направляло их силы и к мирному труду, столь

необходимому для прочного закрепления за собой кровью приобретенной земли; оно направляло их на высокое искусство возделывать землю, на отважное мореходство, на трудный промысел за диким пушным зверем и на славное торговое дело.

И во всем этом, благодаря основному качеству их души, заставлявшему каждого честно и с любовью относиться к тому делу, которому он служит, предки наши тоже приобрели громкую славу. Наш хлеб с незапамятных времен считался лучшим и шел для продажи во многие далекие страны; драгоценные меха, искусно добываемые нашими смелыми ловцами за зверем, были известны всем народам и ценились крайне дорого; ладьи наших отважных мореходов бороздили многие моря и поднимались по неведомым рекам в самые отдаленные края; наконец, русские гости-купцы славились своей богатой торговлей, приветливостью и высокой честностью.

Во внутренней, домашней жизни основным качеством наших прародителей была верность своим близким, названным братьям и вождям, за которыми они шли с величайшей охотой на смерть. Эта изумительная верность древних обитателей Русской земли, поражавшая другие народы, была тоже прямым следствием их высокой души.

На этом же свойстве души было основано у них и отношение к женщинам. Мы знаем, что в языческие времена у нас господствовало многоженство; однако, несмотря на это, положение женщины в семье было и тогда очень высоко и почетно: обыкновенно девушки были свободны в выборе себе мужа, почему, выходя замуж, древние русские женщины горячо привязывались к мужьям и были настоящими их помощницами во всех делах; они часто сражались рядом с ними и часто же сами лишали себя жизни, не желая переносить вдовства.

Уважение, которое питали люди одного сословия к занятиям другого, причем всякий труд считался почетным, было опять следствием того же общего высокого нравственного чувства.

Мы видели, что, несмотря на большую жесткость нравов, господствовавшую в древние времена, предки наши никогда не доходили до таких зверств в обращении со своими пленными, как греки и римляне; напротив, они обыкновенно были очень ласковы с ними и считали их своими домашними. Все это указывает на большую сердечную доброту, издревле присущую русскому человеку.

Наконец, русская гордость, никогда не прощавшая обид, нанесенных кому-либо из своих, почему предки наши всегда жестоко наказывали за эти обиды, поднимаясь для этого, когда было нужно, целым народом, также должна быть признана одним из лучших их свойств; конечно, и мы, их потомки, в подобных случаях должны следовать их примеру и никому не позволять обижать русское имя и русского человека.

Постоянным источником величайшего несчастья для самих же славян были, как мы знаем, их вечные взаимные раздоры, основанные на излишнем свободолюбии и нежелании подчинить своего мнения мнению других.

Мы видели, что этим свойством славян пользовались их враги, искусно раздувая их взаимные нелады, а врагами славян всегда были все народы, которые жили около них. Эта же страсть к раздорам долго не давала возможности нашим предкам соединиться в одно крепкое государство; наоборот, раздоры эти привели нас к постыдному аварскому, а потом и хазарскому игу, а на западе Европы и к тому, что некоторые отдельные славянские племена, несмотря на всю свою отвагу, были покорены и даже вовсе истреблены.

Но когда ильменские славяне осознали, что жить среди взаимных усобиц дальше нельзя, и пришли к мудрому решению поставить над собой для взаимного объединения высшую власть, для чего и призвали русских князей, то мощь и сила нашего государства тотчас же начинает расти с изумительной быстротой. Еще во времена Аскольдовы патриарх Фотий в знаменитой проповеди своей в стенах Святой Софии назвал нас, вследствие униженной зависимости от хазар, «народом не почетным, народом, считаемым наравне с рабами», а менее чем через двести лет все могущественные государи Европы считали для себя высокой честью получить руку одной из дочерей русского великого князя или найти убежище при его дворе в случае своих невзгод. Эта громадная перемена в положении Руси была, конечно, создана исключительно благодаря высоким душевным качествам наших доблестных предков.

Действительно, решив признать над собой высшую власть и отдаться в руки призванных князей, наши предки, по свойственному им благородству, отдались этим князьям совсем, со всей своей беззаветной преданностью. Конечно, это тотчас же повело к полному освобождению их от хазарского ига и к быстрому росту государства, тем более что среди наших первых князей было несколько замечательных полководцев; имея под своей рукой храбрую и беззаветно преданную рать, они и могли одерживать все свои блестящие победы с целью объединения Русской земли.

Однако, несмотря на всю храбрость и мужество, проявленные нашими прародителями при быстрых, смелых и победоносных походах Аскольда, Олега и Святослава, еще более достойно глубочайшего уважения их поведение при неудачах, которые постигали порой наших князей: мы видели, что князь Игорь был вообще несчастлив в ратном деле, да и Ярослав не раз бывал наголову разбит; наконец, и сам великий Святослав окончил свои славные дела неудачей под Доростолом и печальной гибелью у Днепровских порогов.

Вот тут-то, во время этих тягостных испытаний, поведение наших предков и достойно самого величайшего уважения.

Народ нестойкий, народ с мелкой душой, народ неразумный и вздорный народ, не привязанный к своей земле, народ, не имеющий или не знающий

своего славного прошлого, словом,— народ неблагородный, всегда отворачивается от своих вождей, когда их постигает несчастье; такой народ всегда начинает винить их в неудачах, которые произошли в бою, в походе, или в государственной жизни; в таком народе сейчас же начинается неудовольствие и брожение, восстание воинских частей и позорные беспорядки; он этим, конечно, окончательно себя ослабляет и делается затем легкой добычей внешних врагов.

Но не таковы были наши стойкие, мудрые и благородные предки. Каждый из них понимал, что военное счастье переменчиво, что неудача может быть уделом всякого, и что единственное средство вернуть себе это счастье и поправить неудачу заключается в верности и преданности своим вождям и в готовности жертвовать всем до последнего, чтобы собирать новые силы до тех пор, пока враг не будет сломлен.

И что же мы видим? Несмотря на ряд неудач Игоря, на горестный конец Святослава, на занятие Киева Болеславом, на постоянные набеги печенегов, Русь, несмотря на все это, благодаря необыкновенной стойкости ее сынов и их преданности своим князьям в тяжелые времена все росла и росла и быстро превратилась в самое могущественное и большое государство во всей Европе.

Конечно, все это произошло исключительно вследствие высоких душевных свойств наших предков.

Особенно ярко сказалось их благородство, переходящее в истинное величие духа, в отношениях доблестных новгородских мужей к Ярославу. Дважды он был в несчастьи и притом каждый раз при исключительно тяжелых обстоятельствах, и оба раза они выручают его, жертвуя для этого и своей жизнью, и своим состоянием. Первый раз он иссек накануне из мести множество их лучших мужей, но как только впал в несчастье, так сейчас же, на другое утро, услышал от остальных достопамятный ответ: «А мы, княже, за тебя идем. Если и погибли наши братья, можем за тебя бороться».

Второй раз, неожиданно разгромленный Болеславом Храбрым до такой степени, что еле мог уйти с поля битвы сам-пять, Ярослав, придя в Новгород, приготовился уже бежать дальше, к варягам; но и тут славные новгородцы, великие своими сердцами, не оставили его в несчастьи. Эти мужественные люди, большая часть которых состояла из простых плотников и ремесленников, рассекли княжеские ладьи, приготовленные к отплытию за море, и, объявив: «Хотим еще биться с Болеславом и Святополком»,— сейчас же начали собирать людей и деньги на новую войну, причем добровольно сами обложили себя огромным налогом: по четыре куны с простого человека, по 10 гривен со старост и по 18 гривен с бояр.

В полном блеске и силе сказались все высокие душевные свойства наших предков при восприятии ими Христовой веры. Мы видели, какой ряд дивных подвижников засиял на Руси вскоре же после ее крещения. Мы видели также, как проникновенна была и для простых мирян проповедь главной христианской добродетели — смирения.

Конечно, такое полное и глубокое усвоение истин Христова учения могло быть только у людей с возвышенными душами, так как святая православная вера наша не есть удел рассудка и его мудрствований, а постигается исключительно благоговейным сердцем и душой, способной проникнуться пониманием высокого подвига нашего Спасителя и Его Божественного происхождения.

Таковы были наши предки, создавшие Русь.

Создавши ее, они оставили нам, их потомкам, устами своих трех лучших мужей три великих завета, как хранить и беречь их святое наследие — Русскую землю.

Эти заветы каждый из нас всегда должен носить в своем сердце.

Великий Святослав заповедал под Доростолом: «Деды и отцы наши завещали нам храбрые дела. Станем крепко. Нет у нас в обычае спасать себя постыдным бегством. Или останемся живы и победим, или умрем со славой. Мертвые срама не знают, а убежавши от битвы, как покажемся людям на глаза».

Мудрый Ярослав, собрав перед смертью детей своих, сказал: «Если будете жить в любви между собой, то Бог будет с вами. Он покорит вам всех врагов, и будете жить в мире; если же станете ненавидеть друг друга, ссориться, то и сами погибнете, и погубите землю отцов и дедов ваших, которую они приобрели трудом своим великим».

Святой же Феодосии завещал: «Нет иной веры лучшей, чем наша чистая, святая, православная вера.

Если тебе нужно будет даже умереть за эту святую веру — с дерзновением иди на смерть. Так и святые умирали за веру, а ныне живут во Христе.

Не подобает хвалить чужую веру. Кто хвалит чужую веру, тот все равно что свою хулит. Если же кто будет хвалить свою и чужую, то он двоеверец, близок ереси.

Берегись кривоверов и всех бесед их, ибо и наша земля наполнилась ими.

Берегись их и всегда стой за свою веру.

Не братайся с ними, но бегай от них и подвизайся в своей вере добрыми делами.

Твори милостыню не своим только по вере, но и чужеверным. Если увидишь нагого, или голодного, или в беду попавшего, будет ли то жид, или турок, или латинянин, ко всякому будь милостив, избавь его от беды, как можешь, и не лишен будешь награды у Бога».

1) Единственный оставшийся в живых брат Судислав, сидевший в Пскове, был, по словам преподобного Нестора, оклеветан перед Ярославом и заключен в темницу (Прим автора)

2) Владимир умер в 1052 юду. (Прим. автора)

3) Пахарь. (Прим. автора)

4) Плеть с ввязанной в нее пулей. (Прим. автора)

5) Ездят по чистому полю, отыскивая приключений. (Прим. автора)

6) Вражья сила. (Прим. автора).

- 7] Это будет подробно описано во второй части «Сказаний о Русской земле». (Прим. автора)
- 8] В настоящее время ученые полагают, что древнейший из дошедших до нас сводов составлен не Нестором, а игуменом Сильвестром; Нестор же написал «Житие святого Феодосия» и, вероятно, некоторые части летописи, вошедшие в свод. Полное рассмотрение вопроса о происхождении русских летописей читатель найдет в обширном труде академика А. А. Шахматова: «Разыскания о древнейших русских летописных сводах», напечатанном в «Летописи занятий Императорской археологической комиссии» за 1907 год. (Прим. автора)
- 9] Об этом будет подробно изложено во второй части «Сказаний о Русской земле». (Прим. автора).
- 10] Наконец, в Антониевых же пещерах покоятся в закрытой раке нетленные мощи святой праведной Иулиании девы Тело ее было обретено в начале семнадцатого столетия совершенно случайно близ Большой лаврской церкви, когда стали копать землю при устройстве могилы для одной покойницы Здесь нашли камень со знаменем князей Ольшанских, а под ним раку, в которой лежала, совершенно как будто живая, усопшая молодая девушка, одетая в драгоценнейшую тканую шелком и золотом одежду, тоже как будто только что сшитую, на шее у почившей были надеты золотые гривны со многими бисерами, на руках драгоценные кольца, на голове девический золотой венец, а в ушах дорогие же серьги с камнями большой ценности На раке была серебряная вызолоченная дощечка с надписью «Иулиания, княжна Ольшанская, дочь князя Григория Ольшанского, преставившаяся девою, в лето от рождения своего 16-е» Так как больше никаких сведений о деве Иулиании в лавре не имелось, то раку ее поставили в Печерской церкви, но ей никто особого почета не оказывал Вскоре, однако, она явилась в чудесном видении Киевскому митрополиту Петру Могиле и указала ему, что к мощам ее следует относиться с большим благоговением Тогда митрополит приказал чтить ее мощи, как святые Впоследствии, после пожара в Большой лаврской церкви, они были перенесены в Антониевы пещеры (Прим автора)
- 11] Эвксин —греческое название Черного моря (Прим автора)

## ИСТОЧНИКИ

### ЧАСТЬ I

*На русском языке:*

- “Полное собрание русских летописей”.
- “Указатель к 8-ми томам полного собрания русских летописей”. Отделы I и II.
- “История государства Российского” Н. М. Карамзина.
- “История России с древнейших времен” — С. Соловьева.
- “История русской жизни с древнейших времен” —И. Е. Забелина.
- “История российская с самых древних времен” - В. Татищева. Издание 1774 года.
- “История российская с древнейших времен”- князя М. Щербатова. Издание 1794 года.
- “История России” Д. Иловайского.
- “Курс русской истории”— В. Ключевского.
- “Боярская дума Древней Руси” его же.
- “Лекции по русской истории” — С.Ф. Платонова.
- “Русская история в жизнеописаниях ее Главнейших деятелей” -Н. Костомарова.
- “Русская история” К. Бестужева-Рюмина.

“Царственный летописец” - рукопись.

“Радзивилловская летопись”, рукопись XV века, принадлежащая Императорской Академии наук.

“Радзивилловская летопись”, изданная Императорским Обществом любителей древней русской письменности, со статьями академиков Н. П. Кондакова и А. А. Шахматова.

“Философия общего дела” Н. Ф. Федорова.

“Разыскания о древнейших русских летописях” — академика А. А. Шахматова.

“О так называемой Ростовской летописи” — его же.

“Сказание о призвании варягов” — его же.

“О первоначальной летописи” князя М. Оболенского.

“Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке” — А. Л. Шлецера.

“Состав и характер летописи” — М. Н. Сухомлинова.

“Четьи-Минеи” — святого Димитрия Ростовского.

“Жития Святых, чтимых Православной Церковью” — преосвященного Филарета.

“История Русской церкви” - Е. Голубинского.

“Рассказы из истории Русской церкви” — графа М. Толстого.

“Киево-Печерский Патерик”.

“Афонский Патерик”.

“История Православной Церкви” — К. П. Победоносцева.

“Святыни и древности Пскова и Новгорода” — графа М. Толстого.

“Сильвестровский сборник”, рукопись XIV века, заключающая лицевое житие святых Бориса и Глеба.

“Лицевое житие святых благоверных князей русских Бориса и Глеба”, изданное по рукописи XV века Импер. Общ. любителей древ. русской письменности.

“Толковая рукописная Палея” новгородского письма 1477 года, принадлежащая Патриаршей библиотеке в Москве.

“Большая Государственная книга 1672 года, или Корень российских государей, также Царский Титулярник”.

“Русские древности в памятниках искусства” — Графа И. Толстого и Н. Кондакова.

“Русские клады” — Н. Кондакова.

“Александрия” рукопись XVII века, принадлежащая Московскому Историческому музею.

“Миниатюры некоторых рукописей византийских, болгарских, русских, джа-гатайских и персидских” — В. В. Стасова.

“Древности Босфора Киммерийского”.

“Первобытные древности” (история Южной России) — Н. Веселовского.

“Очерки памятников христианской иконографии и искусства” --Н. Покровского.

“Палеографическое значение бумажных водяных знаков” Н. П. Лихачева.

“Материалы для истории русского иконописания” — его же.

“Из лекций по дипломатике” — его же.

“Херсонес Таврический” — графа А. Бобринского.

“Раскопки Ольвии в 1902 — 1903 годах” — Б. В. Фармаковского.

“Золотые обивки налучий из Ильинецкого и Чертомлыцкого курганов” — его же.

“Исторические труды императрицы Екатерины Второй” — Пыпина.

“Очерки событий по русской истории”, издание 1839 года - М. Резвого.

“Две заметки по вопросам русского языкознания” -В. Рудановского.

“Древности русского права” — В. Сергеевича.

“Княжее право в Древней Руси” — А. Преснякова.

“Московская историческая энциклопедия XVI века” — его же.

“Материалы по истории русской одежды” — В. Прохорова.

“Русские исторические одежды” — С. Стрекалова.

“Географическо-статистический словарь Российской империи” — П. Семенова.

“Былое Черниговской земли” — Я. Ярыгина.

“Библийская история” А. П. Лопухина.

“Путеводитель по Святой Афонской горе”.

“История русской словесности” — Н. Полевого.

“Русский богатырский эпос” — Ф. Буслаева.

“Книга былин”— В. П. Авенариуса.

“Учебный атлас русской истории” — барона Н. Торнау.

“Великокняжеская и царская охота на Руси” — Н. Кутепова.

“Из истории славянских передвижений” — А. Л. Погодина.

“Всемирная история” — Шлоссера.

“Всеобщая история” — А. Иегера.

“Эллинизм со времен Александра Великого” — Р. Ф. Скала.

“Придунайские народы” — Генриха Влислоцкого.

“Памятники христианского Херсонеса”.

“Жития херсонских святых в греко-славянской письменности” — П. Лаврова.

“Картинный атлас всемирной истории”—Л. Вейссера.

“Русская военная история” — князя Н. С. Голицына.

“Русская военная сила” — издание В. Пирогова.

“Россия и ее моря” —А. Ф. Риттиха и А. Л. Бубнова.

“Картины России” — П. Свиньина. Изд. 1839 года.

“Русская история в картинах, или живописный Карамзин” — изд. А. Прево.

“Северное сияние” — художественный альбом.

“История русского искусства” — Игоря Грабаря.

*На церковно-славянском языке:*

“Мирославово Евагелие” — XII века. Издание сербского короля Александра.

*на польском языке:*

Польский гербовник “Гнездо добродетелей”, соч. Папроцкого, изд. 1550 года. “Польское собрание оригинальных рисунков”, принадлежащее Императорской Академии художеств.

*На греческом языке:*

“Хроника Ивана Скилицы Куропалата” - греческая рукопись середины XIV века, принадлежащая Испанскому Национальному музею в Мадриде.

*На латинском языке:*

“Космография” Себастьяна Мюнстера. Изд. 1550 года.

“Описание Европейской Сарматии” — А. Гваньини. Изд. 1581 года.

*На французском языке:*

“Византийская эпопея в конце X века”, три части — Шлумбержера.

“Византийский император в X веке” — его же.

“Реймское славянское Евангелие” Л. Лежье.

“Сборник исторических документов, касающихся королевы Анны, супруги Генриха I и дочери Ярослава Мудрого” князя Лобанова-Ростовского.

“Анна Русская, королева французская и графиня Валуа в XI веке” — виконта де Кэ.

“Свидетельство современников о святом Владимире” князя А. Голицына.

“Траянова колонна” — Н. Фронер.

“Царский некрополь в Сидоне” С. Рейнарх и Гамди-бей.

“О неравенстве человеческих пород” — графа Гобино.

“История Польши” — Иоахима Лелевеля.

“Сборник древностей” — Даремберга и Сальо.

*На немецком языке:*

“Истории” — Геродота.

“Божества древних греков” — Л. Преллера.

“Греческая иконография” — Бернулли.

“Живопись на вазах” — Фуртвенглера и Рейхгольда.

“Достопримечательности классических древностей” Баумейстера.

“О руссах, произведших в 844 году нападение на Испанию” — Крузе.

“О походе русских в 944 году на бери а Каспийского моря” — Куника.

“Космография” Себастьяна Мюнстера. Изд. 1550 и 1572 гг.